

Алан Банкер

Долина скорби

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алан Банкер
Долина скорби

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Алан Банкер

Долина скорби / Алан Банкер — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Падение надгробий, восхождение западной звезды, восстание мертвых и смерть королевы от руки собственного сына - что объединяет все эти как будто не связанные между собой события? Ответ один - древнее, как срединное королевство, пророчество, которое вот-вот должно сбыться: мертвые восстанут, и не останется ни одного уголка в мире живых, где бы мог спрятаться человек. Пороки, безверие и междоусобицы, в которых погрязли обитатели королевства, подтачивают основы некогда великой державы, и как будто нет силы, способной предотвратить надвигающуюся катастрофу. Однако не все так безнадежно, как кажется на первый взгляд, ибо среди людей есть те, что еще не позабыли о таких достоинствах, как честь, мужество, справедливость и чувство долга. Столкнувшись с доселе невиданным врагом, уничтожающим на своем пути все живое, они встают грудью на защиту всего того, ради чего живут и умирают. Содержит нецензурную брань.

© Алан Банкер, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

ПРОЛОГ	5
КАЛУМ	20
ДВЕ СТРЕЛЫ	26
ЮЖНЫЙ КРЕСТ	35
КЛОДИЯ	42
КАЛУМ	48
ТАЛБОТ	53
УИЗЛИ	55
БРАТЬЯ САВЬЕР	60
ЧАМБЕРС	65
АДА	72
ЭРИК	75
ТАУН-ХОЛЛ	78
КАЛУМ	85
БРАТЬЯ САВЬЕР	88
УИЗЛИ	92
ТАРМИСА	95
БРАТЬЯ САВЬЕР	97
АБРАН	99
ПОТРОШИТЕЛИ	104
КИЛИАН	115
УИЗЛИ	120
ВСТРЕЧА	123
АНРИ	127
МАНТОЙЯ	129
Конец ознакомительного фрагмента.	131

ПРОЛОГ

– Сир, пока не поздно, надо возвращаться, – раздался хриплый голос капитана Огвула.

– Прилив еще не скоро, – отозвался сир Бриан, подняв взгляд к небу.

Накрывшись плащами, они сидели в засаде, спрятавшись за валунами. Позади них находился отряд из сотни солдат, полдня просидевших под палящими лучами солнца. Дождавшись утреннего отлива, они преодолели Бухту смерти¹ и закрепились на ее восточном берегу, намереваясь встретить врага на ближних подступах к Соутгэту². Слева от них возвышалась каменная гряда, справа виднелось Знойное море³, отступившее от берега на пару миль. Впереди на десятки миль, куда только забирался взгляд, простиралось побережье, зажатое между морем и дюнами. Позади – равнина, усеянная кусками дерева, костями людей и лошадей, торчащими из толщи темно-серого песка.

– Сир, хирамцев⁴ пять сотен, и нам их не сдержать.

– С нами Боги, а там где Боги, Огвул, там – победа.

– При всем моем уважении к вам, сир, я не уверен, что хирамцы пойдут через Бухту смерти.

– Пойдут не пойдут, на то воля Богов! А ты вот что, мой храбрый капитан, языком понапрасну не мели, пойдти, да приободри людей, и то польза будет.

– Сир.

Поднявшись, Огвул развернулся и на полусогнутых ногах направился к солдатам. Спровоцивав капитана, сир Бриан улыбнулся, ибо тот ему напоминал отца. Как и Огвул, сир Тайрон Донокан был осторожен, и вместе с тем был храбр, как лев, и верен, как пес, верный хозяину до конца жизни. Чуждый славы и богатств, что приходят с победами над врагом, он избегал двора и внимания к собственной персоне, предпочитая проводить время среди солдат. Ощувив внутри себя тепло от воспоминаний об отце, сир Бриан

прислонился плечом к валуну и опустил взгляд на эфес отцовского меча. Широкий, не более трех футов, меч привлекал внимание железным эфесом, украшенным массивным навершием в виде черепа, заключенного в тонкие дужки верхней гарды. Дужки нижней гарды, напротив, были широки и обращены к острию клинка. С этим мечом его отец исходил все южное побережье Соутланда⁵, пока его не постиг удар. Прележав в постели три месяца, показавшихся ему целой вечностью, сир Тайрон воззвал к сыну, чтобы он остановил течение его жизни. Как истый сын, проявляющий заботу о родителе, Бриан отказал отцу и был непреклонен на протяжении двух последующих лет. Он как сейчас помнил тот самый день, когда отец, пребывая на смертном одре, сказал ему со слезами на глазах: «Сын, нет ничего хуже для воина, чем помирать в теплой постели». Сказав это, отец закрыл глаза и замер, отойдя в мир Богов. Вздохнув, сир Бриан ощутил внутри себя пустоту и потянулся к фляге, лежащей в выемке между валунами. Отвернув крышку, он запрокинул голову и, не успев сделать и двух глотков, узрел, как небо озарила молния, а вслед за тем раздался гром. Тучи, набежавшие со стороны моря, скрыли солнце, а затем посыпались мелкие щекотливые капли, но, то было только началом. Озаряясь вспышками молний, небо пару раз гроыхнуло и разродилось ливнем. Натянув капюшон на голову, сир Бриан поежился от внезапно напавшего холода, зевнул и закрыл глаза,

¹ Бухта смерти – бухта к востоку от Соутгэта.

² Соутгэт – Южные врата; портовый городок на южном побережье лорд-наместничества Соутланд.

³ Знойное море – одно из пяти морей, омывающих Срединное королевство.

⁴ Хирамцы – обитатели Хирама, страны безбрежных песков, отделенной от Срединного королевства Знойным морем.

⁵ Соутланд – Южная земля; лорд-наместничество Срединного королевства, в прошлом королевство Соутланд.

ощутив тяжесть в голове: он ничего не слышал, кроме дождя, барабанной дробью отдающегося в голове, словно все, и крики чаек, и шум моря, и приглушенные голоса солдат потонули в нем.

– Сир, очнитесь! – раздался голос.

Чья-то рука легла на плечо Бриана, слегка его потребив.

– Беда, сир!

Рука сжала его плечо, да так сильно, будто это была вовсе и не рука, а железные тиски, которыми палачи сжимают головы клятвопреступников.

– Эй, вставай, старый дурак! – сорвался голос на крик.

Вздвогнув, сир Бриан открыл глаза и тут в нос ударил запах сырой циновки. Вокруг раздавалось завывание ветра, резкие порывы которого так и норовили сорвать с него плащ. Косой дождь, хлеставший его, то слева, то справа, походил на надсмотрщика, проходящего плетью по спине раба. Перевалившись на спину, он узрел долговязого незнакомца, лица которого не сумел разглядеть, ибо небо, нависающее над их головами черной глыбой, исходило ливнем. Сквозь гром слышался вой, хотя собаки и волки в окрестностях Соутгэта были большой редкостью – первых ловили и пускали на мясо, скармливая его акулам, плавники и хвосты которых ценились не меньше, чем хирамский шелк; вторые обитали далеко к северу, в степях Соутланда, на полпути от южного побережья до Соутхиллса⁶.

– Ах ты, паршивец, – зарычал Бриан. – Я тебе покажу старого дурака...

Вскочив, он бросился на незнакомца с кулаками, как тут же спохватился, обомлев при виде Миддланда⁷, пшеничного поля, да сотен вооруженных простолюдинов, смотрящих в сторону Королевского тракта. Туман, в плену которого пребывал тракт, быстро исчезал: ни побережья, ни Знойного моря, ни Бухты смерти, ничего этого не было и в помине.

– Ты кто? – спросил Бриан.

– Гловин, сир, – ответил незнакомец.

– Какой такой Гловин, говори, куда подевался капитан Огвул?!

Схватив незнакомца за горло, сир Бриан сжал пальцы, будто намеревался задушить его.

– Сир... я... ваш... опол-че-нец, – прохрипел Гловин, обронив от неожиданности меч. – Мы, сир... по-бе-ду... одер-жа-ли... над... мя-теж-ни-ка-ми... помните?

– Мятежники? – удивился Бриан, отпустив ополченца.

– Сир, пророчество сбылось, – сказал Гловин, потирая шею.

– О, Боги, – только и сказал Бриан, глянув в сторону тракта.

От Королевского тракта, просуществовавшего тысячу лет, осталось только одно название: серые плиты, вздыбившись к небу, походили на покосившийся частокол, а расщелины между плитами стремительно заполнялись дождевой водой. Впрочем, сир Бриан недолго лицезрел столь тягостную картину, ибо вскоре раздался грозный рык, от которого он содрогнулся и ощутил внутри себя холод. Обнажив меч, он отстранил Гловина, сделал шаг и остановился, заведя, как из расщелин выползают воины, но, то были не воины, а демоны в облики воинов. В голове Бриана зашумело, а ноги предательски подогнулись и в следующее мгновение он провалился в беспамятство, упав лицом в жирную, напоенную дождем землю.

Воспоминания о прошлом, как сухие листья, срывающиеся с обглоданного ветром дерева, проносились в его голове жалкими обрывками. Схватка со степняками⁸ у Соутхиллса, в которой он впервые посмотрел в глаза смерти. Посвящение в рыцари, на котором присутствовал сам король Харлин, достойнейший представитель дома Бланчестеров⁹. Смерть отца, которого он боготворил всю свою жизнь, и по ком продолжал тосковать и по сей день, где бы

⁶ Соутхиллс – Южные холмы; главный город лорд-наместничества Соутланд.

⁷ Миддланд – Срединный город, столица Срединного королевства.

⁸ Степняки – разбойники, обитающие в степях Соутланда.

⁹ Дом Бланчестеров – династия правителей Срединного королевства.

ни находился. Бесконечные сражения с врагами короны, в которых лица степняков, ракушников¹⁰ и хирамцев сливались воедино, представляясь в образе воина с кровавым месивом вместо лица. Попойки и вылазки на охоту с королем Харлином, за дружбу с которым он не уставал благодарить судьбу. Весть об убийстве короля, которую он встретил в походе на степняков, и беспамятство, в которое он впал вслед за этой вестью...

– Сир, с вами все хорошо? – раздался голос, от которого нить воспоминаний оборвалась, и сир Бриан пришел в себя.

Открыв глаза, он приподнял голову и посмотрел непонимающим взглядом на Реджи – юношу семнадцати лет от роду, ходившего в его оруженосцах не первый год. Коренастый, с густой копной русых волос, ниспадающих на угловатые плечи, Реджинальд Барнс стоял в дверях и смотрел на господина с озабоченностью в синих, как небесная лазурь, глазах. Проведя ладонью по лицу, словно сгоняя пелену с глаз, сир Бриан уселся на дощатый пол и посмотрел по сторонам. Просторная, насыщенная солнечным светом комната, в которой он прибывал, ничем не напоминала ту картину, что привиделась ему во сне. По левую от него руку стояла широкая массивная кровать, с которой свисал край старого одеяла. По правую руку – узкая приземистая кровать, за которой находилась тумба с благовониями и бронзовым подсвечником в виде воина, вооруженного круглым щитом и продолговатой свечой, высоко занесенной над головой. Позади него находилось окно, сквозь которое в комнату проникали жаркие лучи солнца – верный признак позднего лета.

– Сир, все хорошо? – повторил вопрос Реджи немного погодя.

– Снова этот сон, – ответил сир Бриан, сознание к которому возвращалось по крупицам. – Капитан Огвул... Бухта смерти... хирамцы, и...

– И Гловин, сир?

– Да, и Гловин, которого знать не знаю, чтоб его демоны задрали!

– Позапрошлой ночью, сир, вы сильно ушиблись, упав с кровати.

– Было дело.

– Я беспокоюсь за вас, сир.

– Не надо, ибо кому суждено пасть в бою, тому не суждено умереть, упав с кровати, – глубокомысленно изрек Бриан, обнажив в улыбке наполовину заполненный зубами рот. Правда, вскоре улыбка слетела с его губ, будто ее ветром сдуло, ибо особого повода для веселья не было.

Он хорошо помнил тот день, когда пришла весть о кончине короля Харлина, перевернувшая его жизнь с ног на голову. Явившись ко двору, он встретил холодный прием Ее Величества королевы Ады, с равнодушием выслушавшей вести о победах над врагами короны. Посетив могилу короля, Бриан ничего лучшего не нашел, как отпроситься в распоряжение войска. Три последующих года он провел в сражениях, наводя ужас на степняков, ракушников и хирамцев, не заметив, как за это время растерял остатки бывшего влияния. Старая гвардия, состоявшая из верных королю Харлину рыцарей, была разогнана, а гвардейцы отосланы в разные концы королевства. Этой участи не избежал и сир Бриан, ибо вскоре после скоропостижной смерти короля Вилфрида, супруга Ее Величества, он был вызван в столицу и предстал перед королевой и придворными. Заявив, что – «королевству нужна свежая кровь», – королева освободила его от должности лорда-командующего, передав ее сиру Мердо. Взамен же он получил должность судьи и был отправлен в Вестхарбор¹¹, ибо «его присутствие в Вестхарборе, – как сказала королева, – как человека с богатым житейским опытом, просто необходимо, дабы ее драгоценный братец, принц Эрик, видел, что о нем не позабыли». Что Ее Величество хотело этим сказать, он так и не уразумел. Прибыв в Вестхарбор, сир Бриан первое время держался от принца в стороне, ибо до конца был верен его отцу, называя принца не иначе, как измен-

¹⁰ Ракушники – прибрежные пираты, промышляющие у южного и восточного побережья Соутланда.

¹¹ Вестхарбор – Восточная гавань; главный город лорд-наместничества Вестхарбор и Пяти Островов.

ником. Правда, со временем пылкая душа старика оттаяла, и он таки сошелся с принцем, не то от общности судьбы, не то от мудрости, которой преисполняется всякий, кто доживает до почтенного возраста. Так и проживали два изгнанника в одном городе, перекидываясь при встрече парой слов, ничего не значащих и ни к чему не обязывающих. Изредка принц вызывал его к себе, говоря о государственных делах так, будто говорил о чарующей природе Вестхарбора. В такие моменты принц напоминал ему шмеля, облетающего цветы в поисках нектара, ибо перескакивал с одной мысли на другую с такой легкостью, что он терялся в догадках.

– Простите за дерзость, сир, но, вы уже не тот, кем были прежде.

– Ты помнишь, кем я был прежде?

– Нет, сир.

– Если не помнишь, так почему говоришь то, о чем не ведаешь?

– Люди помнят, сир.

– Не пори чушь, сынок, у людей память коротка! Сегодня ты на коне, а завтра, эх..., – выдохнул Бриан, мотнув головой, ибо мысль о потерянных двенадцати годах жизни, проведенных в Вестхарборе, часто забредала в его голову.

Закинув руку на кровать, он неловко приподнялся, как ощутил на запястье руку оруженосца.

– Что, я совсем стар и немощен?

– Нет, сир, просто..., – ответил Реджи и отдернул руку.

– Если нет, так зачем тянешь свои ручонки? – процедил Бриан, ибо терпеть не мог жалости, ни к врагам, ни к самому себе.

– Простите, сир.

Усевшись на кровать, сир Бриан смягчил взгляд и улыбнулся, как порой улыбался его отец, понимая, что излишне суров к своему сыну.

– Отец мне говорил, что жалость подобна смерти.

– Подобна смерти?

– Да, сынок. Жалость, говорил он, сродни врагу, но, не тому, что пред глазами, а тому, что сидит внутри тебя.

– Не понимаю, сир.

– Вот и я не понимал, пока не узрел врага внутри себя, – нижняя губа сира Бриана задрожала. – Однажды, было это за восемь зим до кончины Его Величества, я забрел с отрядом в одно селение, накануне разграбленное хирамцами. Не найдя ни одной живой души, мы собрались уходить, как услышали плач. Три с лишним десятка детей, каким-то чудом избежавшие смерти, прятались в колодце на окраине селения. Вызволив детей, мы продолжили погоню, но не так, как того желали. Дети, будто камни на ногах, задерживали наше продвижение, что стоило жизней многим жителям королевства. Отряд хирамцев, продвинувшись глубоко в дюны, вырезал еще три селения, а воротившись к побережью, сжег дотла один из приморских городков,

уведя всех его жителей в рабство. Теперь, ты понимаешь меня?

– Ваш отец был мудрым человеком, сир.

– Что, правда, то, правда.

Сказав это, сир Бриан прислонился к стене и посмотрел в окно, из которого открывался чудный вид на Вестхарбор, походящий на полумесяц, упавший в сине-зеленое море. Леса Грин Каунтри¹², обступающие город с севера, запада и юга, словно толкали его в объятия Моря слез¹³. Западная окраина города была застроена неказистыми двух- и трехэтажными деревянными домами, в которых проживали бедняки и разного рода сброд, которого

¹² Грин Каунтри – Зеленая страна; леса к северу и востоку от Миддланда.

¹³ Море слез – одно из пяти морей, омывающих Срединное королевство.

всегда полным-полно в любом портовом городке. В срединной части города находились торгово-ремесленные кварталы, примечательные светло-серыми двухэтажными домами с крышами из красной черепицы. Красный цвет у добропорядочных жителей Вестхарбора почитался за цвет удачи и богатства. Северные и южные окраины были заселены рыбаками, будто подтверждение тому – снасти, развивающиеся на ветру у жалких рыбацких хибар. На побережье, усеянном корабельными мачтами, ютились одноэтажные белокаменные дома, принадлежащие знати и купечеству. Скрытые от посторонних взглядов высокими заборами, они отличались от прочих домов Вестхарбора наличием причалов и роскошных садов, запах которых перебивал хвойный запах Грин Каунтри. Среди них затесался и Дом Эдмуна – замок лорда-наместника Вестхарбора и Пяти Островов, Его Высочества принца Эрика Бланчестера. Прежде на месте замка находилось рыбацкое селение, принадлежавшее Державе Пяти Островов¹⁴. Известные разбойным нравом, островитяне, то бишь ракушники, часто совершали набеги на соседние Нортланд¹⁵ и Соутланд, а позже и на Срединное королевство. Дабы пресечь угрозу с востока раз и навсегда, король Эдмун, второй в ряду славных королей дома Бланчестеров, собрал войско и за два дня преодолел семьдесят пять миль, отделяющие Миддланд от восточного

побережья. Возведя на месте рыбацкого селения деревянную крепость, он принялся за строительство флота, с которым затем и сокрушил островную державу. Со временем крепость была снесена, а на ее месте вырос замок, который и положил начало Вестхарбору. Возвышаясь над городом, Дом Эдмуна напоминал собой глыбу в виде правильного треугольника, углы которого были увенчаны башнями. Каждая из сторон башен была обращена на восток, север и юг, олицетворяя собой Державу Пяти Островов и королевства Нортланд и Соутланд, сокрушенные Бланчестерами в пору завоеваний. Завершала образ Вестхарбора песчаная коса, протянувшаяся тонкой белой полоской в девяти милях к востоку от города. Никто не знал ни ее длины, ни ее ширины, ибо каждый божий день береговая линия косы менялась, уподобляясь гибкому телу змеи. Столь переменчивая натура принесла ей славу убийцы кораблей, и подобающее название – Коса смерти. Хирамцы, эти храбрые мореходы, нет-нет да заходящие в прибрежные воды Вестхарбора в поисках легкой наживы, и те обходили Косу смерти стороной.

– Скажи мне, есть ли на сегодня неотложные дела? – спросил Бриан, оторвав взгляд от окна.

– Да, сир.

– И какие же?

– До полудня, сир, у вас аудиенция у Его Высочества, а после полудня вас ожидают на суде.

– Если это неотложные дела, то ты не иначе, как смеешься надо мной.

– Никак нет, сир!

– Дурак, – только и обронил Бриан, после чего сунул ноги в башмаки, поднялся с кровати и направился к выходу. Выйдя на крыльцо, он окинул взглядом лес, глубоко вздохнул и расплылся в улыбке – ради этого изумительного воздуха он и перебрался на Сенную улицу.

Поселившись в Вестхарборе, сир Бриан первое время пребывал в смятении, не зная, куда себя приложить. Хождения по рынкам, да прогулки вдоль побережья довольно скоро ему наскучили, но, в одно прекрасное утро все изменилось. Проснувшись, он ни с того, ни с сего решил подышать лесным воздухом, после чего направил стопы в Грин Каунтри. Чем дальше он уходил вглубь леса, тем больше преисполнялся радостью, вслушиваясь в залиvistое пение птиц. Городская суета и шум морских волн, так хорошо ему знакомый с

¹⁴ Держава Пяти Островов – государство ракушников, господствовавшее до пришествия Бланчестеров на островах Моря слез.

¹⁵ Нортланд – Северная земля; лорд-наместничество Срединного королевства, в прошлом королевство Нортланд.

детства, остались где-то далеко позади, и это не могло его не радовать. В последний раз сир Бриан так радовался в тот день, когда сокрушил у мыса Черепа¹⁶ двухтысячный отряд хирамцев. Было это накануне отъезда в столицу, откуда он напрямик и был отослан в Вестхарбор – город стариков, как зачастую называли его в народе. Не знающий ни лютой зимы, ни утомляющей жары, Вестхарбор был благодатным местом для стариков, мечтающих провести остаток жизни в этом Богами поцелованном городе. Проблуждав по лесу три дня, Бриан ворвался в город, продал дом на побережье и переехал на северо-западную окраину, купив двухэтажный домик на Сенной улице, примыкающей к лесу.

«Не будь я судьей, – подумал он. – Я бы не отрывал задницу от стула, глядя на это великолепие».

– Его Высочество будет недовольно, сир, – подал Реджи голос из-за спины господина.

– А я разве говорил, что не пойду на аудиенцию?

– Нет, сир.

– Но, ты подумал о том, верно?

– Да, сир.

– И правильно сделал – к демонам принца!

– Сир, на той неделе вы пропустили аудиенцию у Его Высочества, и...

– Его Высочество, Его Высочество, что ты заладил как попугай!? Ни желаю идти, и точка! Я что, мальчишка, чтоб на задних лапках прыгать пред изменником? Вот я его...

Взметнув кулак, Бриан потряс им над головой, хотя замок наместника находился в другой стороне. Выплеснув злость, он обернулся и посмотрел на оруженосца с усмешкой, затаившейся в уголках его губ.

– Да и времени совсем не осталось, – смягчился он, подняв взгляд к солнцу, стоящему высоко в небе. – До полудня в замок не поспеть, а вот на суд пойду, чего ж не пойти.

Сказав это, сир Бриан, человек слова, в чем был, в том и пошел на Площадь короля Эдмуна – одну из двух площадей Вестхарбора, на которых вершился Божий суд. Завидев непреклонность господина, Реджи ничего более не оставалось делать, как прихватить меч хозяина и следовать за ним. Покинув Сенную улицу, они окунулись с головой в лабиринт улочек, в плену которого пребывала западная окраина Вестхарбора. Как и всякая окраина большого города, она не радовала взгляд, вселяя в души людей одиночество и безысходность. Ветхие, бесформенные дома с плоскими крышами, полусгнившими дверями и окнами с оторванными ставнями чем-то напоминали местных обитателей. Облаченные в лохмотья, они проводили время в пустых разговорах или в бесцельных блужданиях по улицам окраины. Казалось, что в этой части города время остановилось, но не для сира Бриана и его верного оруженосца. Пройдя пару кварталов в юго-восточном направлении, они свернули на запад и через сотню с лишним шагов уперлись в здание из серого мрамора, бывшее ничем иным, как Божьим домом Западного конца Вестхарбора.

Построенный в виде полукруга, Божий дом встречал их главным фасадом, содержащим в себе массивную дверь, обитую железом, шесть глухих арок, расположенных по обе стороны от входа, и ярус внешних галерей-аркад, поддерживаемых колоннами, между которых находились статуи семи воинов, вззирающих на Море слез. Олицетворяя собой семь ликов Хептосида¹⁷, воины были вооружены мечами и большими прямоугольными щитами, на которых были выдолблены семь слов: усердие, смирение, умеренность, справедливость, целомудрие, кротость и нестяжание. Наверху фронтона находились статуи черного дракона и создателей Срединного королевства – королей Аргуса и Эдмуна – первый из королей упирался коленом в спину дракона, держа на изготовке меч, а второй вонзал в горло дракона трезубец. К зад-

¹⁶ Мыс Черепа – юго-восточная оконечность Срединного королевства.

¹⁷ Хептосид – Семиокий; небесный покровитель дома Бланчестеров.

нему фасаду храма, украшенному горельефом, воспевающим воинскую доблесть создателей королевства, примыкало кладбище, огороженное шестифутовой оградой из красного необожженного кирпича. Устланное белым песком, кладбище являло собой последнее пристанище настоятелей Божьего дома.

Завидев Божий дом, сир Бриан против обыкновения не повел и бровью, хотя терпеть не мог божьих слуг, называя их не иначе, как дармоедами, сотрясающими воздух пустой болтовней. Причиной тому была суতোлка, творившаяся у входа в Божий дом. Служители попеременно с горожанами, явившимися к полудню для поднесения даров Хептосиду, носились взад-вперед, походя на людей, одержимых демонами. Не меньшая суета творилась и у ограды кладбища,

осаждаемой толпой. Наседая друг на друга, люди что-то высматривали, а были и такие, что пытались влезть на ограду. Служители, находившиеся по другую сторону ограды, бранились и били людей палками. Растолкав зевак, сир Бриан пробился к ограде и, не поверил своим глазам: будто поверженные воины, взывающие к Богам о помощи, на белом песке лежали погребальные камни. Служители, те, что постарше, всячески пытались выправить камни, дабы придать им подобающее положение, но все их попытки были тщетны.

«Падут надгробья, – мелькнуло в голове Бриана, вспомнившего древнее, как Срединное королевство, пророчество. – Придет ночь, за ней другая, и взойдет Западная звезда, и восстанут души мертвых, погребенных на дороге скорби. И горе тому, кого ночь настигнет в пути, ибо тьма поглотит его с потрохами. А издохнет последний петух, то пред глазами детей саламандры предстанет войско демонов, ведомое Князем Тьмы...»

Ощувив комок в горле, он отпрянул от ограды и, работая локтями, направился к оруженосцу, не обращая внимания на тычки и ругань.

– Сир, что там? – спросил Реджи.

– Надо навестить капитана Огвула, – сказал Бриан, пропустив вопрос мимо ушей.

– Сир, мы только на той неделе были!

– За неделю, дурак, и окно может занести паутиной, а могилу сорняком и подавно.

– Как скажите, сир.

– Вот и ладно, – сказал Бриан, тяжело вздохнув, ибо каждый раз, когда навещал могилу друга, погребенного на краю леса, он уходил с тяжелым сердцем. Капитан Огвул, с которым он прошел не одну войну, умер от простуды, не протянув и недели после битвы у мыса Черепя.

Потеребив Реджи за плечо, сир Бриан улыбнулся и поспешил дальше. Миновав Божий дом, они довольно скоро вышли к Площади короля Эдмуна. Прежде на ее месте находился военный лагерь, теперь же, окруженная добротными двухэтажными домами, на которых красовались наклеенные вывески, площадь больше походила на рынок, ибо была запружена торговыми лавками, да пришлым людом, снующим взад-вперед в поисках дешевого товара и диковинных безделушек. Круглая, будто колесо, площадь напоминала солнце, лучи которого терялись в небесной синеве, но, вместо синевы была паутина из черных улочек, куда не проникали, ни крики из толпы, ни предсмертные вопли преступников, казнимых именем Ее Величества. В народе Площадь короля Эдмуна называли Площадью возмездия, ибо мало кто избегал сурового приговора трех господ. Пробравшись сквозь толпу, они оказались посреди площади, в плотном тройном кольце копейщиков. Невозмутимые, будто статуи, с равнодушием взирающие на череду дней, следующих друг за другом в бесконечном беге, они стояли с высоко задранными носами. Не будь доспехов, да копий, устремленных острием к небу, их можно было бы принять за придворных Ее Величества – столь же далеких и недоступных, как звезды в ночном небе Миддланда.

– Сир, – кивнул мужчина с пшеничными усами, восседающий за широким дубовым столом.

Невзрачный, как осенний день на просторах Великой равнины¹⁸, он был никем иным, как Кортни Джонсом, старейшиной Западного конца Вестхарбора. Серое, как пепел, лицо Кортни было усеяно редкими морщинами, от чего могло показаться, что он пребывает в зените лет. Но, это было не так, ибо сирю Бриану и брату Анхелю он годился в сыновья, а причиной морщин были многочисленные заботы, свалившиеся на его голову за последний год. Владея двумя десятками галер, Кортни в последние месяцы только и помышлял о том, как заняться более надежным делом, нежели перевозка шелка и специй из Хирама. Ракушники, хозяйничавшие в водах Знойного моря, грабили любое судно, идущее из Хирама в Вестхарбор. Прилагали руку к грабегам и хирамцы, ни в чем не уступающие ракушникам, разве что в отсутствии границ жестокости, нередко пуская корабли на морское дно, а их экипажи на корм акулам. Если другие шли на большие траты, нанимая охрану для своих караванов, то Кортни, известный скряга, не желал тратить ни пенса, каждый раз уповая на Богов. Об этом знал и сир Бриан, с большим презрением относящийся ко всем, кто клал жизнь ради золота. Ничего не ответив, он прошел за стол и плюхнулся в кресло с высокой спинкой. Положив руки на широкие подлокотники, Бриан повернул голову влево и усмехнулся, ибо кресло настоятеля Божьего дома по обыкновению пустовало. То, что божий слуга запаздывал на суд, было в порядке вещей. Как зачастую брат Анхель любил говаривать – «Божьи дела куда важнее

дел людских».

– Вижу, сир, утро выдалось тяжелым, – сказал Кортни как можно

равнодушнее, скосив глаза на сира Бриана, больше походившего на простолюдина, нежели на судью.

На Бриане была просторная белая рубаха, кое-как заправленная в широкие штаны из черной шерсти, а башмаки, надетые на босую ногу, и вовсе смотрелись несуразно, ибо были на два размера больше ноги. Не в пример хозяину, Реджи выглядел элегантно, ибо его костюм состоял из приталенной серой куртки, синих чулков, коричневых бархатных туфель и короткого плаща из бурого сукна, на котором красовался шествующий белоснежный горноста́й. То был герб сира Бриана, полученный его предками за особые заслуги перед домом Бланчестеров. Что до Кортни, то он выглядел настоящим щеголем. Полукруглый зеленый плащ, небрежно накинутый на плечи, открывал посторонним взорам ярко-пурпурную рубашу с золотой каймой, будто хозяин нарочито желал подчеркнуть свое положение. Подтверждением тому была и золотая брошь в виде бегущего оленя, удерживающая плащ на плечах старейшины. Большая, размером с кулак, она смотрелась ярким пятном на костюме Кортни, от чего могло показаться, что не брошь удерживает плащ на его плечах, а наоборот, плащ удерживает брошь на его груди. Ноги старейшины, перевязанные шелковыми лентами, поражали буйством красок, ибо несли в себе все цвета радуги. Единственное, что выбивалось из общего ряда, так это черные туфли с загнутым сверху острым носком.

– Утро как утро, – отозвался Бриан, при словах которого Реджи, стоящий чуть в сторонке, улыбнулся, ибо понимал, что господин еще пребывал в дурном расположении духа, причины которого он не знал и знать не хотел.

Попав в оруженосцы, он первое время изнывал от склочного нрава господина, но, со временем привык к старику, которого принимал не иначе, как отца, которого никогда не знал, как, впрочем, и матери, будучи подброшенным на порог одного из богатейших домов Вестхарбора. Попал же он к нему по счастливой случайности – отец сира Бриана был дружен с хозяином дома, в котором и прошли детские годы Реджи.

– Если брат Анхель увидит вас в таком одеянии...

– К демонам брата Анхеля!

– Он непременно донесет Его Высочеству.

¹⁸ Великая равнина – степь к северу от Грин Каунтри.

– Да хоть Ее Величеству!

Поерзав в кресле, Бриан нахмурился и устремил взгляд на шумную процессию, показавшуюся со стороны леса. Люди в серых мешкоподобных одеяниях, все, как на подбор – молодые и рослые – пробирались сквозь толпу, прокладывая путь двухфутовыми палками. В середине процессии следовал брат Анхель – высокий старец с посохом, на котором было белое одеяние с пурпурной каймой, каскадом ниспадающее на мостовую. Добравшись до судейского стола, брат Анхель, ничего не говоря, прошел к своему месту, а служители Божьего дома встали за его спиной.

– Приветствую вас, Ваше Преосвященство! – подобострастно поприветствовал брата Анхеля старейшина Джонс, растянув в улыбке рот.

Но, брат Анхель, будто набрав в рот воды, на приветствие не ответил. Его надменное, гладко выбритое лицо будто говорило, что ему нет чести говорить с человеком низкого происхождения, и то была правда. Крестьянин в седьмом поколении, Кортни прервал семейную традицию, перебравшись из южных окрестностей Миддланда в Вестхарбор, где занялся торговлей, да столь успешно, что со временем стал владельцем полусотни лавок и небольшой торговой флотилии. Впрочем, столь выдающиеся успехи старейшины брата Анхеля нисколько не впечатляли. Его тонкие, поджатые губы с опущенными уголками вкупе с острым носом и саркастической улыбкой на губах выдавали в нем человека сухой души.

– Ваше Преосвященство, – обратился к брату Анхелю один из служителей, отличавшийся от прочих рыжей шевелюрой, пустым взглядом и козлиной бородкой. – Прикажете начинать?

– И как можно скорее, – ответил брат Анхель, после чего служитель поискал кого-то в толпе взглядом, а найдя его, махнул рукой.

При виде палача и дюжины людей, появившихся в окружении копейщиков со стороны южных кварталов, толпа загудела, как пчелиный улей.

– Что, куда-то спешишь, брат Анхель? – поинтересовался Бриан.

– Дела божьи не требуют отлагательств, сир Бриан, – ответил брат Анхель.

– Если бы Боги знали, чем вы, божьи слуги, занимаетесь, то они бы брюхо надорвали от смеха!

При этих словах служители зашевелились, обменявшись взглядами, а кое-кто набрался смелости и сделал шаг, держа наперевес палку, будто намереваясь наказать наглеца должным образом. Но, стоило брату Анхелю поднять руку, как гнев улегся и служители взяли себя в руки.

– Вижу, сир Бриан себе не изменяет – ворчит на весь белый свет, будто он его недостойн.

– Не знаю, как насчет всего света, но, вот насчет вас, божьих слуг, у меня отдельное мнение.

– Если скажу, что мне не столь интересно твое мнение, я не закрою тебе рот, верно? Если так, говори, не бойся, мои уши все стерпят.

– Право, ты глупец, раз думаешь, что Бриан Донокан, лучший воин Его Величества, кого-то боится на этом свете!

При словах о Его Величестве сир Бриан выпрямился, словно узрел перед собой образ покойного короля Харлина.

– Да нет, это ты глупец, живущий вчерашним днем.

– Я глупец! – возмутился Бриан, привстав из-за стола.

Упершись руками в стол, он смотрел на божьего слугу, с трудом удерживаясь, дабы не помять ему бока. Но, тот не выказывал не малейшего беспокойства. Склонив голову на бок, брат Анхель не отрывал взгляда от процессии во главе с палачом. Пройдя через оцепление, палач – мужчина с голым торсом и красным колпаком на голове – остановился у плахи, наклонился и одним рывком выдернул из нее топор с длинной рукоятью. Завидев это, толпа взревели, предвкушая начало представления. Дотронувшись до лезвия топора, палач прошелся по

нему большим пальцем, из которого тут же хлынула кровь, при виде которой толпа завизжала, как девка, пребывающая в плену демонов, и поддалась вперед, норовя смять оцепление. Но, копейщики удержали толпу, подтвердив серьезность своих намерений копьями, нацеленными на простолюдинов. Возложив топор на плечо, палач повернулся к преступникам и, одного за другим пометил кровью, нанеся ее на лоб. То было печатью смерти, как любили поговаривать в народе.

– Ты, ты, а кто же еще!? – ухмыльнулся брат Анхель, выдержав паузу. – Король Харлин, да будут благословенны его дни в мире Богов, спит вечным сном, а его лучший воин продолжает витать в облаках.

– Витать в облаках?

– Да, ибо ты не видишь, как вокруг изменилась жизнь. Открой глаза, пробудись, пока не поздно!

– Ты, брат Анхель, не иначе, как бредишь.

– О, Боги, донесите мои слова до разума глупца! – воскликнул брат Анхель, подняв взгляд к небу.

Весь его вид говорил о том, что он искренне полагается на помощь Богов, однако, всю картину портила печать равнодушия, лежащая на его лице. Лицо Бриана, походившее на луну в багровых тонах, напротив, говорило само за себя.

– Еще раз назовешь меня глупцом, пожалеешь, клянусь именем Его Величества.

Служители, услышав угрозу, засуетились и оказались за спиной Бриана. Что до Реджи, то благостное настроение, в котором он пребывал до этого момента, как ветром сдуло. Обнажив меч, он сделал шаг к хозяину, но служители не дали ему прохода.

– Остынь, Донокан, наш спор пустой, как кувшин, иссушенный пьяницей, а впереди еще дел неувпоровот.

Кивнув рыжеволосому служителю, брат Анхель откинулся на спинку кресла и бросил взгляд в толпу. Обойдя стол, служитель поочередно поклонился судьям, а затем развернулся, выудил из пазухи свиток и поднял руку, возвещая народу о начале суда. Поймав насмешливые взгляды служителей, сирю Бриану ничего не оставалось делать, как присесть на свое место. Развалившись в кресле, он закрыл глаза, ощущая, как бессилие овладевает им с головы до ног. Это чувство было ему хорошо знакомо с тех самых пор, когда он не смог защитить жителей приморского городка и четырех селений в дюнах Соутланда.

В тот день, провожая взглядом косые паруса хирамских галер, он битый час просидел на берегу, размышляя о непростых отношениях с Королевским советом. Чего бы он ни просил, будь то увеличение жалованья солдатам, возведение на побережье двадцатифутовой стены или закупка хирамских жеребцов, славившихся выносливостью, он каждый раз наткнулся на отказ. На все про все у совета был один ответ – в казне нет средств. Так, размышляя о прошлом, сир Бриан не заметил, как начался суд над безусым юнцом. До его слуха доносились обрывки слов обвинителя и юного преступника, чей голос был еле уловим. Облаченный, как и прочие преступники, в серую рубаху, доходящую до щиколоток, он выглядел потерянным, ибо его взгляд блуждал по площади, как блуждает солнечный зайчик, отражающийся от белого доспека. Доходили до его слуха и обрывки

речи брата Анхеля, смысла которой он не мог уяснить.

– Роальд, сын Марли, – обратился обвинитель к юноше. – Признаешь ли ты свою вину... утром три дня тому назад?..

– Нет, не признаю, – ответил тихим голосом юноша, покраснев, как ученик, провинившийся перед лицом наставника.

– Свидетели одного преступления... что...

– Отца смыло волной, и я!..

– Не мог или не захотел?

– Море было столь гневным...

– Значит ли?..

– Нет...

– Господа, – обратился к судьям обвинитель. – Вина Роальда... а посему...

– Сир, проснитесь! – раздался голос Реджи, от которого сир Бриан вздрогнул и открыл глаза.

Брат Анхель и старейшина Джонс смотрели на него, держа кулаки с загнутыми книзу большими пальцами.

– Сир, за вами слово.

– Слово?

– Да, сир.

– А кого судят?

– Некого Роальда, сына Марли Бориверда.

– И что он сотворил?

– Не помог отцу, когда того смыло за борт, сир.

– Вот так его и бросил?

– Да, сир, но то случилось во время шторма.

– Во время шторма всякое может случиться.

– Да, сир, вот и он говорит, что шторм был сильным и потому он был не в силах помочь отцу.

– Сам выжил, а старику, стало быть, не помог?

– Да, сир.

– Подлец.

– Он самый, сир.

Ослабившись, Бриан поднял руку и сжал кулак с загнутым книзу пальцем. Узрев единогласное решение суда, без которого ни один приговор не приводился в действие, палач, нисколько не медля, схватил юношу за плечо и толкнул его к плахе. Упав на мостовую, юноша изодрал ладони и колени в кровь, а в следующий миг ощутил, как из глаз брызнули слезы, ибо палач схватил его за волосы, и что было сил, рванул его на себя. Вскрикнув от боли, юноша попытался высвободиться и получил удар коленом в спину. Издав стон, он рухнул на плаху и подчинился судьбе. Всякий, и он в том числе, знал, что от верной руки палача зависит – отойдет ли преступивший закон в мир Богов в мучениях или без мучений. Сомкнув веки, юноша подумал об отце, которого, возможно и мог спасти, но не сделал этого, убоявшись смерти в столь ранних годах. Мысль об отце была единственной, промелькнувшей в голове несчастного, ибо в следующий миг он услышал – «Именем Ее Величества!» – и, под радостные возгласы толпы на его шею рухнул топор. Содрогнувшись, обезглавленное тело юноши медленно повалилось на мостовую, а палач носком сапога отбросил его голову в толпу. Толпа исторгла гнев и радость, ибо одни принялись топтать голову, другие же принялись возмущаться столь неподобающим поведением палача.

Наблюдая за всем этим, сир Бриан сжимал губы и качал головой, ибо чернь, с которой ему приходилось иметь дело в последние двенадцать лет, вызывала у него отвращение. Каждый божий день он получал доносы, читая которые, изумлялся мраку, таящемуся в человеческих душах. «Другое дело, война, – размышлял он в такие мгновения жизни. – Когда ты видишь, где враг, а где друг, за которого готов отдать жизнь без остатка. Ты видишь цель – насадить врага на клинок, и ты идешь к ней, невзирая на препятствия. В мире, где нет войн, все не так – ты не ведаешь, где твои враги, а где друзья». Размышляя в подобном ключе, он приходил к мысли о том, что «и мирская жизнь ничем от войны ни отличимая, ибо их роднит жестокость, бездонная, как бочка с самым вонючим элем. Солдат, кем бы он ни был, убивает во имя жизни,

простолюдин же сдает ближнего ради наживы и черной зависти». Подумав о наживе, Бриан вспомнил о пачке доносов, которую ткнул ему в лицо принц Эрик пару месяцев тому назад.

Явившись ко двору принца, он к своему неудовольствию обнаружил, что вокруг него зреет заговор. Некто, ибо все письма были написаны одним кривым почерком, доносил Его Высочеству о том, что при вынесении приговоров сир Бриан проявляет преступное малодушие. Что он, дескать, пребывает в сношениях с лордом Годфри Стэнходжем, владельцем Грин Каунтри. Что рассылает письма в разные концы королевства, призывая старых гвардейцев Его Величества к воссоединению под собственным знаменем, дабы прибрать власть в Вестхарборе в свои руки. Если первое обвинение он опровергнул с легкостью, ибо был известен суровостью нрава, на дух ни перенося воров и убийц, то со вторым пришлось изрядно повозиться. Заявив, «что у него нет никаких дел с лордом Стэнходжем, ибо в политику никогда не играл и не собирается играть», он с трудом убедил принца Эрика в собственной правоте, ибо тот с подозрением относился ко всему, что касалось его дяди. Что до третьего обвинения, то сир Бриан прямо заявил принцу – «что он стар и немощен, и не далек тот день, когда Боги призовут его душу. А посему, ему нет дела до старых вояк, как нет дела до власти, ибо всегда был верен дому Бланчестеров». Поверил ли ему принц Эрик, или нет, он не ведал. Однако, покинув Дом Эдмуна с камнем на душе, ибо Его Высочество прежде не опускалось до столь унижительных обвинений, сир Бриан принял решение – что более не допустит, чтобы принц отчитывал его, как какого-то мальчишку. Приняв такое решение,

он попросту не явился на последнюю аудиенцию, и собирался провернуть то же самое и в этот день.

– Сир, ваше слово!

– Что?

– Сир...

Расплывшись в улыбке, ибо на лице оруженосца читалось недоумение, сир Бриан провел ладонью по лицу и посмотрел на старейшину Джонса и брата Анхеля. Как и прежде, они взирали на него, ожидая его решения.

– Я что-то пропустил, Реджи?

– Дело Джеба Арнольда, сир!

– И что он сотворил?

Услышав вопрос, Реджи поперхнулся, а двое других судей переглянулись, ибо вопрос Бриана, настолько будничным, говорил о том, что задавший его не ведает того, кто предстал перед судом. Завидев заминку, палач, занесший топор над головой человека, убеленного сединами, огляделся и опустил оружие возмездия.

Имя Джеба Арнольда было у всех на устах, ибо весть о том, что казначей лорда Стэнходжа этим утром объявился в Вестхарборе и был схвачен за кражу куска хлеба, облетела город в один миг. Родившись в семье торговцев пушниной, выходцев из Миддланда и Силверспрингса¹⁹, Джеб Арнольд в ранние годы покинул Грин Каунтри, поскольку не желал идти по стопам родителей. Прибыв в Вестхарбор, он нанялся учеником к книжнику, а со временем занялся обучением детей торговцев чтению, письму и знанию цифр, мир которых его особо увлекал. Прохаживаясь по рынкам, Джеб на глазок мог определить вес лошади или по цвету шкурки возраст белки и прочих божьих тварей, которыми так были богаты леса Грин Каунтри. Торгуясь, он лихо жонглировал словами, сбивая цену на эль, сыр или хлеб до столь неразумных пределов, что торговец продавал товар себе в убыток, только бы избавиться от скользкого, как уж, клиента. Он же, не лишенный деловой хватки, перепродавал товар, расхваливая его на все лады, да так, что получал многократную выгоду. Его дела шли столь успешно, что скоро на него обратил взор сам лорд Стэнходж. Приняв приглашение перебраться в Грин Каунтри,

¹⁹ Силверспрингс – Серебряные родники; главный город лорд – наместничества Нортланд.

Джеб Арнольд получил должность писаря, однако проходил в писарях недолго, ибо вскоре был переведен в сборщики налогов, а спустя месяц и в казначеи, сделав за считанные месяцы головокружительную карьеру. Казна, наполняемая поборами с населения Грин Каунтри, была в его полном распоряжении. Казалось, что для человека, испытывающего страсть к магии цифр, ничего большего и желать не стоит. Но, это было не так, ибо не прошло и полугода, как Джеб изъявил желание породниться с хозяином Грин Каунтри, и тот дал свое согласие, отдав ему в жены одну из своих многочисленных племянниц. Войдя в ближний круг лорда Стэнходжа, Джеб Арнольд должен был принести клятву верности Богам Снакривера²⁰, что он и сделал, отправившись с дарами к старому дубу, что возвышается посреди Снакривера в его нижнем течении. После этого он обрел второй дар – дар вора, ибо к чему бы ни прикасался, все прилипало к его рукам. словно подтверждение тому, его ладони, покрытые грязью, еловыми иголками и хлебными крошками.

– Он вор, сир.

– Вот как, а в чем суть дела?

– Ну, он..., – начал было объяснять Реджи, как его прервал брат Анхель.

– Джеб Арнольд, – сказал он язвительным тоном. – К твоему сведению, казначей лорда Стэнходжа один из первейших воров королевства, и участь у него одна – смерть на плахе!

– Казначей лорда Стэнходжа?

– Именно так, да к тому же он женат на его племяннице.

– Мне нет дела до того, на ком он женат, я спрашиваю – в чем суть дела?

– В том, что он вор.

– Хорошо, и в чем же его обвиняют?

– В нарушении договора Его Высочества с лордом Стэнходжем, что ни один прилипала не должен пересекать границ наместничества Вестхарбор и Пяти Островов!

Услышав упоминание о прилипалах, о которых в договоре не было ни слова, ибо речь шла о членах Совета старейшин Грин Каунтри, сир Бриан улыбнулся.

– Все верно, но, в договоре нет ничего, что касается лишения жизни... выдворение за пределы наместничества, да, о том в договоре прямо говорится.

Не найдясь с ответом, брат Анхель сник, ибо понимал свою ошибку, дав волю эмоциям. Желание выслужиться перед Его Высочеством возобладало над желанием следовать букве закона. Он до мельчайших деталей знал о природе взаимоотношений Его Высочества и лорда Стэнходжа, и был несказанно рад, когда этим утром в руки правосудия попался один из приближенных Стэнходжа. Казнив его, он надеялся, что Его Высочество не забудет о нем, и со временем, когда принц примерит отцовскую корону, получит от него должность привратника Храма Хептосида. Его радость была столь безмерна, что он даже позабыл расспросить казначея о причине нарушения договора.

Тем временем, над площадью повисла тишина, походящая на свинцовое небо, беременное дождем. Люди, собравшиеся на суд, переглядывались, не смея и рта открыть, а судьи сидели и смотрели на несчастного, чья жизнь висела на волоске. Упитанный, краснощекий, с тяжелым подбородком и полными чувственными губами, Джеб Арнольд мало походил на человека, обделенного куском хлеба. Его безвольно опущенные плечи вкупе с взглядом, устремленным куда-то в сторону, говорили о том, что ему все безразлично.

– Я, как глава суда, постановляю, – наконец сказал брат Анхель, разорвав тишину. – Судить Джеба Арнольда по всей суровости закона, ибо этим утром он был уличен в воровстве, за которое полагается смерть.

– И в каком же воровстве его обвиняют? – спросил Бриан, развалившись в кресле.

²⁰ Снакривер – Змеиная река; река, пересекающая северную часть Грин Каунтри с запада на восток.

- В краже хлеба.
- И тому, наверняка, есть свидетели?
- А как же, мы без свидетелей не судим!
- Вот с этого и надо было начинать... и кто же они, позвольте полюбопытствовать?
- Охотник, видевший, как обвиняемый в воровстве проходил мимо мельницы.
- Видел, как проходил, но не видел, как воровал хлеб?
- Да, все так.
- И на этом основании ты хочешь его казнить?
- А его руки, чем тебе не основание!?
- Что ни говори, железные основания, – съязвил Бриан, как вслед за тем ощутил резкое

недомогание.

Голова, точно стянутая железным обручем, раскалывалась, а в желудке забурлило так, что ему показалось, что он сей же момент изойдет кишками. Поднявшись, он вышел из-за стола и услышал за спиной голос брата Анхеля.

- Донокан, суд не закончен!
- А для меня закончен, хватит с меня этого балагана.
- Я вынужден буду доложить Его Высочеству, ибо это возмутительно!
- Возмутительно пребывать рядом с никчемным человеком, мнящим себя божьим слугой.

Проглотив обиду, брат Анхель не подал и виду, что гневается. Поднявшись, он с грохотом отодвинул кресло и бросил взгляд в спину оппонента. Сделав шаг-другой, он остановился и взял из услужливых рук обвинителя свиток.

– Закон требует, – сказал он. – Если один из судей не может исправлять свои обязанности, он должен о том уведомить наместника.

- И что мне прописать, что я не хочу сидеть за одним столом с ничтожеством?

Служители Божьего дома, стоящие по обе стороны от брата Анхеля, при этих словах возбудились, как дикие жеребцы при виде человека. Но, брат Анхель и на этот раз остудил их пыл.

– Спокойствие, братья, вы разве не видите, что почтенный муж не в духе? А тебе, Донокан, советую последовать моему совету, дабы избежать неприятного разговора с Его Высочеством.

– О, Боги! – усмехнулся Бриан, развернувшись на одном месте. – Ужели в твоих словах я слышу беспокойство?

- Каким бы я ни был в твоих глазах, я остаюсь божьим слугой, для которого нет ничего важнее, нежели служение людям и нашим Богам.

Осклабившись, брат Анхель протянул свиток сирю Бриану, возле которого тут же оказался обвинитель. Подав судье гусиное перо, он повернулся и подставил спину. Сжав губы, Бриан вырвал свиток из руки брата Анхеля и положил его на спину обвинителя. Задумавшись на пару мгновений, ибо почерк, которым был исписан свиток, показался ему до боли знакомым, он улыбнулся и широким размашистым почерком начертал:

«Его Высочеству, лорду-наместнику Вестхарбора и Пяти Островов принцу Эрику Бланчестеру. Доношу до Вашего Высочества, что ни сегодня, ни в ближайшие дни не могу исправлять обязанности судьи, покуда в стенах Суда пребывает ложь, льющаяся из уст Его Преосвященства, божьего слуги брата Анхеля. Сир Бриан, верный слуга Его Величества короля Харлина».

Закончив с этим делом, он размахнулся и что было сил, вонзил перо в спину обвинителя, поставив жирную точку. Вскричав от боли, тот отскочил от судьи и вперил в него злобный взгляд. Его глаза, налитые кровью, говорили о желании убить, а тело, напряженное, как тетива лука, готово было ринуться в атаку. Впрочем, помутнение рассудка длилось недолго, ибо ощутив на плече костлявую руку, обвинитель выпрямился и посмотрел на брата Анхеля.

– Брат, – сказал брат Анхель. – Ты забыл, что божьим слугам не пристало гневаться, ибо гнев – удел слабых духом людей?

– Нет, Ваше Преосвященство, не забыл, – ответил обвинитель, уронив взгляд на мостовую.

– Знаешь ли ты, что слабому духом не место в рядах служителей Божьего дома?

– Простите, Ваше Преосвященство, такое больше не повторится.

– Очень на это надеюсь, брат.

– Прикажите продолжить, Ваше Преосвященство?

– Пренебреженно, но, прежде хочу глянуть на писанину достопочтенного сира Бриана.

Подняв с мостовой перо и свиток, обвинитель с видом побитой собаки передал свиток брату Анхелю. То, что вскоре предстало его глазам, было выше его разума. Брат Анхель, на котором не было лица, скрежетал зубами от злобы, впиваясь глазами в каждое слово Бриана. Его губы шевелились, исторгая беззвучные проклятия, а желваки так и ходили ходуном, от чего могло показаться, что, совсем немного, и зубы Его Преосвященства рассыплются в крошку. Дочитав до конца, брат Анхель оторвался от текста и поднял взгляд на довольное лицо Бриана. Подмигнув, тот демонстративно сплюнул на мостовую и, развернувшись на одном месте, быстрым шагом побрел прочь. Реджи, взвалив меч на плечо, окинул служителей презрительным взглядом и двинулся вслед за господином.

– Ну-ну, – прошептал брат Анхель. – Придет время, и ты заплатишься за свои слова.

– Ваше Преосвященство, – сказал обвинитель. – Так мне продолжать?

Поймав тяжелый взгляд брата Анхеля, он судорожно сглотнул и со всех ног устремился к палачу, кружащему вокруг Джеба Арнольда, как ястреб над жертвой. Вернувшись к столу, брат Анхель уселся в кресло и кивнул обвинителю, а тот в свою очередь махнул палачу. В воздухе послышался свист и глухой удар, вслед за которым голова Джеба отскочила в сторону, а его тело осталось на прежнем месте, будто никакой казни и не было вовсе. Хмыкнув, палач носком сапога пнул труп в плечо, но тот не поддался, ибо руки были намертво приклеены к плахе. Обойдя труп с другой стороны, палач предпринял новую попытку, но, и на этот раз у него ничего не вышло. Затем в дело пошли руки: хватаясь то за плечи, то за руки казненного, он исходил потом, но так и не мог совладать с трупом Джеба Арнольда. Тем временем, забросив игру с головой казначея, толпа веселилась при виде нелепых попыток палача оторвать труп от плахи. Злой, взмокший

от пота, палач не походил на самого себя: прежде грозный, ходивший вокруг плахи петухом, с ловкостью поигрывая топором на потеху толпы, теперь же он казался полным дураком, не способным справиться с обезглавленным трупом. Наконец, поймав на себе недовольный взгляд брата Анхеля, он оставил тщетные попытки и, схватившись за топор обеими руками, двумя ударами отсек одну за другой руки Джеба Арнольда. Издав победоносный клич, палач взметнул руку с топором к небу, как в него полетели тухлые яйца: толпа, обрызганная кровью, не простила палачу такой оплошности. Недовольство проявляли и копейщики, ибо суд грозил затянуться, а им не было никакой охоты стоять в доспехах на солнцепеке. Видя все это, обвинитель ускорил суд, зачитывая имена оставшихся преступников скороговоркой, а деяния, которые им вменялись, он пробежал глазами, проглатывая большую часть текста. Когда же дело доходило до провозглашения приговора, он кричал во все горло: «Винновен!» Казни следовали одна за другой, и каждый раз, как топор палача взмывался к небу, толпа визжала и, в иступлении выдыхала, как только голова отлетала от туловища.

КАЛУМ

Бледно-красное зарево, оставшееся на горизонте после захода солнца, неумолимо таяло, уступая место глубокой синеве. Со стороны Рогатого залива потянул западный ветер. Где-то вдали раздался собачий вой, протяжный, заунывный, ничего хорошего не предвещавший. Против обыкновения он не был поддержан ни одной собакой, словно все они в раз повымерли. Впрочем, довольно скоро в небе объявился полумесяц, сопровождаемый свитой из мириад звезд, а вслед за ними подтянулись и собаки. Под остервенелый собачий лай то здесь, то там зажигались ночные светильники, выхватывая из темноты силуэт огненной саламандры. То был Миддланд, столица Срединного королевства, прозываемый городом саламандры, а его жители – детьми саламандры. Протянувшись с северо-запада на юго-восток на добрых два десятка миль, город словно вползал на холм, обращая взгляд в морскую даль. В былые времена, когда Боги жили среди людей, а люди почитали Богов, Миддланд имел добрую славу, ибо среди стран пяти морей не было краше города, нежели столица Срединного королевства. Но, с тех пор много времени прошло, много воды утекло: дети саламандры забыли своих Богов, погрязнув в пороках, а город саламандры, задыхающийся от смрада, более не походил на город, поцелованный Богами.

Первым, что бросалось взгляду чужака, впервые оказавшегося в Миддланде, была Дозорная башня высотой в сто десять футов, венчающая голову саламандры. Возведенная на мысе, вдающемся в Рогатый залив на треть мили, башня опоясывалась крепостной стеной, окруженной с севера, запада и юго-запада бездной в пять с лишним сотен футов. Рогатый залив, богатый обилием скал, водоворотами и встречными течениями, не допускал и мысли штурмовать Миддланд с моря, ибо это было сродни самоубийству. Впрочем, как и у всякой неприступной крепости, у Дозорной башни имелось слабое место, каковым являлась восемнадцатифутовая стена, отделяющая крепость от города. Местами обветшавшая, она была уязвима, как плоть, незащищенная броней. Массивная железная решетка в стене, и та не внушала уверенности, ибо механизм подъемного моста то и дело заедал, от чего мост частенько зависал надо рвом. Что до крепостного рва, то раньше он был заполнен водой

и кольями, теперь же был сух и гол, как земля на просторах Великой равнины.

За подъемным мостом находилась Безымянная площадь, застроенная богатыми домами. Отсюда свое начало брали Торговая, Южная и Ремесленная улицы, убегающие в юго-западном, южном и юго-восточном направлениях. В полумиле к востоку от площади находился Королевский замок, называемый жемчужиной Миддланда. Опоясанный внешним и внутренним кольцом крепостных стен, замок состоял из восьми башен, возведенных в честь славных деяний королей Аргуса и Эдмуна. Особняком стоял Королевский дворец – самое позднее крупное сооружение на территории Миддланда. К югу от Безымянной площади простирались торгово-ремесленные кварталы, окруженные стеной и рвом. Эта часть города имела Южные, Юго-Западные и Юго-Восточные ворота, иначе называемые Южной аркой, аркой Аргуса и аркой Эдмуна.

За Южными воротами простирались бедняцкие кварталы, застроенные трех- и четырехэтажными деревянными домами, походившими на бродяг, согревающихся спинами в холодные ночи. Покрытая переулками и кривыми улочками, эта часть Миддланда напоминала паутину, в которой мог сгинуть как пришлый человек, так и житель верхней части города. От обилия скотобоев, конюшен, свинарников и прочих достопримечательностей эта часть города называлась Задницей мира, ибо круглый год здесь стояла невообразимая вонь. Но, еще больше вони было у крепостного рва, куда через почву и подземные воды стекались нечистоты из верхней части города.

Довершали образ Миддланда четыре форта – два западных и два восточных, называемых лапами саламандры. Находясь в двух милях от города, они защищали ближние подступы к столице. Сооруженные из темно-серого камня, добытого в Скалистых берегах²¹, форты располагали бойницами, крепостными рвами и частоколами, вдвое превышающими человеческий рост. Каждый форт имел гарнизон в сотню бойцов городской стражи, и на случай осады имел провианта на три месяца. Правда, за тысячу лет существования Срединного королевства не было ни одного случая, чтобы кто-либо посмел проверить столичные форты на прочность, как, впрочем, и саму столицу.

– Ненавижу собак, – пробормотал Гэвин. – Будь моя воля, всех бы порешил.

Скрестив руки, он стоял на крыльце одноэтажного дома, мало походящего на богатые дома Безымянной площади. Выкрашенные в белый цвет стены резко контрастировали с красной черепичной крышей и зелеными оконными рамами, а витражная дверь и вовсе смотрелась нелепо.

– И чем они тебе не угодили? – спросил Калум.

– А я разве не говорил, что со мной приключилось на той неделе?

– Как же не говорил, говорил, – ответил Калум, обнажив в улыбке стройный ряд белых, как жемчуг, зубов.

– Чего зубы скалишь!? – вскипел Гэвин, сжав кулаки.

Раздувая ноздри, точно бешеный бык, готовый ринуться в бой, он смотрел на Калума безумным взглядом. Калум же, напротив, не выказывал ни толики беспокойства.

– Как же не скалить, когда твое воображение подобно Бескрайнему морю²², не знающему берегов?!

– О чем ты говоришь?

– О, Боги! – воскликнул Калум, запрокинув голову. – Воистину люди говорят, нет Бога в голове, нет места и разуму!

– Я тебя не понимаю, говори яснее!

Голос Гэвина дрогнул, как содрогается грудь воина, вкладывающего вес тела в удар меча. Проводив взглядом падающую звезду, Калум склонил голову и ухмыльнулся в лицо Гэвину, продолжая испытывать судьбу.

– Помнится, в первый раз ты говорил о двух собаках, накинущихся на тебя посреди ночи. Затем ты брякнул о восьми собаках, и, боюсь, мой друг, сейчас я услышу рассказ про то, как ты задал жару дюжине собак, а то и того больше.

Не найдясь, что ответить, Гэвин отвел взгляд в сторону, будто согласившись с этими доводами. Собачья перебранка прекратилась, уступив место крикам, доносящимся из таверн и борделей. Ночная жизнь в Миддланде вступала в свои права. Вонь, стоявшая над городом весь день, под напором западного ветра стремительно отступала на юг, уступая место ночной прохладе.

– Ты случаем не знаешь, зачем нас призвали? – спросил Калум, прервав затянувшуюся паузу.

– А что, сам не догадываешься? – парировал Гэвин.

– Нет.

– Значит, узнаешь, осталось...

Сдавленный крик, раздавшийся в доме, прервал Гэвина на полуслове. Затем послышались приглушенные голоса, скрип половиц и легкие шаги. Дверь скрипнула и открылась наружу в тот самый миг, когда мимо них стрелой пронеслась ночная птица.

– Держите, Калум, – раздался женский голос.

²¹ Скалистые берега – горы, окаймляющие с запада Срединное королевство.

²² Бескрайнее море – одно из пяти морей, омывающих Срединное королевство.

Из дверного проема появились тонкие изящные руки, держащие сверток из серого одеяла.

– Мне? – удивился Калум, оторвавшись от стены.

– Это пожелание миледи, – сказала женщина. – До третьих петухов вы должны вернуться в замок, вам все ясно?

Переглянувшись с Гэвином, Калум неуверенно взял из рук женщины сверток, в котором мирно посапывал младенец. При виде сморщенного, как скомканный лист бумаги, пунцового лица младенца, он ощутил боль в сердце, которую уже успел подзабыть.

– Куда уж яснее, – ответил Калум с досадой в голосе, ибо ожидал всякое задание, но не такое.

– Калум, дружище, поздравляю! – воскликнул Гэвин, изобразив на лице радость. – Ее Величество...

– Гэвин, – буркнула женщина.

– Ох, Клодия, прости старого дурака, – улыбнулся Гэвин. – Я хотел сказать, миледи оказала тебе большую честь.

Протянув мясистую пятерню, он попытался пожать Калуму руку, но тот не выказал подобного желания, нарочито глядя на Клодию.

– Ну, господа, – сказала Клодия. – Ночь коротка, а дорога не близкая, а посему – в добрый путь.

Так и не выйдя на крыльцо, она затворила дверь и растворилась в недрах дома. Снова послышались голоса, что-то упало, затем раздался стук. Боковая дверца отворилась и в свете луны объявилась четверка крепких мужчин, несущих паланкин. Шестеро вооруженных людей, одетых просто и неброско, отклеились от стен соседних домов и присоединились к процессии, державшей курс на Королевский замок. Когда их след простыл, Гэвин ослабил и подступил к

Калуму, посмотрев на него сверху вниз.

– Что, так руки и не подашь? – спросил он, дыхнув запахом гнилых зубов.

– Нет, не подам.

– А что так?

– Ты не хуже меня знаешь, что большая честь, это сразиться с достойным соперником и умереть в бою. Принести дитя в жертву Богам это не честь, это...

Не найдя подходящего слова для описания собственных мыслей, Калум крепче сжал сверток и сошел с крыльца.

– Преступление, ты хотел сказать? – закончил Гэвин мысль.

Сойдя с крыльца вслед за Калумом, он вперил в него сверлящий взгляд синих глаз, холодных, как снега Нортланда, откуда он бежал десять с лишним лет тому назад. Держатель таверны в третьем поколении, Гэвин, прозываемый Мясником Гэвином, от тягот жизни ступил на скользкую дорожку, занявшись грабежами и убийствами постояльцев. Дождавшись ухода постояльца, он пускал по его следу, будто гончих, своих сыновей, строго-настроено наказывая, чтобы постояльца отправляли в мир Богов в окрестностях соседней таверны. Тем самым он убивал двух зайцев, отводя от себя подозрения и подводя под виселицу конкурентов. Как это зачастую бывает, план, каким бы он ни был идеальным, и тот может дать осечку. Напав однажды на постояльца, которым оказался наемник из псов Риверлока²³, его сыновья были убиты, а их головы доставлены властям. Гэвину ничего не оставалось делать, как бежать в Миддланд, где он открыл таверну и сколотил шайку из воришек и убийц. Довольно скоро о его делах прознала королева и, после тайной аудиенции он был приглашен на службу Ее Величе-

²³ Риверлок – Речной замок; родовое владение дома Сигридов, находящееся на полпути от Миддланда до Силверспрингса.

ства в качестве вершителя судеб. Так прозывали убийц, отправляющих в мир Богов неугодных Ее Величеству людей.

– Да, преступление. То, что Боги жаждут человеческих жертв, нигде не говорится.

– Как и то, что Боги против жертв! Пойми, не принеси младенца в жертву, Ее Величеству не жить, ни тебе ли о том знать!?

– Ты столь наивен, что я диву даюсь.

– О чем ты?

– О том, что никто не знает, приносят ли детей в жертву Богам.

– Как так!?

– Я слышал многое из такого, что твоим ушам это не понравится.

– А ты скажи, а понравится или нет, ни тебе решать.

– Ну что ж... не иначе, как год тому назад услышал одну занимательную историю, как последнего королевского отпрыска

жрецы продали хирамскому купцу.

– Не может быть!

– Может, и это не первый случай. Люди говорят, что жрецы на их глазах продавали их же детей работоторговцам и держателям борделей, набивая золотом карманы. Какова их судьба, одним Богам известно.

– Это все ложь! – возмутился Гэвин, чей голос задрожал, точно осенний лист на ветке. – Никто про то не знает, ни я, ни ты, никто не знает, уяснил!?

Всякий раз, слушая рассказы о жрецах, он начинал вскипать как суп в котле, ибо искренне считал их божьими слугами. Хуже обстояли дела, если человек непочтительно отзывался о Богах. Приходя в неистовство, он вставал на их защиту с кулаками, оприходывая безбожника от всей души. Так и жили в нем душа убийцы и вера в Богов, не мешая существовать друг другу.

– Дурак, и зачем я тебе все это говорю?

Сплюнув, Калум ступил на Торговую улицу, взяв курс на Храм Хептосида. Однако, не пройдя и пары кварталов, Калум остановился и кивнул на переулок по левую от себя руку.

– Надо бы свернуть, – сказал он.

– Зачем? – спросил Гэвин, с опаской глянув на Мясницкий переулок, обладавший дурной славой.

Вонь, исходившая от требухи и отрезанных голов скотины, гнивших на мостовой днями напролет, говорила о том, что в переулке обитают мясники, а по соседству находится мясной рынок. Помимо требухи и голов скотины здесь частенько находили и трупы людей. Обычное для здешних обитателей зрелище, когда вместе с останками животных в телеги загружают трупы людей, у жителей других кварталов вызывало ужас.

– Так короче.

– А так прямо! – воскликнул Гэвин, махнув рукой на Торговую улицу.

– А я говорю, так короче... хотя, если хочешь, ступай, я не волен тебя удерживать.

Не дожидаясь ответа, Калум свернул в переулок и растворился в темноте.

– А что, и пошел бы, – процедил Гэвин. – Да вот не могу, Ее Величество прознает, головы мне не сносить.

Вздохнув, он нырнул в темноту вслед за тем, кому этой ночью так неожиданно повезло. Поручив Калуму собственное дитя, Ее Величество оказало ему особое доверие, которого он, Гэвин, не смог добиться и за десять лет безупречной службы.

Обходя кучи дерьма и потрохов, они смотрели под ноги с широко раскрытыми глазами. Тишина, окружающая их со всех сторон, казалась мертвой, будто все жители переулка передохли, как мухи по осени. Но, то было видимостью, ибо добравшись до середины переулка,

они слышали над головами голоса. Что-то упало, отозвавшись гулким эхом, а затем резко распахнулось окно, будто на свободу вырвался ветер, прежде заточенный в доме.

– Берегись! – раздался резкий женский голос и на мостовую полетели помои.

– Чтоб тебя! – вскричал Калум.

Бросив взгляд на забрызганные полы плаща, он посмотрел на младенца, продолжавшего спать, как ни в чем не бывало. Наградив худосочную женщину гневным взглядом, он поправил меч на правом боку, перешагнул помои и продолжил путь. Что до женщины, то она в ответ смачно сплюнула и с грохотом затворила окно.

– Ты с ним так церемонишься, будто это твой сын, – заметил Гэвин.

– Я только отдаю ему должное, – ответил Калум. – Как ни крути, это человеческое дитя.

– Как по мне, так ублюдок, как и те, что были до него.

– Ублюдок, не ублюдок, а дети ни в чем не повинны, и я на том стою. Если тебе это не по нраву, можешь проваливать на все четыре стороны!

– Все в чем-то повинны, вот, моя матушка, та еще...

– Постой-ка, – оборвал Калум напарника. – Ты это слышал?

Остановившись, он вслушался в тишину, но, ничего, кроме отдаленных криков не услышал.

– Здесь кроме нас, да этого ублюдка, никого нет, – проговорил Гэвин, пожав плечами.

– Значит, показалось. Так что там твоя матушка?

Улыбнувшись, Калум сделал шаг-другой, и незаметно от напарника запустил руку в складки плаща.

– Она любила поговаривать, что будь у нее дар предвидения, то забрала бы мою жизнь, удушив прямо в детской кроватке, каково, а!?

– Значит, было за что?

– Не буду спорить, водились грешки, – улыбнулся Гэвин. – Утопить кошку, да обнести соседа, как на раз-два!

– А знаешь, это никогда не поздно исправить, – сказал Калум с плохо скрываемой угрозой.

На лице Гэвина мелькнула тень страха, и его рука потянулась к эфесу меча, но Калум оказался быстрее. Бледная сталь клинка, сверкнув в ночном воздухе, вырвала из глотки Гэвина крик.

– За что? – простонал Гэвин, схватившись за живот.

– Собаке собачья смерть, – ответил Калум, засовывая кинжал все глубже и глубже в живот напарника, пока тот не вошел по самый эфес.

Опустив взгляд, Гэвин побледнел, завидев, как сквозь пальцы сочится кровь, походящая на капли дождя, только-только набирающего силу. Пошатнувшись, он взмахнул рукой, словно ища опору, и не найдя таковой, завалился на мостовую, уткнувшись лицом в разложившийся кусок требухи.

– Будь ты проклят, – прохрипел он, судорожно хватая ртом воздух, точно рыба на отмели.

– Я уже проклят, ибо не уберег свою семью.

Положив королевское дитя на мостовую, Калум схватил Гэвина за ноги и потащил к канаве, проходящей посередине переулочка. Преклонив колено, он схватил Гэвина за волосы и принялся его топить. Отплевываясь от нечистот, Гэвин из последних сил цеплялся за жизнь, а поняв, что все бессмысленно, довольно скоро прекратил сопротивление и расплылся в улыбке, вспомнив, как убивал собственную мать.

Уличив сына в воровстве булочки, испеченной на продажу, матушка схватилась за плетень и попыталась наказать его. Увернувшись от удара, Гэвин вырвал плетень из рук матери и оприходовал ее от всей души, вспомнив все, что она творила с ним прежде. Насладившись местью, он подтащил мать за волосы к бочке вина и довершил дело, утопив ее в отвратительном пойле,

раз и навсегда освободившись от страха, преследовавшего его с самого детства. Теперь же, валяясь в

канаве, наглотавшись дерьма и требухи, он умирал подобной смертью.

– Чему радуешься, ублюдок? – спросил Калум.

Поймав взгляд убийцы, Гэвин скривил губы в злобной ухмылке.

– Радуюсь скорой встрече в мире Богов.

– Не надейся, встреча будет не скорой.

Взметнув руку, Калум вонзил в спину Гэвина кинжал, а затем извлек его и вытер о безрукавку напарника. Поднявшись, он направился к младенцу, оставив жертву подыхать в канаве.

– Врешь, встреча будет скорой, – прошептал Гэвин, пуская кровавые пузыри.

Холод, колючий, как снега Нортланда, расплзался по его телу с ужасающей быстротой. Закрыв глаза, Гэвин провалился в темноту, ощутив через мгновение, как ноги отрываются от земли и он куда-то летит. Собрав волю в кулак, он приоткрыл глаза и узрел над собой рой мух, жужжавших в предвосхищении свежего мяса.

– О, Боже, – прошептал он и отдал концы.

ДВЕ СТРЕЛЫ

Первое, что бросалось в глаза при въезде в Миддланд, был массивный, квадратный в сечении, путевой столб с четырьмя почерневшими от времени табличками: левая табличка указывала на Драконий мыс²⁴, правая на Вестхарбор, а те, что по центру, указывали на Миддланд и Соутхиллс, последний из которых находился далеко на юге. В полусотне шагов от столба располагался бордель «Две стрелы», славившийся богатым разнообразием плотских утех. Всякий, кто захаживал в бордель госпожи Делиз, так прозывали хозяйку борделя, мог постигнуть всю глубину порока, о которой только мог помышлять.

Двухэтажный, светло-серый особняк госпожи Делиз напоминал собой песчаный остров посреди красного моря. Шумящие на ветру заросли маргариток, бегоний и бальзамина походили на морские волны, накатывающие на забор, окрашенный в ядовито-красный цвет. Красное море плескалось и за дубовой дверью борделя: вся мебель была красного цвета, словно ее окунули в краску, дали подсохнуть на солнце и затем разместили в гостиной борделя. Под стать были и обои, изобилующие цветами ярко – и бледно красного цвета. Второй этаж, на который вела широкая ажурная лестница, от первого этажа ничем не отличался, все те же яркие и бледно-красные тона: обои, потолки, затянутые тканью, и, конечно же, кровати, используемые для плотских утех. И, лишь зеленая ковровая дорожка, проходящая посередине коридора, выбивалась из общего ряда. Со двора к борделю примыкала конюшня, рассчитанная на десяток лошадей, не более. Покидая Концевую улицу, последнее, что видел человек, была конюшня госпожи Делиз. По этой причине кончиком хвоста саламандры прозывали как конюшню госпожи Делиз, так и саму Концевую улицу. Застроенная двухэтажными домами, она связывала Миддланд с Королевским трактом – главной дорогой королевства, убегавшей на юг на сотни и сотни миль.

– Эй, хозяйка, принимай товар! – заорал Силас, перегородив калитку телегой, запряженной парой гнедых лошадей.

Взирая на дверь борделя, он то и дело отвлекался на тени, мелькавшие в окнах второго этажа. Стоны и крики, доносившиеся из окон, могли взбудоражить сознание любого, но только не Силаса, поверенного в делах госпожи Делиз: любовь к элю и звону монет, вот те две страсти, которые владели его умом.

– Чего орешь, дурень! – отозвалась госпожа Делиз, появившись на пороге борделя. – Клиентов распугать мне хочешь?

– Как же, распугаешь их, – пробормотал Силас.

– Не бубни под нос, я тебя не слышу.

– Я говорю – хороший нынче вечер!

– Будет хорошим, если сгинешь с моих глаз долой! Где черный вход, я надеюсь, ты не позабыл?

– Нет, не позабыл, поди, еще не дурак. Ты, вот что, хозяйка, выйди, да посмотри, какой подарок я тебе привез.

Похлопав по куску парусины, натянутой поверх телеги, Силас обнажил в улыбке великолепный ряд хищных зубов, представив на лице хозяйки удивление.

– Мне некогда, – бросила госпожа Делиз, собравшись, было уходить.

– Ну же, выйди, кому говорю!

– Ну, Силас, смотри у меня.

²⁴ Драконий мыс – мыс к западу от Миддланда.

Погрозив пальцем, госпожа Делиз сошла с крыльца и, припадая на левую ногу, неспешным шагом направилась к калитке.

– Ну как, хорош подарок? – спросил Силас, откинув передний край парусины, под которым оказалась девушка лет пятнадцати, спящая посреди тюков с хирамским шелком.

Стройная, черноволосая, с острыми чертами лица, она привлекала внимание нездоровой худобой и большой грудью. Платье из бледно-голубой парчи, схваченное под грудью широким бархатным поясом алого цвета только подчеркивало точеную фигурку девушки. Правда, всю картину портили темные круги под глазами, рассеченная нижняя губа, синяки на лице и грязные взъерошенные волосы, в которых виднелись остатки водорослей. Вдобавок ко всему на шее девушки были видны темные пятна, будто ее пытались задушить.

– Подарок, не плох, – сказала госпожа Делиз с сомнением в голосе. – Да только подпорченный, а я, как ты знаешь, за такой товар не плачу.

– Ну как же, как же подпорченный товар!?! – вскричал Силас.

Гнев и досада проступили на его лице, прогнав улыбку: протянув трясущуюся руку к девушке, он стащил с ее живота тюк и со злостью

отбросил его в сторону. Перекатившись через пару тюков, он подскочил и перевалился через борт телеги, упав на пыльную мостовую.

– Дурак, – буркнула госпожа Делиз, проследив за тюком. – Моли Богов, чтоб на шелке не оказалось ни пятнышка, иначе... я с тебя три шкуры сдеру!

Прочный и мягкий на ощупь хирамский шелк ценился на вес золота, ибо прекрасно защищал от солнца и кровососущих тварей. Об этом знали все, включая госпожу Делиз. Силас, будучи ее поверенным, занимался скупкой шелка для последующей перепродажи в Миддлланде, попутно привозя с юга хирамских рабынь. По крайней мере, так ему представляли пленниц тамошние разбойники, что степняки, что ракушники.

– Ох, женщины, – с горечью в голосе усмехнулся Силас, покачав головой. – Все у вас на уме тряпки, да безделушки. Ты вот что, лучше сюда глянь.

Ткнув пальцем в живот девушки, он заулыбался, позабыв о гневе и досаде. Оторвав взгляд от тюка, хозяйка посмотрела на девушку и в тот же миг просветлела.

– Не иначе, седьмой месяц, а может и того больше, – прикинула госпожа Делиз.

Пустившись в размышления, она прикидывала, какую выгоду извлечет из несчастной через месяц-другой.

– Хозяйка, – сказал Силас, прервав размышления госпожи Делиз. – Ну, как тебе подарок?

– Знаешь, как ублажить свою хозяйку. Даю шиллинг, на большее не рассчитывай!

– Хозяйка, как же так!?! Я столь трудный путь преодолел, и всего-навсего шиллинг?

Улыбка, слетев с лица Силаса, уступила место досаде. На подходе был и гнев, ибо его уши запылали огнем, а губы затряслись, будто от холода.

– С тебя и того много, ибо товар подпорчен. Так что, берешь деньги или нет?

Вперив в поверенного насмешливый взгляд, которым смотрят на человека падшего или человека низкого происхождения, госпожа Делиз всем видом показывала, что это ее последнее слово.

– Ладно-ладно, хозяйка, твоя взяла! – поторопился с ответом Силас.

Иного он и не мог сказать, ибо полностью зависел от хозяйки, державшей его на коротком поводке. Семь лет тому назад, потеряв дом, отобранный за долги, Силас был изгнан из Почетной компании суконщиков и пополнил ряды бродяг. Обивая пороги домов, он два дня проблуждал по Миддлланду, пока не оказался на пороге борделя «Две стрелы». Узрев голодного, исхудалого человека с протянутой рукой, госпожа Делиз, питающая странную любовь к увечным и обездоленным, сжалась над ним. Получив место уборщика, Силас открыл новую страницу в своей жизни, да так лихо, что уже через месяц был переведен в садовники. Прояв-

ляя большое радение к труду, он за какие-то полгода успел побывать и конюшим, и смотрителем борделя, пока не стал поверенным в делах госпожи Делиз. И, все бы ничего, если бы не любовь к элю и благородному металлу, ибо первая губила его желудок, а вторая извращала душу.

– Скажи-ка, а есть ли у подарка имя?

– Кто же ее знает, но, в бреду, она не раз произносила имя Тармиса.

– Странное имя.

– Имя как имя.

– Ладно, пусть будет Тармиса. Отнеси подарок на второй этаж, хотя, зачем я тебе это говорю?

Кивнув в ответ, Силас причмокнул на лошадей, но, те не подчинились. Зыркнув на госпожу Делиз, он схватился за кнут и вложил в удар всю душу, точно хотел выместить на лошадях всю злость на хозяйку. Взбрыкнув, лошади издали недовольное ржание и тронулись с места.

– Да, и тетушку Мэй позови! – крикнула госпожа Делиз вдогонку.

– А на что тебе шлюхи?

– Не спорь, сказала, позови, значит позови.

– Не надо никого звать, – сказала тетушка Мэй, объявившись за спиной хозяйки.

– А, это ты, – обронила госпожа Делиз, окинув тетку взглядом с головы до ног.

Тощая старуха, на которой был длинный черный балахон, смотрела на них колючим взглядом карих глаз. Суровое, морщинистое лицо, выглядывающее из белого чепчика, натянутого по самые брови, острый нос и плотно сжатые губы говорили о ней как о человеке непростого нрава.

– Лошадей накормила, чего еще изволишь, племянница?

Так и не обзаведясь семьей, тетушка Мэй полжизни провела в доме родителей, а после их смерти переехала в дом сестры, взяв в собственные руки хозяйство и заботу о юной Делиз. Спустя много лет, когда сестры и ее мужа не стало, она к своему удивлению открыла, что ее воспитанница была не тем, за кого себя выдавала: веселая, добрая и отзывчивая Делиз в один миг превратилась в злую, алчную хозяйку борделя, не стыдящуюся скандальной славы. Продав бакалейную лавку родителей, Делиз прикупила на окраине столицы старый дом, и превратила его в бордель, а тетушку взяла к себе экономкой, строго-настрого наказав ей, что не потерпит никакого недовольства. Вот так они и жили, одна жируя, радуясь сытной жизни, а другая – худея изо дня в день, съедаемая злостью на племянницу.

– Силас преподнес мне подарок, надо бы ему подсобить.

– Еще будут указания?

– Это все.

Прошелестев по дорожке, тетушка Мэй исчезла в дверях борделя, а вслед за ней последовала и госпожа Делиз. Зайдя в дом, она, было, затворила за собой дверь, как услышала настойчивый стук в дверь.

– Чтоб тебя! – воскликнула она и поспешно отворила дверь.

– Приветствую, хозяйка, – сказал мужчина с глубоким шрамом на лице, бывший всегда борделя. – Свежее мясо есть?

Поздний гость, известный в кругах контрабандистов под именем

Стрелок Нэдди, появлялся в борделе раз в месяц, отдавая предпочтение беременным шлюхам. Как и всякий контрабандист, он носил походный плащ, под которым скрывалось мускулистое, закаленное в многочисленных передрыгах тело. Его обветренное лицо казалось безжизненным, ибо ничего не выражало. Волосы, сплетенные в косички, были собраны на затылке так умело, что этому могла позавидовать и женщина, но, только в части укладки. Грязь, скопившаяся на волосах, могла говорить как о неопрятности Стрелка Нэдди, так и о недостатке

времени на мытье головы. Впрочем, в кругу контрабандистов, ходящих каждый божий день по краю бездны, чистота тела была не в особой чести.

«О, Боги, – подумала госпожа Делиз. – Удача сама плывет в руки».

– Конечно есть! – воскликнула она вне себя от радости.

– Цена все та же?

– Да, господин – пять шиллингов и ни пенсом больше! Прошу господин, следуйте за мной.

Подхватив полы платья из черного бархата, походящего на колокол, госпожа Делиз прошла к лестнице и махнула рукой в сторону второго этажа, приглашая гостя проследовать наверх.

– Мясо точно свежее?

– Будьте спокойны, господин, самое наисвежайшее! Эй, тетушка, готов ли наш подарок!?

Опершись на перила лестницы, она подняла голову, натянув на лицо маску строгой хозяйки.

– Эх, ты шибко шустрая, – ответила тетушка Мэй, вынырнув из-за ее спины. – Силас еще не разгрузился.

– Вот дура старая, – пробурчала госпожа Делиз, оторвавшись от перил. – Мне нет дела, разгрузился он или нет! Поди, поторопи его, нельзя заставлять господина ждать.

Сжав губы, тетушка Мэй развернулась, как в бордель с черного входа вошел Силас.

– Несу-несу, – сказал Силас, держа на руках девицу.

Ступив на лестницу, он с трудом взошел на второй этаж, то и дело, останавливаясь и переводя дыхание – пристрастие к элю давало о себе знать.

– Сдается мне, хозяйка, мясо не первой свежести, – заметил Стрелок Нэдли.

– Что вы, что вы, мой господин! – поспешила успокоить клиента

госпожа Делиз. – Товар что ни на есть свежайший, только-только привезенный с южного побережья! А то, что подпорченный, так я вам скидку сделаю, желаете?

Жадная до мозга костей, госпожа Делиз не могла просто отпустить клиента, не вытянув из него хотя бы пару пенсов. Но, больше ее заботила репутация. Ни один клиент, хотя бы раз побывавший в борделе «Две стрелы», не мог сказать, что чем-то остался недоволен – от самого порога и до кровати он окружался такой заботой, которой не окружался и самый долгожданный в семье ребенок. Улыбки, томные взгляды, танцы, музыка, эль и фрукты, все это вываливалось на голову клиента уже с первых шагов. И, весь этот праздник похоти венчала шлюха, сжираемая глазами, словно кусок мяса, в который вот-вот вонзятся чьи-то зубы. Хотя, в этот вечер все было иначе – клиентов оказалось столь много, что не осталось ни одной свободной шлюхи, способной принять ценного гостя.

– Сколько?

– Три пенса, господин.

– Шиллинг.

– Полшиллинга, господин, иначе я разорюсь!

– Десять пенсов, иначе я пойду в другой бордель, по рукам?

Протянув руку, Стрелок Нэдли посмотрел на хозяйку борделя взглядом, не терпящим возражения. Съев собаку на торговле шелком и живым товаром, госпожа Делиз всегда знала, когда нужно уступать.

– По рукам, господин, – ответила она, ударив по шершавой ладони контрабандиста. – Тетушка, поди, приготовь господину комнату.

Посмотрев на племянницу недобрым взглядом, тетушка Мэй скривила лицо и побрела наверх.

– Хозяйка, – сказал Стрелок Нэдли, проводив взглядом старуху. – Не мое это дело, но, экономку надобно гнать вазшей.

– Зачем?

– Волком смотрит. Знаю таких людей, отвернись, и тут же получишь нож в спину.

– Да что вы, что вы! – заулыбалась госпожа Делиз. – Чтоб тетушка Мэй, да ножом в спину!? Быстрее Боги спустятся с небес, нежели моя тетушка возьмется за нож.

– Ну-ну, хозяйка, мое дело предупредить.

– Она, господин – добрейшее создание, вот только чем-то всегда недовольна! Ну, не будем о ней, следуйте за мной, господин.

Подобрав полы платья, госпожа Делиз последовала наверх, кряхтя и бурча под нос. Преодолев лестницу, они оказались на втором этаже, в воздухе которого стоял запах порока, сотканный из эля, пота и крови. Казалось, что пороком были отравлены и мухи с тараканами. Сидя на потолке и стенах, мухи предавались разврату, издавая еле уловимое жужжание. Не отставали от них и тараканы. Шныряя под ногами, они нет-нет, да останавливались, дабы внести вклад в продолжение рода. Дойдя до середины коридора, госпожа Делиз толкнула дверь и вошла в темную комнатку, в которой находились Силас, тетушка Мэй и обнаженная Тармиса, лежавшая на кровати с закрытыми глазами. Глубоко дыша, она то и дело вздрагивала, мотая

головой из стороны в сторону.

– Ну, господин, как товар? – спросила госпожа Делиз, кивнув в сторону Тармисы.

– Хорош, – улыбнулся Стрелок Нэдли, от чего шрам на его лице, проходящий от уголка губы до правого глаза, обнажился в краях.

Подойдя к кровати, он дотронулся до живота девушки и тут же отпрянул, ибо та вздрогнула и открыла глаза. Взгляд синих глаз, полный негодования, пронял его до глубины души, как пронимает западный ветер в Скалистых берегах. Но, это продолжалось недолго. Опустив взгляд, Тармиса узрела собственную наготу и все поняла.

– Пойди прочь, скотина! – закричала она и лягнула контрабандиста от всей души.

– Сука, – буркнул Стрелок Нэдли и отвесил девушке звонкую оплеуху.

Схватившись за щеку, Тармиса отползла к спинке кровати, чтобы через мгновение другое броситься к окну.

– Вяжите ее, вяжите! – заверещала госпожа Делиз, на лице которой проступил испуг.

Откуда не возьмись, в руках Силаса появилась веревка, с помощью которой он на пару с контрабандистом быстро совладал с девушкой, привязав ее руки к изголовью кровати.

– Сдается мне, вечер будет не плохим, – ухмыльнулся Стрелок Нэдли.

Вынув из пазухи кошель, он отсчитал четыре шиллинга и два пенса, после чего передал их хозяйке и вытолкал всех из комнаты.

– Благодарствую, – только и успела сказать госпожа Делиз, прежде чем перед ее носом захлопнулась дверь.

Оставшись наедине с девушкой, Стрелок Нэдли скинул с себя

одежды, обнажив тело, покрытое шрамами, и накинулся на нее, точно хищник на жертву. Покрывая лицо Тармисы поцелуями, он мят ее большие упругие груди жадно и неистово, наталкиваясь на отчаянное сопротивление. Лягаясь ногами, Тармиса извивалась, как угорь, пытаясь сбросить с себя насильника.

– Девочка совсем слабая, – заметила тетушка Мэй. – Как бы чего не вышло.

– Не она первая, не она последняя, – парировала госпожа Делиз. – А ты, давай, шевели ногами, посмотри, что творится в гостиной.

Покачав головой, старуха что-то пробурчала под нос и отправилась выполнять приказ. Проводив тетку взглядом, госпожа Делиз, ведомая любопытством, прислонилась ухом к двери и тут же вздрогнула.

– Пойди прочь! – раздался крик за дверью.

Улучив момент, Тармиса изловчилась и лягнула насильника в пах, от чего тот взвыл и отпрянул от нее, словно от прокаженной.

– Сука! – крикнул в ответ Стрелок Нэдли и отвесил оплеуху, а вслед за тем нанес по лицу жертвы два удара кулаком.

– А старуха-то права, – сказал Силас.

– И ты туда же, – буркнула госпожа Делиз. – А знаешь, я вычту из твоего жалованья десять пенсов.

– Это почему же!?

– А потому. По твоей вине...

Не договорив, госпожа Делиз замолкла, уловив за дверью подозрительную тишину. Прислушавшись, она услышала скрип кровати и неровное дыхание.

«Ну, вот, – подумала она, – Как и говорила, не она первая, не она последняя».

– Хозяйка, ты дала слово, – пробурчал Силас с обидой в голосе.

– Да ты наглец, раз требуешь свое при моем убытке! Пойдем, не будем мешать голубкам.

Толкнув поверенного в плечо, госпожа Делиз посеменила к лестнице, не обращая внимания на стоны и крики, доносившиеся со всех сторон.

Потеряв сознание, Тармиса не видела, как контрабандист насилует ее, используя тело самым непотребным образом. Не видела она и того, как во время соития у нее произошли преждевременные роды. Не видела растерянности на лице насильника и оцепенения госпожи Делиз, прибежавшей на его крик, ибо такого в ее заведении никогда не случалось. Придя в себя, хозяйка схватила со стола нож для резки бумаги и перерезала пуповину, а затем ухватила новорожденного за ножку и выбросила со второго этажа, точно какой-то мусор. Ничего этого Тармиса не видела, пребывая мыслями на южном побережье Соутланда.

Покачиваясь в прибойной полосе, она ощущала на губах соленый вкус воды и глухую боль в затылке, причину которой не могла понять. Ее тело то вздымалось, то опускалось от накатывающих на берег волн, а где-то над головой кричали чайки. Открыв глаза, Тармиса тут же их закрыла, ощутив резь, а боль в затылке только усилилась. Перевернувшись на другой бок, дабы не захлебнуться, она оперлась на локоть и осмотрела местность – тонкая песчаная полоска отделяла друг от друга море и дюны, склоны которых клонились в противоположную от моря сторону, будто спасаясь бегством в глубине песчаного края. Поднявшись, она побрела вдоль берега, ориентируясь на солнце, уже клонившееся к горизонту. На ее счастье идти пришлось совсем недолго, ибо через пару-тройку миль со стороны дюн показался отряд всадников. Поднимая клубы пыли, тут же уносимые ветром, они мчались так легко и стремительно, будто их кони летели над песками.

– Эй, сюда-сюда! – закричала Тармиса, замахав руками и бросившись навстречу всадникам.

Но, не пробежав и десятка шагов, она остановилась как вкопанная, узнав во всадниках прибрежных пиратов, прозываемых ракушниками. Промышляя работорговлей и грабежами, ракушники наводили ужас на приморские городки Соутланда и торговые караваны, курсировавшие по Морю штормов²⁵ и Знойному морю. Остановившись от девушки на расстоянии выстрела, отряд исчез в клубах пыли, чтобы через миг другой снова явиться перед ее глазами. Двое всадников отделились от отряда и понеслись к ней навстречу.

– Куин, – сказал всадник на вороном коне. – Ты посмотри, кого нам Боги послали!

Чернокожий верзила, сливавшийся с собственным конем в единое целое, походил на получеловека-полуконя, которыми, как гласили легенды, в древние времена был заселен Срединный мир²⁶. Другой же походил на обитателя северных провинций Нортланда, ибо

²⁵ Море штормов – одно из пяти морей, омывающих Срединное королевство.

²⁶ Срединный мир – страны пяти морей: Западного, Знойного, Бескрайнего, Моря штормов и Моря слез.

отличался огненно-рыжей шевелюрой и бледностью лица.

– Боги нас любят, Бенджи, – отозвался Куин, поправив на боку хирамскую саблю.

Соскользнув с коня, Куин подошел к Тармисе и осмотрел ее с головы до ног с такой бесцеремонностью, что ей стало не по себе: усмешка, затаившаяся в уголках его губ, вкупе с вождением во взоре, ничего хорошего не сулили.

– Хвала Богам, – неуверенно сказала Тармиса. – Что они послали вас мне в помощь.

– Боги здесь не причем, милое дитя. Просто мой друг Бенджи захотел подышать морским воздухом, и, вот мы здесь!

– Тогда я воздаю хвалу вам!

– И это ни к чему. Если ты не против, милое дитя, могу ли тебе задать один вопрос?

– Конечно, господин.

– Бенджи, сукин сын! – хохотнул Куин. – Ты слышал, мы теперь господа?!

Повернувшись на месте, он обратил взор на Бенджи, бывшего никем иным, как его правой рукой в клане Покорителей штормов – одного из пяти кланов ракушников, господствовавшего в прибрежных водах Соутланда от Бухты смерти до мыса Черепа.

– А что, чем не господа!? – усмехнулся Бенджи. – Тебя вот приодеть, ну чем ни король Вилфрид?

Спешившись, он присоединился к вождю, которого превосходил на целую голову.

– Ты помнишь, как выглядел король?

– Как же не помнить, помню! Мои юные годы прошли в Соутхиллсе, помню и короля, и его братца Мантойю, тот еще ублюдок.

– Ох, мне бы твою память, – проговорил Куин, похлопав капитана по плечу. – Так как, милое дитя, ответишь на мой вопрос?

Резко обернувшись, он обнаружил в глазах Тармисы страх, который ни с чем нельзя было спутать – широко раскрытые глаза и бегающий взгляд выдавали ее с головой.

– Да, господин, – ответила Тармиса.

– Милое дитя, откуда ты?

– Моя лодка... мой корабль, на котором я плыла к своему дяде, попал в шторм и затонул.

– Бенджи, ты видел кораблекрушение?

– Нет, не видел. В последние два дня не видел ничего, ни утопленников, ни обломков корабля, будь оно неладно.

Всем видом Бенджи показывал, что он чрезмерно недоволен данным обстоятельством.

– А что это означает, Бенджи?

– Это означает, что милое дитя лжет почище божьего слуги, говорящего от имени Богов.

– Верно!

– Клянусь Богами, это правда, ибо мой корабль..., – попыталась оправдаться Тармиса, но, не успела она договорить, как получила удар в лицо.

Упав на песок, она схватилась за рот и зашлась кашлем, отплевываясь от крови.

– Это не важно, милое дитя, ибо, Бенджи, что?

– Что вынесло на побережье, все наше, – закончил Бенджи известное правило ракушников.

– Верно, – подтвердил Куин. – Грузи милое дитя, пора возвращаться.

Вскочив на коня, он пустил его рысью, а вслед за ним последовал и капитан с Тармисой. Путь был недолгим, ибо через полчаса езды по дюнам, они оказались в лагере ракушников, где ее передали одному отвратному типу, с лица которого не сползала улыбка. Взгляд незнакомца смутил ее, ибо он напоминал взгляд торговца скотом. Передав Бенджи увесистый кошель, незнакомец подошел к ней и схватил за волосы.

– Давай, дыхни, – сказал он, приложив к ее носу стеклянный флакон с прозрачной жидкостью.

Не в силах сопротивляться, Тармиса дыхнула и провалилась в темноту. Это все, что она помнила о последних своих злоключениях. Вздохнув, она вспомнила об отце, но, тут ее мысли отвлек крик, резкий и пронзительный, как крик чайки.

– Эй, эй, пошли прочь!

Открыв глаза, Тармиса с облегчением выдохнула, ибо в комнате, кроме нее, никого не было. Однако вслед за тем ее прошиб пот: на теле была кровь, как и на кровати. Посмотрев на живот, она все поняла и завывала, словно волчица на луну.

– Чего орешь!? – крикнула госпожа Делиз, внезапно возникнув в дверях.

– Мое дитя... что вы с ним сотворили? – простонала Тармиса, судорожно трясясь и захлебываясь слезами.

– Заткнись, сука, – прохрипела госпожа Делиз и бросилась к ней с кляпом в руке.

Схватив Тармису за челюсть, она надавила на ее щеки и принялась заталкивать кляп в рот, преодолевая упорное сопротивление. Мотая головой, Тармиса не переставала рыдать, исходя грудным плачем.

В такт ей плакал и младенец, орущий под окном, лежа на грязной мостовой. Впрочем, продолжалось это недолго, ибо он был атакован стайкой крыс. Вцепившись в комок живой плоти, они рвали его на куски, огрызаясь и кидаясь друг на друга, стараясь урвать лучшие куски.

– Прочь, прочь! – завопил Клиф Талбот, местный свинопас, сотрясая посохом так, будто проклинал Богов за непогоду.

Подбежав к младенцу, он отшвырнул ногами пару крыс, а третью пришиб посохом, после чего крысы бросились врассыпную.

– Подожди-подожди, – пробурчал он, бросившись на колени перед младенцем.

Стянув с себя рубаху, Талбот в спешке завернул в нее искромсанное тельце младенца.

– Нет, нет, нет..., – шептал он, ощущая кровь младенца на руках.

– О, Боги, как вы такое допустили!? – возопил он, подняв к небу взгляд, полный слез, но, Боги не ответили.

Ночное небо, моргавшее мириадами звезд, безучастно наблюдало за разыгравшейся трагедией. Равнодушие проявлял и полумесяц, безмятежно плывший среди облаков. Не найдя поддержки у Богов, Талбот огляделся и кинулся к черному входу борделя, обнаружив в себе неслыханную прыть.

– Откройте, откройте, Богами заклинаю! – заорал он, забарабанив кулаком в дверь, чем переполошил весь квартал.

То здесь, то там в темных окнах появлялись лица, и тут же исчезали, словно говоря, что не желают вмешиваться в то, что их не касается. Переложив младенца на другую руку, он забарабанил с удвоенной силой, не обращая внимания ни на окровавленный кулак, ни на кровь младенца, сочившуюся на мостовую.

– Кого нелегкая принесла!? – послышался глухой голос за дверью.

– Помогите, Богами заклинаю!

– Ах, же ты скотина, я тебе покажу Богов.

– Откройте, Богами!.. – крикнул, было, Талбот и, ввалился в бордель, упав в объятия госпожи Делиз.

Уткнувшись лицом в грудь хозяйки борделя, он чуть было не потерял сознание, ощутив запах пота и кислого молока. Та же, недолго думая, схватила непрошеного гостя за шею и оторвала от себя, точно репейник.

– Мразь! Скотина! Бездельник! – посыпала госпожа Делиз оскорблениями, сжимая и сжимая шею свинопаса.

– Дитя...

– Я тебе покажу дитя!

Замахнувшись, госпожа Делиз отвесила Талботу звонкую оплеуху, от чего тот отлетел в сторону и покатился кубарем, выронив младенца из рук. Подрастерявшись, ибо такого оборота дела Талбот никак не ожидал, он с пару мгновений приходил в себя, глядя в ночное небо. Когда же пришел в себя, то оцепенел, завидев младенца в окружении крыс. Повизгивая, они вгрызались в мягкую плоть, разрывая ее на части без особого труда, не обращая внимания ни на кости, ни на ошметки от рубахи. Не в силах более смотреть на происходящее, Талбот закрыл глаза и обратился к Богам.

«О, Боги, за что караете? Что я вам сделал? Я истинно верующий, и я не заслужил...»

Не закончив общения с Богами, Талбот услышал смрадный запах, а затем ощутил легкое прикосновение, словно кто-то невзначай коснулся его мизинца. Открыв глаза, он узрел жирную черную крысу, обнюхивающую его лицо. Холодная волна обдала его с головы до ног, а волосы на голове зашевелились, будто от легкого ветерка. Острые желтые зубы крысы, обогранные кровью младенца, были так близки, что ему стало не по себе. Желудок, точно ворчливый старик, заурчал, чем привлек внимание другой крысы. Обнюхивая руку свинопаса, она подняла морду, поводила усами и, цепляясь острыми коготками за его штанину, с легкостью вскочила на его непомерный живот, стянутый широким кожаным ремнем. Медленно, дюйм за дюймом, она подступала к его лицу, обнюхивая покрывшееся холодным потом тело старика. Подобравшись к подбородку свинопаса, она приподнялась на задние лапки и глянула на него черными глазками. Не осталась в стороне и первая крыса, уже было открывшая пасть, чтобы вцепиться в ухо свинопаса.

«Вот он, лик смерти», – мелькнуло в голове Талбота.

Сжав зубы, он одним рывком перевалился на бок, сбросив с себя крысу, а затем вскочил на ноги и бросился бежать. Крысы, упустившие добычу, пискнули и бросились в погоню, увлекая за собой прочих собратьев. И, только одна крыса, старая, костлявая, потрепанная временем и зубами собратьев, осталась у изглоданного до костей тела младенца.

– Демоны, демоны, сущие демоны..., – бурчал Талбот, то и дело, бросая взгляд на преследователей.

Перепрыгивая через кучи мусора, крысы лязгали зубами, внося ужас в душу преследуемого. Впрочем, преследование было недолгим. Добежав до своего дома, стоявшего на краю Концевой улицы, Талбот юркнул в калитку и бросился под защиту собственных свиней. Все, как одна, свиньи встали на защиту хозяина, издав визг и двинувшись на врага широким фронтом. Крысы, столкнувшись со столь серьезным противником, пойти дальше калитки не посмели. Обратившись в бегство, они то и дело огрызались, вставая на задние лапки, словно показывая, будь их поболее, победа осталась бы за ними.

Что до Талбота, то от перенесенного потрясения он еще долго не мог оправиться. Загнав защитников в свинарник, он уселся на крыльцо и предался воспоминаниям двадцатилетней давности. Выгуливая свиней, он натолкнулся на старика с орущим младенцем на руках. Загнанный в угол, тот отчаянно отбивался от крыс, орудя то палкой, то ногами. Но, силы были столь неравными, что конец старика и младенца был неизбежен. Бросившись на выручку, Талбот оказался более расторопным, нежели сегодня. Отогнав крыс, он сумел спасти младенца, успевшего потерять нос. Старик же оказался не столь везучим, ибо от полученных ран он изошелся кровью. Так, не имея ни жены, ни детей, Талбот обрел сына, дав ему имя Уизли. Сегодня ночью он мог обрести еще одного сына, но, видимо, Боги рассудили иначе.

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

– Эля, эля хочу, – пробормотал старик, подняв голову над столом.

Обведя взглядом таверну, утопающую в полумраке, он уронил голову и уткнулся лицом в пустую миску.

Отставив кружку, дядюшка Блоссом обернулся и одарил старика хмурым взглядом. Впрочем, узнав в нем одного из постоянных клиентов, которых с каждым днем становилось все меньше и меньше,

он смягчился и бросил взгляд в сторону юного помощника, клевавшего носом за прилавком.

– Эй, Джими, слышал, что господин сказал!? – крикнул дядюшка Блоссом.

Подскочив на месте, Джими захлопал глазами, огляделся и с некоей ленцой соскользнул со стула, будто испытывал терпение хозяина. Затянув веревку, которой подпоясывал не в меру просторную рубаху, он метнулся в подсобку и воротился с кружкой эля. Следом отворилась входная дверь и в таверну ворвалась ночная прохлада, а вместе с ней вошел мужчина в черном плаще.

– О, Боги, ты ли это!? – вскричал Блоссом, поднявшись со скамьи столь поспешно, что нижняя пуговица на его куртке зацепилась за край стола и оторвалась, закатившись под стол.

На пороге стоял высокий согбенный человек, вооруженный мечом. Низко опущенный капюшон скрывал верхнюю часть его лица, но, не усы и окладистую бороду, по которым хозяин таверны мог опознать их обладателя хоть среди тысячи людей.

– И тебе привет, Блоссом, – откликнулся Барнэби Аддерли, бывший лордом-казначеем и членом Королевского совета. – Или как там тебя кличут – дядюшка Блоссом?

Те немногие клиенты, что пребывали в таверне, при виде незнакомца замолкли. Могло показаться, что их раздражает от любопытства, ибо одни, те, что были ближе к выходу, осматривали незнакомца с головы до ног, а другие, те, что сидели поодаль, вытягивали шеи в тщетном стремлении рассмотреть его лицо. Впрочем, вскоре таверна снова наполнилась голосами пьяных бродяг и сомнительных личностей, чей вид не внушал доверия.

– Верно, так и кличут, – улыбнулся Блоссом. – О, Боги, как же я давно тебя не видел.

Радость в глазах Блоссом была столь безмерна, что вот-вот еще немного, и он бросился бы обниматься. Пройдя на середину залы, он остановился и осмотрел друга с головы до ног.

– Нечего на меня глазеть... десять лет человека не могут изменить. Поддай-ка лучше эля, у меня к тебе важный разговор.

И, действительно, с тех самых пор, когда они виделись в последний раз, Барнэби Аддерли ничуть не изменился. Все тот же сухопарый старик, которого равным образом боялись и уважали за твердость духа и схожесть с королем Аргусом, основателем дома Бланчестеров. Как и Аргус, он обладал большим горбатым носом, возвышающимся, словно утес, на его узком лице. Помимо этого с королем его роднили жесткие черные усы, кончики которых топорщились в разные стороны, и окладистая борода, закрывающая подбородок и шею. Блоссом же за эти десять лет несколько сдал, ибо уже не походил на прежнего весельчака. Взгляд, прежде полный задора, погас, а приветливая улыбка, никогда не сходявшая с его лица, теперь была редким гостем на его лице.

– Ох, дурья моя голова, эй, Джими! – всполошился Блоссом.

Подмигнув помощнику, он указал другу на ближайший стол.

– Слышал, дела твои не так хороши, – начал Аддерли вкрадчивым голосом.

– А ты хорошо осведомлен.

– Земля слухами полнится.

- Плохие вести, что вонь в крепостном рву, быстро разносятся ветром.
- Хозяин, – буркнул Джими, поставив на стол медный поднос с четырьмя кружками.
- Свободен, – небрежно бросил Блоссом.
- Ночь коротка, и я буду краток, – сказал Аддерли, наклонившись вперед. – Не сегодня-завтра в Городском совете освободится место, и я хочу, чтобы ты его занял.
- О, Боги, – пробормотал Блоссом, выпучив от удивления глаза.
- Что, боишься не сдюжить?
- Ты знаешь меня, я ничего не боюсь. Но, одно дело контрабандой промышлять, и совсем другое – лезть в политику.

Обменявшись взглядами, они улыгнулись, вспомнив далекое прошлое. По молодости лет они занимались тем, что промышляли контрабандой, но, затем бросили столь опасное дело, дабы не испытывать судьбу. Прикупив большой дом возле суконного рынка, Аддерли подался в ростовщики, ссужая средства беднякам под небольшой процент. Столь неразумное поведение привело к тому, что у него появилась уйма врагов, подсылавших к нему убийцу за убийцей. Обложившись должниками, Аддерли с успехом избегал встречи со смертью, и с таким же успехом изничтожал врагов. Устранив два десятка конкурентов, Аддерли занялся скупкой долгов аристократов, проматывающих состояния в тавернах и борделях. Дела шли настолько хорошо, что со временем он опутал долговыми расписками добрую половину столичной знати. И, вот наступил тот день, о котором он и в смелых мечтах не помышлял. Отягощенный лестными рекомендациями, Аддерли был представлен ко двору как человек, обладающий большим умом, так необходимым для управления финансами. Так он получил титул лорда-казначея и должность Хранителя Королевской казны, а вместе с тем и право заседать в Королевском совете.

Что до дядюшки Блоссом, то у него судьба сложилась иначе. Послушавшись дружеского совета, он вложил все сбережения в торговое дело, открыв в верхней части Миддланда пару скобяных лавок. Благодаря застройке столичных окраин он быстро разбогател, став одним из крупнейших держателей скобяных лавок. Не желая останавливаться на этом, Блоссом, опять же по совету друга, решил вложиться в землю – дело весьма доходное, как его заверял Аддерли. Прикупив в трех милях к востоку от Южных ворот большой кусок земли, он возвел на пустыре таверну, три борделя и сотню домишек для бедноты, войдя в число богатейших домовладельцев Миддланда. Но, увы, счастье Блоссом продлилось недолго. Через год он был вынужден закрыть один за другим все три борделя. Причина тому – тошнотворная вонь, исходящая от крепостного рва, вдоль которого и находились его владения. Единственное, что осталось у него от славного прошлого, так это таверна, да хибары бедняков, плативших за аренду суший мизер.

– Поверь мне на слово, политика не в том, чтобы управлять во благо толпы, а в том, чтобы обеспечить себе безбедную старость. В совете сидят те же самые люди, из плоти и крови, ничем не отличающиеся от простого люда. Разница в том, что одни воруют втихую, прикрываясь властью, другие воруют в открытую, рискуя жизнями каждый божий день.

– Вижу, ты о многом ведаешь, раз такое говоришь.

– Мое положение обязывает знать про все и про всех, – сказал Аддерли, отпив глоток из кружки. – Так что, ты согласен?

– Вопрос трудный, надо бы посидеть, обмозговать.

– А что здесь думать, ты либо принимаешь предложение, либо продолжаешь гнить в этой дыре, выбор за тобой?!

В словах Аддерли была доля правды, ибо «Южный крест», прежде известный добротным элем и гостеприимством хозяина, переживал не лучшие времена. Находясь в стороне от оживленных улиц, посреди вонючего рва и убогих домишек бедноты, таверна была местом, куда стекались самые отъявленные негодяи, спасавшиеся от королевского правосудия. Через нее же пролегал и путь контрабандистов, доставлявших в верхнюю часть Миддланда товары из стран, лежащих за Бескрайним морем. Но, куда страшнее был местный сброд, изводивший со

свету всякого, в ком можно было уличить человека добрых правил. Лучшее, чем могла закончиться встреча с местными обитателями – это ограбление и посрамление, когда путника могли раздеть догола и на потеху толпе прогнать к Южным воротам. Худшее – кинжал в спину или сброс в крепостной ров, что было равносильно смерти, ибо вылезти из рва, полного дерьма и прочих нечистот, несчастный был не в силах.

– Ты прав, но...

Входная дверь с грохотом отворилась, и в таверну ввалились братья Савьер, известные в прошлом разбойники, теперь же состоящие на службе Ее Величества.

– Хозяин, подай эля! – заорал Анри, опираясь на плечо младшего брата.

– И по больше! – поддержал Арьен, чей голос походил на скрип несмазанного колеса.

– Приветствую вас, – сказал Блоссом, натянув на лицо приветливую улыбку.

Поднявшись навстречу гостям, он щелкнул пальцами и указал им на стол возле окна. Джими, в иных случаях не особо расторопный, в этот раз оказался на высоте. Однако гости не спешили принимать приглашение хозяина. Почесывая шею, Анри, в котором росту было под семь футов, оглядывал присутствующих с таким любопытством, будто раздевал их догола. Его налитые кровью глаза словно говорили,

что связываться с ним себе дороже, а кулаки и ходившие ходуном желваки только подтверждали это впечатление. Арьен же, тощий, как доска, напротив, не выказывал никакой агрессии. Быть может тому причина взгляд, который невозможно было уловить, а может быть его неприглядный вид: лопухий, косоглазый, с руками разной длины, он походил на уродца, которыми так полна Хирамская земля. Если Анри был воплощением молодого дуба, то Арьен был воплощением болотного деревца, невесть откуда взявшегося в сосновом бору, в котором все деревья как на подбор – высокие и стройные.

– Не изволите пройти к столу? – спросил Блоссом, прервав затянувшуюся паузу.

Таверна ожила.

– Изволим, – ответили братья в голос и прошествовали к столу.

Усевшись на скамье, Анри расстегнул на себе куртку и пригубил кружку, как на его лице проступила гримаса недовольства.

– Хозяин, что за дерьмо!? – вскричал он и одним движением руки смахнул кружки со стола.

– Хозяин, поди сюда! – махнул хозяину Арьен, который в отличие от брата так и не отведал эля.

Голоса в таверне затихли.

– Что угодно, господа? – спросил Блоссом, подойдя к братьям.

Улыбка, не сходявшая с его лица, точно маска на лице актера, оставалась на своем месте.

– Брат, ты это слышал?

– Он спрашивает, братец, что нам угодно?

– Раз спрашивает... вот, моему брату угоден самый лучший эль, какой только может сыскаться в этой дыре. Мне же угодно посмотреть в твои глазенки, когда я вырежу на твоём лице вечную улыбку.

Поднявшись, Арьен вытащил из-за пояса нож и принялся играть им перед глазами Блоссома.

– Эй, братец, поприветствуй лошадей! Если ты его осчастливишь, то видят Боги, эля нам не видать, как своих ушей.

– Нет у него хорошего поила, и никогда не было, сколько сюда не хаживал!

Сплюнув, Арьен осклабился и прикоснулся кончиком ножа к правой щеке хозяина.

– Да подожди ты! Помнится, когда-то в этой дыре подавали добротный эль, не так ли, хозяин?

– Все так, – ответил Блоссом, не отнимая взгляда от ножа. – Вы правы, во всем правы, ибо вашими устами говорит истина!

– В чем прав? – спросил Анри. – В том, что твоя дыра славилась добротным элем, или в том, что твой эль – полное дерьмо?

Не зная, что отвечать, Блоссом впал в оцепенение. Как он не силился, ничего путного не мог придумать. То, что эль был со вкусом дерьма, он прекрасно знал, ибо часто слышал недовольство клиентов. Одни говорили, что эль здесь не причем, ибо вкус дерьма от того, что поблизости крепостной ров. Другие рассуждали иначе, мол, вкус дерьма из-за ячменя, взращиваемого на южных окраинах, куда и стекается все дерьмо Миддланда. И те, и другие были далеки от правды, и только Блоссом знал ее во всей красе.

– Мой господин, – ответил Блоссом, придя в себя. – Я хотел сказать, чтобы вы не сказали, вы во всем правы. Жизнь такова, что приходится терпеть присутствие дерьма.

– Брат, он нас дерьмом назвал!?

– Остынь, братец, хозяин не то хотел сказать, верно?

– Да, господин... я хотел сказать, что дерьмо из крепостного рва перебивает вкус эля, это и есть причина.

– А я слышал иное, – парировал Анри, бросив недобрый взгляд на Джими. – Что твой гаденыш пописывает в эль, что на это скажешь?

Услышав такое, клиенты отставили кружки и обратили взоры на мальчишку, стоящего у прилавка, нервно теребя в пальцах полотенце не первой свежести.

– Это неправда, – мотнул головой Блоссом, и в тот же миг его лицо исказила гримаса боли, а на щеке проступила ранка.

– А мне, брат, этот гаденыш никогда не нравился.

Отняв руку с ножом от щеки хозяина, Арьен шагнул в сторону мальчишки, на котором лица не было: бледный, с трясущимися губами, он с ужасом гладел на младшего из братьев. Клиенты, все, как один, поднялись из-за столов и вперили гневные взгляды в хозяина и его помощника.

– Оставьте мальчишку в покое, он здесь не причем! – крикнул Блоссом и метнулся вслед за Арьеном, как его пыл охладил нож перед глазами.

– А вот мы сейчас все и узнаем.

Ухмыльнувшись, Арьен опустил руку и обернулся, дабы исполнить угрозу, как ему дорогу преградил лорд Аддерли.

– О, Боги, да у тебя заступник! – воскликнул Арьен.

– Сделаешь шаг, пожалеешь, что уродился на свет божий, – обронил Аддерли.

– Ух, какой грозный! – воскликнул Анри, с грохотом встав из-за стола.

Подойдя к Аддерли, он наклонил голову, стараясь заглянуть в его глаза, но, ничего, кроме усов и бороды не разглядел.

– Если уберетесь сейчас, я забуду все, что здесь случилось.

– Да ты, мать твою за ногу, наглец! Моя сестрица так и просится на волю, дабы опробовать твою башку на прочность.

Ослабившись, Анри положил руку на рукоять дубинки, висевшей на его поясе.

– В последний раз говорю – уберетесь, забуду все.

Подняв руки, Аддерли откинул капюшон, чем вверх братьев и прочих присутствующих в крайнее изумление.

– Аддерли, – обронил Анри.

– Для тебя, пес паршивый, милорд, – процедил Аддерли.

– Да, милорд, извините, милорд, – промямлил Анри и поспешил поклониться в пояс.

– Ну, как мы поступим – уберетесь с миром или проверишь мою башку на прочность?

– Простите милорд, простите...

Схватив брата за локоть, Анри потащил его к выходу, не обращая ни на кого внимания. Как только за ними захлопнулась дверь, к выходу потянулись и прочие клиенты.

Не дожидаясь, когда таверну покинет последний клиент, Аддерли и Блоссом воротились к столу. Джими, как и прежде, уселся за прилавок и вперил взгляд в спасителя.

– Помнится, – сказал Блоссом. – По молодости лет мы были такими же.

Улыбнувшись, он взял кружку и отпил большой глоток, вытерев губы широкой ладонью. От волнения, что он пережил немногим ранее, его рябое лицо было красным-красным, точно переспелый помидор.

– Нет, мы были не такими, – возразил Аддерли. – Дерзкими, да, были, но, бешеными собаками – никогда! Им одна дорога – на виселицу, хотя, для них и веревки жалко. Отхожая яма – смерть, достойная этих ублюдков!

– Ты прав, как и всегда.

– Не всегда, мой друг...

Опустив голову, Аддерли призадумался. На своем пути он встречал многих негодяев, но вот таких, как братья Савьер, были единицы. Работая с грубым материалом, он требовал от своих наемников излишне не усердствовать, если на то не было особой надобности. «Люди делятся на тех, – любил он говорить. – Что достойны быстрой смерти, ибо в силу невежества не могут отличить порок от добродетели, и на тех, что достойны мук, ибо отринули божьи заветы и безрассудно бросились в объятия порока». Подобное он когда-то говорил и по молодости лет, когда имел круг друзей, от которых осталась одна лишь память. Одних унесли болезни, других – жажда к странствиям, в погоне за которой они сгинули в чужих краях. Душа искала разговора, но, не было человека, с кем можно было поговорить по душам. Навестив старого друга, он надеялся обрести в нем того самого человека, а вместе с ним вернуть и былое, по которому так сильно тосковал.

– Был бы не прав, не стал бы тем, кем стал, – заметил Блоссом, прервав размышления друга.

– Я тебя удивлю, – проговорил Аддерли, подняв голову. – Я не безгрешен, и я тоже совершаю ошибки, от которых мне бывает стыдно.

– Поясни, будь так мил.

– Может, какнибудь потом, а сейчас вернемся к прежнему разговору.

Так что, ты согласен или нет?

– А как сам думаешь?

Обреченно мотнув головой, Блоссом обвел рукой пустую таверну, в которой помимо них и Джими никого не было.

– Другого я и не ожидал, – улыбнулся Аддерли и поднялся из-за стола.

– Уже уходишь?

– Да, мой друг. Нынче в полдень королева собирает совет.

– Тогда до встречи?

Поднявшись, Блоссом одарил друга грустной улыбкой и протянул руку.

– Блоссом, – сказал Аддерли, ответив рукопожатием. – А тот пес правду говорил?

– О чем ты?

– О твоём мальчишке.

– Да, сушая правда... мои дела плохи как никогда. Конкурентов, как грязи, и клиентов меньше с каждым днем.

Джими, слышав, что говорят о нем, зарделся и скосил взгляд в сторону подсобки. Сын шлюхи и пьяницы, он по наущению хозяина занимался тем, что писал в бочки с элем. Как тот говорил – «для придачи элю особого вкуса» – уверяя мальчишку в том, что детская моча имеет целебные свойства. На деле Блоссом занимался ничем иным, как мошенничеством, стремясь

хоть как-то поправить собственные дела, а мальчишке, прекрасно понимавшем, чем он занимается, за молчание полагались бесплатные стол и ночлег.

– А контрабандой, случаем, ты не занимаешься?

– Что ты, что ты! – возмутился Блоссом, замахав руками. – Я что, похож на сумасшедшего, чтоб под старость лет ходить под виселицей?

Рассмеявшись, он схватился за кружку и опрокинул содержимое в глотку.

– Хорошо, если так, – сказал Аддерли с сомнением в голосе.

Похлопав друга по плечу, он развернулся и уверенным шагом направился к выходу, словно и не пил вовсе.

– Эй, друг, стой!

Не любитель долгих прощаний, Аддерли нахмурился, а повернувшись, нос к носу столкнулся с Блоссомом, в глазах которого

стояли слезы.

– Спасибо... тебе, – сказал Блоссом дрогнувшим голосом.

Моргнув, он прослезился, чего прежде за ним никогда не водилось: две крупные слезы, скатившись по щекам, на мгновение зависли на подбородке и сорвались вниз.

– Ну-ну, все будет хорошо, – сказал Аддерли, положив руку на плечо Блоссом.

Сказав это, он отворил дверь и вышел вон, растворившись в ночи. Скрипнув, дверь медленно затворилась, оставив хозяина и его помощника одних в опустевшей таверне.

– Странное дело, – произнес Аддерли, вдохнув ночного воздуха полной грудью. – Какие в жизни случаются метаморфозы.

Нахлобучив капюшон на голову, он зашагал в сторону Южных ворот, размышляя о своих отношениях с Блоссомом. Во всем, что случилось с ним, он винил себя и никого другого. И в том, что посоветовал ему заняться скобяным делом, хотя сам пошел иным путем. И в том, что посоветовал продать дело и купить пустырь у крепостного рва. И в том, во что он превратился, ибо от прежнего Блоссом осталась только одна бледная тень. Во всем этом он винил себя, и теперь решил изменить его судьбу, чтобы это ему не стоило. Идя вдоль крепостного рва, Аддерли не мог не видеть тени, мелькавшие в свете луны посреди домов. Станным делом, на дороге не было ни души, не считая запозднившихся путников, от которых его отделяли три-четыре сотни шагов. О чем-то споря, они кричали и махали руками, держа путь к Южным воротам.

– О Боги! – вскричал Арьен, вскинув взгляд к небу. – Мы как собаки, хвост поджали и бежали прочь!

– Боги, говоришь, – отозвался Анри. – С каких это пор ты к ним взываешь?

– Это я так, к слову, да и к кому еще взывать?

– К Князю Тьмы, к примеру.

– Не говори глупостей, брат! Ты не хуже меня знаешь, что все это чушь собачья, и пророчество, и восстание мертвецов, и Князь Тьмы! А вот старика надо было проучить.

– Ты что, не в себе!? Ты знаешь, какая о нем идет молва?

– Брехуны говорят, а ты всему веришь?

– Никакие это не брехуны. Вот знавал я одного человека, по словам которого лорд Аддерли три года выслеживал одного ростовщика, подославшего к нему убийцу. А когда нашел, то посадил голым в кувшин и приказал кормить его до тех пор, пока тот не захлебнулся в собственном же дерьме.

– Брехня.

– Брехня не брехня, но связываться со стариком я бы не советовал.

Рассказ Анри, поведавший брату, был одним из множества рассказов, в которых фигурировал лорд-казначей. Были они правдой, или нет, никто толком не знал. Впрочем, слушая одно и то же изо дня в день, люди знающие замечали, что истории обрастают новыми подроб-

ностями, уподобляясь днищу корабля, обрастающему тиной. Так, идя по дороге, ковыляя из стороны в сторону и падая на ухабах, братья не заметили, как ночь подошла к концу. Подойдя к Южным воротам, они прошли через заставу и взяли курс на Площадь Таун-холла.

КЛОДИЯ

Опираясь на алебарду, сир Джармут стоял и дремал в ожидании конца ночи, чего нельзя было сказать о его дяде Хогине. На его лице, виднеющемся в строгом овале остроконечного шлема, читалась тревога – будь то собачий лай, возня в домах по соседству или голоса гвардейцев, несущих дозор на боевом ходу Внешней стены Королевского замка, он держал ухо востро, живо на все реагируя. В какой-то момент его внимание привлек душераздирающий крик и в тот же миг он ощутил жаркое дыхание солнца. Повернув голову, сир Хогин узрел солнце, медленно и величаво выкатывающееся из-за горизонта.

– Солнце взошло, а петухи все молчат, – проговорил он в задумчивости.

– Не иначе, дядя Хогин, – сказал Джармут полусонным голосом. – Потрошители лютуют, вот петухов и не слышно.

Он знал, о чем говорил, ибо мысль о неких сектантах, истребляющих петухов, дабы приблизить пришествие Князя Тьмы, занимала умы жителей Миддланда не первый день. Пропавшая в тавернах каждый божий день, он только и слышал рассказы о потрошителях, являющихся из ниоткуда и исчезающих в никуда, словно тени предков. Впрочем, не все верили в потрошителей, говоря о том, что обнесение птичников не иначе, как дело рук обыкновенных воришек. Другие говорили, что это дело рук мясников, этих вечных конкурентов торговцев птицей. Так или иначе, о потрошителях говорили все, кому не лень, и только Королевский совет сохранял молчание, будто не ведал о происходящем.

– Это те, что похищают петухов?

– Они самые, демоны им в зад! Не ровен час, они и людей начнут резать.

– Ну, не знаю, не знаю, не слышал ни разу, чтоб кого-то порезали.

– Ясное дело, кто ж об этом скажет, если их никто в глаза не видел! А если и видели, то не скажут, все свалят на бродяг.

– Твоя, правда – легче свалить вину на бродягу, нежели найти иголку в стоге сена.

– Эх, да что там говорить-то! – воскликнул Джармут, потряхнув головой. – Ты вот на командующего погляди, у него в голове одно – как бы обрюхатить Ее...

– Ти-и-ш-ше, – прошипел Хогин. – Богами заклинаю, больше ни слова.

Поддавшись вперед, он обернулся и посмотрел на боевой ход: на его счастье никого из гвардейцев рядом не оказалось.

– А что, все об этом знают, – продолжил Джармут, чье веснушчатое лицо дышало решимостью.

– Знать и говорить не одно и то же. Как дядя, дам тебе совет – хочешь дожить до моих дней, держи язык за зубами.

– Дядя, не начинай снова! Твои нравоучения мне ни к чему, сыт ими по горло.

Для пущей убедительности, Джармут провел рукой по шее, как порой проводят ракушники, берущие корабль на абордаж.

– Дурак, – буркнул Хогин, зажмурившись от солнца, отразившегося от стальной перчатки племянника. – Если бы не я, не видать тебе службы в Королевской гвардии.

– Тебе виднее, дядя. А теперь... давай помолчим, гляди, какое солнце.

Улыбнувшись, Джармут кивнул в сторону небесного светила, от величавой поступи которого не осталось и следа. Заливая округу ярким светом, солнце стремительно всходило над горизонтом, точно в какой-то спешке. Он любил такие мгновения, любил за то, что наступало время смены дозора, время, когда можно было предаться радостям жизни. Попав в гвардию по протекции дяди, начинавшего службу еще при короле Харлине, он только тем и занимался,

что стоял в дозоре у ворот замка. С трудом перенося ночные бдения, Джармут тяготился столь почетной обязанностью. Ему хотелось свершений, подвигов во имя дамы и во славу отечества, а унылая служба, как ему казалось, была тому препятствием. Единственное, что скрашивало его серые будни, так это попойки с друзьями и походы в бордели, в которых он славился как прекрасный рассказчик, и не только.

Тем временем, так и не дождавшись третьих петухов, Миддланд мало-помалу приходил в себя от долгой ночи, которой старожилы на своем веку не помнили. Торговцы открывали лавки, вдыхая жизнь в торговые ряды, как западный ветер вдыхает в столицу свежий воздух. Ремесленники спешили с открытием мастерских, шум в которых будто возвещал, что город окончательно пробудился от долгого сна. Было много и таких, что бродили в поисках работы, пропитания или легкой наживы, высматривая в толпе денежные мешки. Вместе со столицей просыпался и Королевский дворец, охраняемый отрядом из полусотни

гвардейцев. Остальные же пребывали частью на Внешней стене, а частью в семи башнях Королевского замка. И, только одна Надвратная башня, уподобляясь сироте, никем не охранялась.

Если Королевский замок прозывали жемчужиной Миддланда, то дворец не иначе, как позором Бланчестеров, ибо не походил на башни замка, возведенные с одной-единственной целью – увековечить славу дома Бланчестеров. Возведенный на равном удалении от Внешней стены, Северо-Западной и Юго-Западной башен замка, дворец состоял из покоев Ее Величества, Тайной комнаты, Малого, Большого и Трапезного залов, а также комнатушек для прислуги и хозяйственных помещений. По центру дворца находился Южный портик, опирающийся на восемь белокаменных колонн. Выдаваясь вперед на двадцать три фута, он был украшен героическим барельефом и фронтоном, увенчанным статуями королей Аргуса и Эдмуна. Над статуями красовалось круглое витражное окно в виде семиконечной звезды, игравшей на солнце золотыми, синими и красными пластинами из хирамского стекла. Нижняя часть западного и восточного крыла Королевского дворца была украшена темно-серым горельефом, на котором были изображены подвиги Великих королей. Выше горельефа стена была облицована черно-белым камнем, чередующимся в шахматном порядке. Узкие, трехчастные окна, разделенные темно-серыми пилястрами, разрывали шахматный порядок по всей длине дворца. С западной и восточной стороны к дворцу примыкали портики, ничем от Южного портика не отличающиеся, разве что отсутствием статуй Великих королей.

Медленно, дюйм за дюймом, из-за плотных штор в темную комнатушку проникал солнечный свет, освещая убогую обстановку: стол, два стула, комод со шкафом, да кровать, и ничего более в комнате Клодии, молодой служанки королевы, не было. Не расстелив постель, она спала одетой, то и дело, вздрагивая во сне. Сон, который снился Клодии не в первый раз, был тяжелым, как жара, не выпускавшая из тисков обитателей королевства последний летний месяц.

Вставая рано поутру, Клодия вместе с отцом и братцем отправлялась на сенокос, прихватывая с собой котелок, мешочек чечевицы, кусок свиного сала и две бутылки козьего молока. Как и всегда, стоял хороший знойный день, не предвещавший ничего плохого. Заканчивая со стряпней, Клодия разувалась и располагалась на траве под раскидистым дубом, как тут же засыпала. Запах свежескошенной травы, щебетанье птиц и шум ветра в кронах дуба, от всего этого грудь юной девы, еще не познавшей вкус любви, судорожно вздымалась и опускалась, а веки изредка подрагивали, как только проносился ветерок. Ей казалось, что вот-вот она взлетит и понесется в небесную высь, словно орлица, но, тут, как это обыкновенно случалось, раздавался крик брата, приводивший ее в чувства.

– Клодия, Клодия, беда с отцом!

Открывая глаза, она видела перед собой брата, смотревшего на нее испуганным взглядом.

– Что, что с отцом? – вопрошала Клодия каждый раз, хватая брата за плечи.

– Беда...

– Что за беда!? – кричала она, встряхивая брата так, что тот вопил от боли.

– Ты мне делаешь больно! – отвечал мальчишка, предпринимая вялую попытку освободиться.

Не добившись своего, он вздыхал и рыдал навзрыд, сотрясаясь всем телом. Слезы стекали по его щекам, прочерчивая кривые линии, точно горный ручей, бегущий среди камней.

– Прекрати, – обрняла Клодия, опуская братца. – Говори, что с отцом!

– Змея...

– О, Боги, – шептала Клодия, вспоминая отцовское наставление: «Нос не задирай, ибо неизвестно, что в траве таится. Гляди в оба, а как услышишь шепот смерти, беги, беги быстрее ветра!»

Следом тело Клодии пронимало дрожью, а ее братец всхлипывал, готовый разразиться горным водопадом. Отвешивая брату оплеуху, дабы он взял себя в руки, она хватала его за руку и бежала на сенокос. Протискиваясь в центр толпы крестьян, она представала перед бездыханным телом отца. Он лежал на спине, согнув левую ногу под себя и вытянув правую руку в сторону, будто указывая на что-то. На его губах пузырилась пена, а веки были полузакрыты. На оголенной правой ноге, чуть ниже колена, виднелись две ранки, и темная, застывшая струйка крови.

– Крепись, девочка, – раздавался глухой голос за ее спиной. – Боги были столь милосердны, что подарили твоему отцу быструю смерть.

Оборачиваясь, она нос к носу сталкивалась с дядей Арленом, статным мужчиной с редкой проседью в волосах, приходившимся ее отцу старшим братом. Узрев слезы на глазах племянницы, он, было, протягивал к ней руки, чтобы обнять, но, в последний миг передумывал.

Ничего не отвечая, Клодия падала на колени и подносила руку к глазам отца, а затем отдергивала ее, не смея прикоснуться – ей казалось, что если она это сделает, то отец обратится в прах и растворится в воздухе.

«О, Боги, – поднимала она взгляд к небу, – Как же я хочу посмотреть в глаза отца, взять его за руку, поцеловать в лоб и провести ладонью по волосам, таким мягким и волнистым, как колосья пшеницы...»

На этой мысли сон Клодии всегда обрывался, то от крика дозорного, то от собачьего лая, то от колокольчика, безумного трезвонившего у изголовья кровати. Последнее всегда означало одно – Ее Величество немедленно хочет видеть ее в своих покоях.

Вот и на сей раз причиной пробуждения стал звон колокольчика. Открыв глаза, Клодия потянулась, приподнялась на локтях, ощутив тяжесть в голове. Скосив глаза на колокольчик, надрывающийся так, будто торговец, зазывающий прохожих к своему прилавку, она улыбнулась и неспешно поднялась. Поправив на себе платье, Клодия наклонилась и привела в порядок покрывало на кровати. Выпрямившись, она набрала воздуха в легкие, выдохнула и направилась в покои Ее Величества, находящиеся по соседству с ее комнатой.

Опочивальня Ее Величества, поражающая взор размерами и роскошью убранства, могла вобрать в себя дюжину комнатушек Клодии. Первое, что бросалось в глаза, это огромная кровать из красного дерева, находящаяся посередине опочивальни. Покрытая белоснежной периной и разноцветными шелковыми подушками с золотыми кисточками, она покоилась на мраморном постаменте. Четыре золотых столба, поддерживающие балдахин из пурпурного бархата, напоминали болотные деревца, поражающие взор витиеватыми корнями. Со стороны могло показаться, что пни ногой один из этих столбов, и балдахин похоронит под собой Ее Величество,

но, то было обманом зрения. Герб дома Бланчестеров в виде черного

орла в желтом поле, держащего в лапах черную двухмачтовую галеру, вышитый золотыми нитями на внутренней стороне балдахина, видимо, должен был напоминать Ее Величеству о происхождении и перипетиях, что произошли с ее предками. Над изголовьем кровати торчал эфес двуручного меча, к которому была прикреплена железная корона – точная копия короны короля Аргуса, хранившейся в Белой башне Королевского замка. Представляя собой железный обод с семью длинными зубцами, корона висела с наклоном в сторону высокого, с человеческий рост, витражного окна, находящегося по левую руку от входа. Наполовину закрытое плотными бледно-зелеными шторами с золотой бахромой, окно пропускало солнечные лучи, наполняющие опочивальню причудливым, наполненным красками радуги, насыщенным светом. Низенький столик из эбенового дерева, примостившийся у окна, казался еще чернее, от чего он был почти невидим глазу. Стены были украшены богатыми гобеленами с изображением сцен охоты. Фигуры охотников и собак казались выпуклыми, ибо были вышиты серебряной нитью. На полу лежали ковры, в которых ноги утопали по самую щиколотку. Изображения танцовщиц, развлекающих охотников у костра, разбавляли красками унылый вид беломраморного пола, хотя смотрелись в королевских покоях более чем странно. Потолок, напротив, был украшен одной огромной фреской, на которой была изображена королева Ада, идущая по Торговой улице Миддланда, усыпанной цветами. На эту улицу указывал Храм Хептосида, на который был устремлен взгляд королевы. Держа в руках ломоть хлеба и оливковую ветвь, она шествовала в золотом одеянии, за которым тянулся длинный шлейф. Многочисленные подданные, встречающиеся на ее пути, ликовали, подбрасывая в воздух головные уборы, а воины сотрясали оружием, будто справляли победу над врагом. Богатые дома, которых было вдоволь на Торговой улице, сияли золотом, от чего могло показаться, что это вовсе не Миддланд, а Град Божий, воспетый в песнях, посвященных подвигам Великих королей. Последним штрихом к опочивальне была стена за кроватью Ее Величества, украшенная изразцами, которыми обыкновенно украшают стены Божьих домов. Небольшой, восемь на двенадцать футов кусок стены с первого взгляда сбивал с толку. Если смотреть на него с порога опочивальни, то перед глазами вставала картина с множеством незамысловатых узоров, суть которых была неподвластна разуму. Если присмотреться,

то улавливались очертания человеческих фигур, а при ближайшем рассмотрении взору представал король Аргус, сходящий с галеры на берег в сопровождении дюжины воинов. То была картина, посвященная высадке короля Аргуса у Драконьего мыса, положившей начало Срединному королевству.

– Негодная девчонка! – крикнула с кровати королева Ада, заведя Клодию на пороге. – Опять спишь? Вот возьму и отдам тебя псарям, глядишь, может, и поймешь, почему фунт масла!

Королева Ада имела такую привычку, как пребывать в дурном расположении духа, ибо по любому поводу выказывала недовольство. То погода плакучая, от которой впадала в смертную тоску и металась по опочивальне, точно косуля, загнанная охотниками в западню. То взгляд, в котором не видела восхищения, ибо считала себя красавицей и утонченной леди, как и подобает королеве из дома Бланчестеров. То сущая безделица, как-то сломанный зубец у Ее Величества гребешка, как называли золотой гребешок – подарок ее супруга, и ныне покойного короля Вилфрида. Были и другие, куда более важные причины, по которым королева впадала в дурное расположение духа. И, первым в их ряду стояло пророчество о Западной звезде, вторая часть которого гласила, что со смертью королевы, убиенной рукой сына своего, падет и дом Бланчестеров. И хоть в пророчестве имя королевы Ады не упоминалось, она в него

верила всей душой.

– На то ваша воля, Ваше Величество, – сказала Клодия отстраненным голосом, присев в реверансе.

За год работы в служанках королевы, она прекрасно усвоила, как надо себя вести, когда королева исходит гневом: не перечить, соглашаться со всем и выказывать всем видом, что ты дура душой и кругом виноватая, если даже и не так.

– Дура, думай, что говоришь! Я хоть и королева, но, не настолько дурна, как Мантойя, запомни это.

– Простите, Ваше Величество, я ответила, не подумав... и в королевстве, и за морями все знают о вашем безграничном милосердии.

– Красиво поешь, – ухмыльнулась королева. – Но, что, правда, то, правда, к тебе я милосердна, как, ни к кому другому, помни и цени это.

– Ваше Величество, я никогда не забуду того, что вы сделали для меня и моего брата, а если забуду, то пусть меня Боги покарают!

Все, что сказала королева, было сущей правдой. Потеряв отца, Клодия с братом попала в дом дяди Арлена, чье семейство обладало дурной репутацией. Возложив на племянницу всю тяжесть работы по дому – и стирку, и мытье полов и колку дров – тетка носилась вокруг нее, словно наседка, тыкая носом то в одно, то в другое. Ворча по поводу и без повода, она подначивала и своих сыновей, сущих выродков, каких в роду Клодии никогда не водилось. Плевки, пинки и подножки были обычным явлением, и, столь же безобидным, если сравнивать с ушагом помоев и дерьмом в обуви. Что до дяди Арлена, промышлявшего охотой, то и он со временем стал выказывать недовольство в духе, что «они с братом – дармоеды, коих только свет видел, и не далек тот день, когда их семья по их вине пойдет по миру». В конце концов, их переселили на задворки дома, в старый, продуваемый всеми ветрами, сарай.

Но, как говорится, всему есть начало, и всему есть конец. Вот и в жизни Клодии и ее брата произошли изменения, когда спустя год в дом дяди явилась нежданная гостья. Совершая объезд южных окраин Миддланда, королева Ада попала под ливень. Дом дяди Арлена, находившийся в поле, оказался кстати. Получив еду и кров, королева поблагодарила хозяина по-королевски, вручив тому десять фунтов золотом и пообещав протекцию его сыновьям, если те надумают перебраться в столицу. Не обошла она вниманием и Клодию, похвалив ее за услужливость и хозяйственность. Но, не тем она приглянулась королеве, смотревшей на нее, будто в собственное отражение.

Стройная рыжеволосая крестьянка с длинной косой, доходившей до ягодиц, имела высокий лоб, миндалевидные серо-зеленые глаза, прямой, тонкий нос, вздернутый кверху, чувствительный рот и маленький подбородок с ямочкой. На ее губах играла улыбка, такая чистая и искренняя, как чисты и искренни помыслы у матери, опекающей собственное дитя. Когда-то и королева была такой, отличаясь разве что большими глазами цвета неба, выдающимися скулами и косой до пят, от которой давно и след простыл.

На вопрос – «Почему дядя держит племянников в сарае, имея много места в доме?» – королева вразумительный ответ не получила. Решив, что рыжеволосая красавица не заслуживает такой участи, она заявила: «Отныне Клодия ее служанка, а ее братцу быть пажом при маршале».

– Дура! Оставь Богов в покое, им ни до тебя, ни до меня нет дела. Скажи-ка лучше, почему Калум и Гэвин еще не воротились?

– С тех самых пор, Ваше Величество, как я отдала им вашего...

Не договорив, Клодия запнулась и покраснела, точно рак, пребывающий в горящем котле.

– Ну-ну, договаривай, здесь все свои.

– Я хотела сказать, Ваше Величество, как отдала вашего ребенка, так более их и не видела! – выдохнула Клодия.

– Странно, они должны были уже воротиться.

– Смею предположить, Ваше Величество, что они явятся к полудню.

– Да нет, Клодия... здесь что-то неладное. Если не явятся с третьими петухами, пошли в Храм братьев Савьер, пускай проверят, что к чему. Если они и туда не заявлялись, то передай всем – плачу за каждого из них по десять фунтов, все поняла?

– Да, Ваше Величество, – ответила Клодия, опустившись в реверансе, после чего бросилась выполнять приказ.

«О, Боги, как же она похожа на меня», – подумала королева, проводив служанку взглядом.

КАЛУМ

Три месяца тому назад, когда Калум Круил отправил в мир Богов одного бродячего актера, он и в мыслях не помышлял, что может оказаться на его месте. Весьма способный малый, актер долгое время был неуловим, пока на его след не напал Калум. Перед смертью актер возмутился, услышав равнодушие в его словах: «Привет от королевы». Остановив руку убийцы, он сказал: «Равнодушие – худший враг актера!» Отставив кинжал, Калум спросил: «За что тот не угодил Ее Величеству?» Актер отвечал: «За что не угодил, он про то не ведает, знает только, что его судьба – бичевать лицемерие». Не ответив ничего, Калум пожал плечами и вонзил кинжал в сердце актера. И вот, спустя три месяца, получив приказ отнести сына королевы в Храм Хептосида, в его душе взошли семена сомнений – а правильным ли он идет путем? Разделавшись с Гэвином, Калум поспешил с младенцем на юг, намереваясь как можно быстрее покинуть пределы Миддланда. Он знал, что его ожидает, останься он в столице хоть на день – не сегодня, так завтра его нашли бы, а перед смертью он слышал бы то, что сам не раз говорил своим жертвам. Был только один выход – бежать, и бежать как можно дальше.

– Ну, и чего молчим? – спросил Калум, посмотрев на младенца, всю дорогу не издавшего ни звука, будто выказывая характер Бланчестеров. Взирая на спасителя черными глазками, младенец

улыбался, нет-нет, да и протягивая к нему бледные ручонки.

Ухмыльнувшись, Калум огляделся, а за приметив в конце улицы бордель «Две стрелы», нахлобучил капюшон на голову и уверенным шагом направился в его сторону.

– Еще одного нелегкая принесла, – проворчала госпожа Делиз, заведя на пороге раннего посетителя.

Сидя у окна, она имела недовольный вид, ибо этой ночью репутации ее заведения был нанесен огромный урон. Вся округа гудела, словно пчелиный рой, обсуждая две вести – как шлюха при соитии с клиентом разродилась ребенком, и как хозяйка борделя выбросила его на улицу, точно какого-то котенка. Просидев остаток ночи возле окна, она встречала каждого с неодобрением во взгляде, видя в нем человека, пришедшего почесать языком.

– Эля, похлебки, коня и провизии на три дня, – сухо бросил Калум.

Надув и без того пухлые щеки, хозяйка скривила рот в презрительной ухмылке.

– А девочек господин не желает? – поинтересовалась она.

– Нет, не желаю.

Пройдя к ближайшему столу, Калум по-хозяйски расположился на скамье, положив рядом младенца.

– Может, господин, желает мальчиков?

– Сдается мне, хозяйка, у тебя мозги жиром заплыли, мне что, еще повторить?

Прямолинейный, как стрела, разящая противника на повал, он зачастую говорил то, что думал, даже, если это могло навлечь на его голову несчастье.

– А ты, милоч, повтори, читай, язык-то не отвалится.

Зная крутой нрав хозяйки, шлюхи и те немногие клиенты, пребывающие в борделе в столь раннее время, приутихли в предвкушении скандала. В воздухе повисла звенящая тишина. Мухи, заполнявшие воздух назойливым жужжанием, и те смолкли, точно ожидая, чем все закончится. Однако тишина продлилась недолго, ибо

вскоре за дверью послышался шум и в бордель ворвался Силас.

– Хозяйка! – крикнул Силас, качаясь из стороны в стороны. – Дай эля, мой рот сух, как пустыня Хирама!

– Что, опять набрался? – спросила госпожа Делиз. – Смотри, Силас, терпение у меня не безграничное.

– Хозяйка, опять ты за свое!?

– Проходи уже, поди не калека, сам о себе позаботишься!

– Премного благодарен, миледи, – съязвил Силас, отвесив глубокий поклон.

Оглядев присутствующих мутным взглядом, он шагнул в сторону бочки, остановился и посмотрел на хозяйку взглядом, полным вопросов.

– Чего уставился?

– Чего так тихо, аж мух не слышно?

– Да вот, – сказала госпожа Делиз, кивнув в сторону Калума. – Господин хороший не хочет ни девочек, ни мальчиков. Подавай ему, говорит, эля, похлебки, коня и провизии на три дня. У меня что, бордель или какая-то забегаловка!?

– А ты-таки не глухая, посмотрю я, – вставил Калум слово.

– Ты, милоч, вот что, забирай-ка своего ублюдка и убирайся вон, пока руки и ноги целы.

Насупившись, она поднялась и сделала шаг, будто подтверждая серьезность своих намерений.

– Пыхти не пыхти, а я без своего не уйду.

– Уйдешь, уйдешь собака! – закричала госпожа Делиз и топнула ногой, от чего пол ото-звался жалобным скрипом.

Опустив голову, она замерла при виде прогнувшейся половицы. Левый глаз у нее задергался, а лицо стало белым-белым, как простыня.

– Хозяйка, ты бы не серчала... а то того самого, – сказал Силас дрогнувшим голосом.

Посмотрев под ноги хозяйке, он подошел к ней, совершенно позабыв про эль, и протянул руку.

– Пошел прочь, пьяница, – зашипела госпожа Делиз, наградив поверенного злобным взглядом.

– Хозяйка, я...

Не договорив, Силас получил оплеуху, а затем на его рубаше затрещали швы: схватив поверенного за грудки, госпожа Делиз трянула его так, будто хотела вытряхнуть из него душу. Дернувшись в одну сторону, в другую, Силас резким рывком сумел высвободиться и отступить назад, но тут, на его несчастье, он поскользнулся и упал навзничь.

– Так я получу то, что хочу? – спросил Калум, чей вопрос только подлил масло в огонь.

– Прочь, прочь, прочь собака! – завизжала вне себя госпожа Делиз, сжав кулаки и затопав на месте так, словно пыталась передавить тараканов, снующих под ногами.

Ее лицо, прежде смертельно-бледное, покрылось багровым цветом, а глаза бешено завертелись в глазных орбитах.

– Хозяйка..., – промямлил Силас, но не договорил, ибо ужасный треск наполнил стены борделя.

Провалившись в пол по самую грудь, госпожа Делиз протягивала руки к Силасу и беззвучно шевелила губами. Шлюхи и клиенты, все как один, повскакали со своих мест, взирая на происходящее, кто с любопытством, а кто и с беспокойством.

– Я тебя не слышу, хозяйка...

– Ру... ру...

– Что?

– Ру... руку дай, – прохрипела госпожа Делиз, все больше и больше сползая в черный провал подвала.

Она ощущала в себе некую смесь жара и холода, от которой ей было не по себе. Ее нутро, охваченное огнем, выворачивалось наружу, а конечности – от пальцев рук и ног до кончика носа –

холодели, покрываясь, как ей казалось, изморозью.

– Хозяйка, я...

Преклонив колени, Силас нагнулся и протянул хозяйке руку, все дальше и дальше поддаваясь вперед, ибо та продолжала погружаться в провал.

– Спасешь меня, отпишу тебе бордель, – прошептала госпожа Делиз с мольбой в голосе.

Поддавшись вперед, Силас схватил хозяйку за руки и попытался вытянуть ее на себя. Правда, как он не старался, у него ничего не выходило: огромная туша хозяйки продолжала сползать в провал, утягивая за собой Силаса.

– Хозяйка, я не могу...

– Можешь...

– Нет, не могу, прости...

Натянув на лицо маску сострадания, Силас разжал пальцы и поддался назад, как узрел в глазах хозяйки зловещий огонек.

– Если мне суждено сдохнуть, – процедила госпожа Делиз. – То и тебе не жить.

Ослабившись, она сделала рывок и схватила поверенного за грудки, а через мгновение другое пол под ними нещадно застонало, грозясь обвалиться в любой миг.

– Сука! Сука! Отстань, сука! – заверещал Силас, пытаясь освободиться.

Исцарапав руки хозяйки в кровь, он, однако, ничего этим не добился. Не помогли и две оплеухи, которые он отвесил хозяйке, ибо она не повела и бровью. Поняв, что все бесполезно, Силас изменил тактику, пытаясь ухватиться за неровные края половиц, ходивших под их телами ходуном. Ломая ногти и изливаясь слезами от боли, он боролся с хозяйкой из последних сил, но, та была неумолима, утягивая его за собой.

На его счастье борьба продлилась недолго, ибо вскоре хозяйка ослабила хватку, а затем разжала пальцы и с выражением обреченности на лице соскользнула в подвал. Пролетев пятнадцать футов, она грохнулась на грязный пол подвала и подняла столб пыли. Когда пыль рассеялась, то взглядам шлюх и клиентов, обступивших провал, предстало жалкое зрелище: раскинув руки и ноги, госпожа Делиз лежала посреди ящиков и сундуков, в луже крови, покрытой серым налетом. Ее тело подрагивало, подобно куску китового сала, подаваемого на тарелках в тавернах Вестхарбора. Копна черных волос, прежде собранных на макушке головы, закрывала половину лица, искаженного гримасой ужаса. Платье из черного атласа было изодрано в клочья, особенно в его нижней части, открывая чужим взорам нижнее белье хозяйки борделя.

– Чтoб тебя демоны задрали! – выругался лысый мужчина, бывший одним из завсегдатаев борделя. – Я полагал, что она подойдет иначе.

– И я так думал, – согласился с ним толстяк, на лице которого играла добродушная улыбка. – Толстуха провела всех вокруг пальца.

Оглядев толстяка с головы до ног, лысый усмехнулся и пошел прочь. Поторопились к выходу и прочие клиенты, спеша разнести весть о смерти хозяйки борделя. Чтo до шлюх, то они пребывали в смятении, не зная, что им предпринять. Разойдясь, кто куда, они оставили Силаса наедине с хозяйкой. Посматривая то на хозяйку, то на капли крови, срывающиеся в подвал с острых краев половиц, он пребывал в не меньшем смятении, чем шлюхи.

– Эй, как там тебя!? – крикнул Калум.

– Я? – отозвался Силас.

Обернувшись, он тыкнул себя пальцем в грудь.

– Да-да, ты!

– Да, господин.

Силас поднялся с колен, и направился к клиенту неуверенной походкой.

– Скажи мне, есть ли в этой дыре хороший конь?

Заслышав про коней, Силас изменился в лице, почуяв запах наживы, но, через мгновение другое сконфузился, оглядев клиента критичным взглядом.

– Есть, господин, но не про вашу честь.

– Это еще почему?

– Боюсь, господин, он вам не по карману.

– Сколько?

– Пять фунтов, господин.

– Если так, то твой конь должен быть не хуже хирамского скакуна.

– Так и есть, господин, – засиял Силас. – Быстрый, как южный ветер, и надежный, как меч гвардейца Ее Величества!

– Ты бывал в Хираме?

– Нет, господин, но в хирамских скакунах знаю толк!

– Хорошо, если так. Ну, давай, показывай своего коня!

Поднявшись из-за стола, Калум взял королевское дитя и направился к выходу, не дожидаясь ответа Силаса. Тот же, не ожидавший такой прыти от клиента, метнулся за ним.

– Прошу, господин, – сказал Силас, поспешно открывая замок в конюшню.

Скрипнув, дверь плавно отворилась и, глазам посетителей предстали стойла дюжины лошадей, из которых особенно выделялся денник с вороным конем. Скрытый по грудь, он лихо отбивал копытом и мотал головой, поглядывая на посетителей то одним глазом, то другим, будто изучал их.

– Это он? – спросил Калум.

– Он, да вот только..., – ответил было Силас, как слова застыли в его глотке.

Невзирая на кажущееся недружелюбие коня, Калум уверенно шагнул в денник и протянул руку. Конь же, встряхнув гривой, поддался вперед и прикоснулся мордой к руке незнакомца.

– О, Боги, не верю глазам!

– Это почему?

– Этот конь сродни веprю, не поддающемуся дрессировке!

– Так сколько ты за него хочешь? – спросил Калум, погладив коня по гриве.

– За то чудо, что я узрел, господин, возьму четыре с половиной фунта!

Ухмыльнувшись, Калум отнял руку от гривы и выудил из кармана куртки кошель с монетами.

– Держи свои пять фунтов, – сказал он и бросил кошель Силасу. – Мне еще нужна провизия на три дня.

– Здесь будет поболее, господин, – заметил Силас, подбросив мешочек в воздух.

– Верно... хороший конь стоит больше пяти фунтов.

– Благодарствую, господин.

Оседлав коня, Силас помог Калуму с младенцем взобраться на него, а затем вывел наружу и скоро воротился с мешком провизии.

– В добрый путь, господин, – сказал он, сияя от счастья.

– И тебе счастливо оставаться, – отозвался Калум.

Проскочив рысью мимо путевого столба, он уголком глаза заприметил пегую лошадь и двух женщин, наглухо закутанных в серые шерстяные одежды. Говоря на повышенных тонах, они, тем не менее, на крик не переходили. Одна из них настаивала на отъезде из Миддланда, другая же хотела остаться в городе. Тем временем, Силас, проводив взглядом счастливого обладателя лучшего коня госпожи Делиз, подбросил мешочек с монетами и направился в бордель.

– Господин Силас, – обратилась к нему с порога колченогая шлюха. – А как же мы теперь, без хозяйки-то, а?

– Для начала, Сельма, надо бы прибраться, – ответил Силас. – Призови плотника, да принеси из конюшни досок, да по толще.

– А как быть с госпожой Делиз?

– Дура, тебе дважды повторять!? Неси доски, и чтоб к обеду дом был убран!

Произнося каждое слово, Силас вслушивался в него, как порой вслушиваются в пение сладкоголосой птицы. В отсутствие преемников госпожи Делиз, он, как поверенный в делах, по закону становился хозяином борделя, о чем никогда и не мечтал. Единственное, что омрачало его радость, так это госпожа Делиз. Как не силился, он не мог уразуметь, как вытащить хозяйку из подвала и предать ее останки земле.

– Вот же сука, и с того света не дает покоя, – процедил Силас, по лицу которого пробежала тень недовольства, но, то было лишь мгновением.

Взъерошив волосы, он набрал в легкие воздух, полный пьянящего аромата сада госпожи Делиз, и шагнул в бордель, окрыленный нежданно упавшим на его голову наследством.

ТАЛБОТ

– Отец, ты снова не спал? – спросил Уизли, появившись на крыльце невзрачного, покосившегося дома.

Стройный, кареглазый, с правильными чертами лица и с густой копной выющихся черных волос, он мог сойти за красавца, если бы не уродство на его лице. Держа в руках дорожный мешок и шляпу с высокой тульей и плоскими полями, он смотрел на отца улыбающимся взглядом.

– Да вот, бессонница совсем заела, – ответил Талбот, чье лицо расплылось в натужной улыбке.

В этом сдержанном молчаливом старике, никогда никому не перечившим, ощущалась сила, не та, что проявляется в поединке или на поле брани, а та, что приходит с годами, когда человек с упорством осла преодолевает все невзгоды, посылаемые судьбой. Чтобы в его жизни не случилось, Клиф Талбот принимал это как должное, искренне полагая, что на то воля Богов. Правда, порой в его душу закрадывались сомнения. Вот и сейчас, просидев всю ночь на крыльце, он вспоминал былое и настоящее, ища ответ на вопрос – почему этой ночью они, те, что взирают с небес на грешную землю, не пришли ему на помощь. Будто подтверждение тому глубокая морщина, залегшая посреди лба, и рассеянный взгляд бледно-синих глаз.

– В последние дни, отец, ты сам не свой.

– Когда кости ноют, да бессонница мучает, всяк будет не в себе. А ты, я погляжу, уже собрался?

– Чем раньше выйду, тем быстрее доберусь до рынка.

Имея небольшое хозяйство из двух дюжин свиней, Талбот каждый божий день отправлял сына на свиной рынок. Удачные дни чередовались с неудачными, когда не удавалось продать ни одной свиньи. Впрочем, это его не сильно удручало.

– Правильно, сынок, – улыбнулся старик. – Удача в кармане у того, кто встает рано поутру.

– Одной удачей сыт не будешь, – горько усмехнулся Уизли, чем поверг отца в уныние.

Талбот, как ни старался, выше головы не мог прыгнуть, дабы обеспечить сыну достойное будущее, хотя сам Уизли придерживался

иного мнения. Добрый от природы, Клиф Талбот приходил на помощь всякому, кто нуждался в ней. Если кто просил милостыню, он никогда в этом не отказывал. Если надо было дать займы, он давал, ничего не требуя в залог. Если надо было помочь соседу по хозяйству, он помогал, порой забывая про собственные дела. Человек широкой души, он был ценим всеми, получая взамен доброе слово. Уизли столь благостные поступки отца были непонятны, и потому он каждый раз замечал, что «спасибо – это не товар, который можно продать», и что «на его спине выезжает всякий, кому не лень». Продолжая в том же духе, он сетовал, что «жизнь у них трудная, что хозяйство надо поднимать, дабы жить, как люди». Талбот на это только пожимал плечами, не имея в себе ни сил, ни желания изменяться в сторону, куда указывал Уизли.

– Сынок, видно у меня на роду написано, слушать ветер в штанах, – проговорил Талбот, не отрывая взгляда от клубка из мусора,

переваливающегося на ветру с боку на бок.

– Это не ветер, отец, это глупость, тратить жизнь на дураков и попрошаек.

Подняв голову, Талбот посмотрел на сына долгим взглядом, поняв, что тот давно уже повзрослел. Он всем нутром ощущал, что пока он жив, его Уизли так и останется изгоем: ни лишних средств, ни красивого платья, ни женщины у него не было и не могло быть, ибо они

еле-еле сводили концы с концами. Продать свинью за три шиллинга было большой удачей, ибо они, пусть ненадолго, но могли забыть про кусок ржаного хлеба, кувшин воды и пару мисок чечевицы, и позволить себе фунт сыра, пинту эля и два десятка куриных яиц.

– Может ты и прав, сын...

– Прости отец, если не то сказал, а вот поспать все же надобно.

Улыбнувшись, он натянул шляпу на голову, сошел с крыльца и бодрым шагом направился к свинарнику. Закинув мешок в телегу, он запряг в нее пегую клячу и загрузил в телегу с пяток свиней, а после направился к воротам.

– Чернушку то же берешь? – спросил Талбот, завидев, как Уизли забросил в телегу свинью с перебитым ухом и черным окрасом на спине.

– Да, отец, – ответил Уизли, вскочив в телегу. – Может на этот раз удача улыбнется.

Взмахнув рукой, он огрел клячу кнутом, и, встряхнув гривой, та дернулась с места и поплелась в сторону Южных ворот.

– Уизли! – крикнул Талбот, поднявшись на ноги. – Будь осторожен...

Кивнув, Уизли снова прошелся кнутом по крупу клячи и скоро исчез из виду.

Проводив сына, Талбот тяжело вздохнул, ибо ему было о чем беспокоиться. Насмешки и ругательства в сторону Уизли не проходили зря. Красный, как рак, сваренный в котле, он прибежал домой и крушил все, что попадалось под руку. Не смея перечить сыну, он убегал из дома и находил убежище у соседей, стуча к ним в дверь, словно нетерпеливый путник, застигнутый в дороге бурей. Пересидев у соседей, Талбот возвращался домой и первым делом прибирался, а затем брался за приготовление похлебки. Суется по дому, он то и дело бросал на сына взгляды, полные жалости. За то, что мерзкая крыса откусила ему нос, старик винил себя. Винил он себя и в смерти невесты, с которой был помолвлен на заре своей молодости.

Одним летом королевство охватила эпидемия чумы, унесшая тысячи жизней. На краю жизни и смерти оказалась и его невеста, для спасения которой нужна была целебная горная трава, произрастающая на южном берегу Рогатого залива. Согласно поверью, горная трава произросла из крови Богов, пролитой ими тысячу лет назад в битве с Князем Тьмы. Путь был не близким, полдня ходу. Отправившись за травой с первыми лучами солнца, Талбот все дальше и дальше уходил от дома, полагая, что собранной травы недостаточно для исцеления невесты. Когда же воротился домой, то к своему несчастью обнаружил, что невеста умерла за час до его прихода. Проводив ее в последний путь, Талбот зарекся, что никогда не женится и не будет иметь семьи, дабы снова не пережить боль утраты. В тот день, когда он спас Уизли, он нарушил свое слово.

– Эх, воротить бы время вспять.

Вздохнув, Талбот развернулся и исчез в темном дверном проеме, последовав совету сына.

УИЗЛИ

День был в самом разгаре, когда Уизли добрался до Улицы глухарей, одной из самых мрачных улиц Миддланда. Южные ворота, видневшиеся в конце улицы, казались маленькими на фоне трехэтажных домов. Серые и унылые, они походили на суровых воинов в длинных походных плащах, стоящих друг против друга в полном безмолвии. Массивные ставни на окнах первых этажей, дотянуться до которых не было никакой возможности, будто говорили о нелюдимости местных обитателей. Окна верхних этажей, напротив, местами как будто были открыты миру, но, плотные шторы убивали это первое впечатление напрочь. Народ, снующий по улице взад-вперед, и тот был не способен разогнать уныние, которым дышала Улица глухарей. Другой особенностью улицы были заторы, случавшиеся как в утренние, так и в вечерние часы, ибо она была единственной из трех улиц, сходящихся у Южных ворот со стороны Задницы мира, по которой могли продвигаться огромные толпы народу. Две другие улицы, примыкающие к воротам с запада и востока, в силу узости и захламленности мусором были непригодны для тех, кто спешил на рынки в верхнюю часть города. Местные острословы, зная про заторы, шутили, что «к Южным воротам без мешка никак, ибо не всем суждено держать в себе терпение». Уизли был не из их числа, ибо любил вылазки на рынок и потому никогда не выказывал недовольства заторами. Замкнутый и немногословный, он ценил молчание не меньше звона монет, пускаясь в разговоры разве что с отцом, да с клиентами на рынке. Вот и сейчас, преодолев весь путь от дома до ворот в молчании, он испытывал радость, впрочем, его радость была преждевременной.

– Милый человек, подай на пропитание, – раздался монотонный голос, от которого Уизли вздрогнул, чуть было, не выпустив из рук вожжи.

Повернув голову, он узрел в двух шагах от себя весьма упитанного мужчину. Держась руками за телегу, он шел рядом, взирая на него масляным взглядом, каким обычно смотрят развратники и выпивохи, готовые за глоток эля расцеловать любого до смерти. Куртка из овчины, сине-красные чулки, туфли из синего бархата, разноцветный берет с меховой оторочкой и клок рыжих волос, на модный манер торчащий из-под берета вкупе с соломинкой в уголке рта говорили о том, что сей человек не испытывает нужды.

– У меня ничего нет, – отозвался Уизли, посмотрев по сторонам, словно устыдившись собственных слов.

– Совсем-совсем ничего? – переспросил попрошайка, глянув на свиней в телеге.

– Я что, на другом языке говорю!? – вспылil Уизли, ощутив в нутре легкое шевеление.

– Не знаю, господин. Знаю только, что у хорошего господина для бедного человека всегда найдется лишняя монетка.

– Может и найдется, но не про тебя, побирушка!

– Хотя я и побирушка, господин, – ухмыльнулся попрошайка. – Но, хвала Богам, лицом не обижен!

При этих словах Уизли ощутил, как в его нутре поднимается волна гнева, которая вот-вот затопит его и вырвется наружу. Побагровев от злости, он открыл рот, дабы ответить обидчику, но в последний миг передумал. Десятки любопытных глаз смотрели на то, чем все закончиться. Были и такие, что хихикали и перешептывались, показывая на его уродство. Сжав челюсти, Уизли пошарил в кармане

штанин и выудил пару пенсов.

– Держи, – сказал он и бросил монеты попрошайке, да так неловко, что те пролетели мимо его рук и упали на мостовую.

– Ух, чтоб тебя!

Лицо попрошайки исказилось от злости. Подобрав монеты, он вычистил их рукавом куртки и удалился прочь, потеряв к Уизли всякий интерес. Что до остальных, то и они потеряли интерес, продолжив движение в одном с Уизли направлении.

Преодолев Улицу глухарей, Уизли въехал на мост и оказался в плену кутерьмы, в которой сливались сотни голосов, издаваемых людьми и животными. Люди разных сословий и состояний шли в двух разных направлениях, следуя не писаному правилу правой руки. В этой кутерьме мог затеряться всякий, кто впервые оказывался у Южных ворот, но, только не дети саламандры. Впрочем, и чужаки быстро схватывали, что к чему, если не желали оказаться в крепостном рве.

Пройдя ворота, Уизли свернул телегу на Торговую улицу и покатил в северо-западном направлении в сторону Храма Хептосида и суконного рынка, за которым и находился свиной рынок. Добравшись до рынка, Уизли натянул на нижнюю часть лица черный платок, дабы скрыть уродство, уплатил на входе налог в один пенс и проследовал к небольшому загону, принадлежащего его отцу. Небольшой, пять на восемь футов, загон мало чем отличался от большинства подобных себе загонов. Разгрузившись, он пнул по покосившейся жердевой изгороди и глянул на соседние загоны, большая часть которых еще пустовала.

– Подходи, налетай! – огласил он свое пришествие на рынок. –

Самые лучшие свиньи, коих вы не встретите ни в одном уголке королевства! Подходи, налетай!

– Что, прям-таки и самые лучшие? – спросил желтолицый старик, на лице которого играла улыбка.

Находясь в трех шагах от загона, он скользил взглядом по свиньям, чей вид оставлял желать лучшего: грязные, исхудалые, будто их не кормили несколько дней кряду, они разительно отличались от прочих свиней, что были по соседству. Особливо из них выделялась та, что с перебитым ухом и черным окрасом на спине: маленькая, неказистая, она ничего кроме как смеха, не вызывала. Впрочем, старик и сам был далеко не в лучшем состоянии, ибо желтизна на его лице вкупе с впалыми щеками и блеклыми, непонятно какого цвета редкими волосами свидетельствовали о некоей болезни, источавшей его тело изнутри.

– Да, господин, – ответил Уизли. – Что ни на есть самые лучшие!

– О, Боги, да он не в себе! – возмутился здоровяк, за спиной

которого стоял мальчик с зонтиком из прозрачной ткани, на которой был изображен горный пейзаж.

Мясистое, обветренное лицо мужчины, на котором особняком выделялся нос, резко контрастировало с изнуренным лицом мальчишки, вытягивающегося в струнку, дабы закрыть хозяина от нещадно палящих лучей солнца. Пот, градом катившийся с его лба, казался продолжением водопада, низвергающегося с зонтика.

– Человек дело говорит, – сказал старик, скосив глаза на незнакомца. – Даю за две пары свиней восемь шиллингов, по рукам?

Не дожидаясь ответа, он засунул руку в кошель, висевший на его правом боку, и выудил восемь шиллингов.

– Да ты, старик, в своем уме!? – возмутился Уизли. – Моим свиньям цена не меньше дюжины шиллингов!

– Это от чего же?

– От того, старик, что они вскормлены на лучшем ячмене!

– Ох, сынок, и далеко же ты забрался.

– Куда забрался?

– Ну, как же, вот ты говоришь, что свиньи твои вскормлены на лучшем ячмене, стало быть, ты из Соутланда? А может, того, из самого Хирама?

– Нет, старик, я из здешних мест.

– Тогда все ясно, почему твои свиньи столь ужасны, – сказал старик и закинул пару шиллингов обратно в кошель.

– При чем здесь мои свиньи?

– В благословленном Миддлланде, сынок, нет того, о чем ты говоришь, уж ты мне поверь на слово, – сказал старик и протянул Уизли шесть шиллингов.

– О, Боги, а не пошел бы ты куда подальше со своим словом!?

Сжимая кулаки, Уизли еле сдерживался, чтобы не стереть улыбку с лица старика. Но, эта неловкая ситуация продлилась недолго.

– Бери, дурак, – вмешался здоровяк. – Пока дают хорошую цену.

– Сам дурак! – огрызнулся Уизли. – Лучше убирайтесь, не то...

Не договорив, он тут же был оглушен ударом кулака и упал навзничь.

– Я тебе покажу дурака, – пробурчал здоровяк, погрозив кулаком, после чего сплюнул и удалился прочь. Мальчик с зонтиком, хмыкнув, посеменял вслед за хозяином.

– Ну, так как, берешь или нет? – спросил старик, чей голос выдернул Уизли из оцепенения.

– Нет, – ответил Уизли, держась за челюсть.

– Тебе, дурак, не на рынке торговать, а самое место в поле. Там таких дураков пруд-пруд, – проговорил старик с плохо скрываемым разочарованием в голосе.

Забросив монеты в кошель, ему ничего не оставалось делать, как ретироваться.

– Собаки, – процедил Уизли, сдернув платок с лица.

Выплюнув пару зубов, он поднялся и принялся отхаркиваться кровью, то и дело, вытирая рот платком.

– Смотри, смотри! – вскричала женщина с пресным лицом. – О, Боги, какой уродец!

Находясь в двух шагах от загона, она стояла и тыкала пышнотелой старухе пальцем на Уизли. Облаченные во все черное, они походили на двух ворон, готовых наброситься на жертву.

– Ох, – выдохнула старуха, покачав головой. – Урод уродом, которого и свет не видывал!

– Не иначе, чумной...

– Стража, стража! – завопила старуха, на чей крик в мгновение ока сбежалась толпа зевак.

Прошло сорок зим, как королевство пережило последнюю чуму, а память о ней еще была свежа. Поразив южное побережье Соутланда, чума накрыла королевство в течение месяца, унося каждый божий день тысячи жизней. Как и в прежние времена с чумой боролись огнем, предавая ему всякого, в ком подозревали чумного. Первыми, кто попадал на костер, становились бродяги с гниющей плотью.

– Эй, чего орешь, как резаная свинья!? – крикнул толстяк, появившийся за спинами женщин. – Никакой он не чумной, это Уизли, сын старика Талбота, доброй души человека!

Озабоченность, читающаяся на лице Весельчака Урмана, друга Клифа Талбота, была сродни туче посреди ясного неба.

– И что с того? – спросила старуха, одарив незнакомца колючим взглядом. – Может и ты чумной?

– Я... ты что, с ума сошла? – опешил толстяк, поймав злобные взгляды. Покраснев, он отступил назад и растворился в толпе.

– Ну, чего стоите!? – буркнула старуха. – Хватайте чумного!

Надвинувшись на Уизли, зеваки протянули к нему руки, как тот метнулся к соседнему прилавку и схватил с него тяжелый мясницкий нож.

– Убью, только..., – процедил Уизли, выбросив руку в сторону, но, не договорил, ощутив, как его рука уперлась во что-то твердое.

– О, Боги, – прошептал тощий юноша в красном одеянии, оказавшись на пути ножа.

Уронив взгляд на пробитую грудину, он побледнел и стал заваливаться в сторону. Оцепенение, охватившее Уизли и толпу, длилось совсем немного, каких-то пару мгновений.

– Держи-держи убийцу! – возопила старуха, вперив в Уизли длинный крючковатый палец.

Покраснев до кончиков ушей, Уизли выдернул нож из груди юноши и бросился наутек, потеряв по пути шляпу. Ветер, сквозивший в ушах Уизли, напоминал ему ветер на южном берегу Рогатого залива, куда его однажды отвел отец. Тогда ему было лет семь-восемь, когда отец взял его за руку и сказал: «Сегодня мы посетим одно место, из-за которого я потерял жизнь, а с тобой ее снова обрел». После этих слов

Клиф Талбот взял мешок с теплой одеждой, открыл дверь и сказал ему: «Не отставай, сынок». Лай собак, доносившийся с крестьянских дворов, и крики чаек, паривших над их головами, сопровождали их на всем протяжении пути. Изредка им встречались случайные путники, бросавшие на них настороженные взгляды и тут же опускавшие их в землю, дабы не споткнуться.

Пробыв в пути весь день, они добрались до места только к полуночи. Первое, что Уизли узрел перед собой, так это темно-оранжевую линию горизонта, соединяющую небо и Западное море²⁷. Чуть дальше от кромки горизонта цвет неба и моря становился темно-синим, затем густо-синим и, наконец, черным, полностью оказываясь во власти ночи. Не будь звезд, глаз не мог бы различить, где небо, а где море. Таково было волшебство этого места, с которым он познакомился по воле отца. Единственное, что напоминало о присутствии человека, это светильники, зажигаемые в крестьянских домах для заплутавших путников, да огни Миддланда, походящего в ночные часы на огненную саламандру.

Разложив костер, Уизли с отцом облачились в теплые одежды и заночевали на берегу, обдуваемом со всех сторон западным ветром. Здешний ветер, несший свежесть и прохладу, пробирающую до костей, не был похож на прочие ветра. Северный ветер, приходивший из Нортланда с наступлением ранней осени, пахнул сосной и елью. Южный ветер, пребывающий в постоянном противоборстве с ветром западным, был сухим и знойным, неся жар пустынь Хирама и Соутланда. Восточный ветер и вовсе был ни на что не похож, ибо не нес никаких запахов. Старожилы говорили, что Бескрайнее море столь велико, а восточные страны столь далеки, что восточный ветер теряет запах по пути.

Так, пробежавшись мыслями по прошлому, Уизли преодолел несколько торговых рядов, чередующихся с загонами, и выскочил на Торговую улицу. Остановившись, он обернулся и увидел троих преследователей. Недолго думая, Уизли нырнул в темный переулок, а проскочив его, оказался на узкой улочке, застроенной одно- и двухэтажными домами. Сделав несколько шагов вдоль стены, он нащупал дверцу и растворился в темном подъезде. Затворив дверь, он затаился, вслушиваясь в голоса и крики, доносившиеся откуда-то сверху. Сердце в груди колотило так, словно оно было узником, колотившим без устали в дверь темницы. Прошло совсем немного времени, как мимо кто-то пробежал, за ним второй, после чего шаги стихли. Сердце, до того исходившее барабанной дробью, успокоилось, точно узник, уставший ломиться в дверь. Прождав с некоторое время, Уизли выглянул наружу, осмотрелся и бросился в обратном направлении. Преодолев переулок, он выскочил на Торговую улицу и столкнулся нос к носу с одним из преследователей – толстяком в одеянии ни то актера, ни то вассала, ибо на нем была красно-зеленая куртка наподобие мипарти, прекрасно сочетающаяся с черными чулками, если бы не размазанное лицо. Держась за сердце, преследователь другой рукой опирался на стену, дыша часто

и прерывисто.

– Ты? – выдохнул толстяк, выпучив глаза.

²⁷ Западное море – одно из пяти морей, омывающих Срединное королевство.

Отпрянув от стены, он нагнулся за палкой, лежавшей под его ногами.

– Я, – ответил Уизли.

Схватив толстяка за горло, он толкнул его в переулок и резким движением руки полоснул ножом по шее.

– О, Боги, – прохрипел толстяк, схватившись за шею, из которой фонтаном забила кровь.

Корчась от боли, он заметался между домов, теряя остатки сил. Впрочем, агония продолжилась недолго. Припав на одно колено, затем на другое, толстяк сделал последний вздох и упал ничком в грязную мостовую. Вытерев нож об одежду толстяка, Уизли засунул его за пояс и выглянул наружу. Убедившись, что за ним нет погони, он вышел из укрытия и слился с пестрой толпой.

БРАТЬЯ САВЬЕР

– Брат, – сказал Арьен. – Вот смотрю на тебя, и диву даюсь – брат ты мне или не брат?

Так и не выпавшись, он был зол на весь белый свет, но, особенно на собственного брата. Получив приказ Клодии ступить к Храму Хептосида, тот не издал ни звука, безропотно подчинившись служанке королевы.

– Не ходи вокруг да около, говори, что у тебя на уме, – ответил Анри.

Оттолкнув от себя зазевавшегося прохожего, он посмотрел на Храм, до которого было рукой подать.

– Ты знаешь, что у меня на уме.

– Может и знаю, но если скажешь, мне яснее будет, – хохотнул Анри, отдавив ногу очередному прохожему.

Будь война, огромный и неуклюжий Анри мог отлично сойти за таран – бесцеремонно расталкивая людей, он нагло пер вперед, а там, где было полно народу, работал локтями, как зачастую работал кулаками в тавернах, вышибая мозги любому, кто был ему не по душе.

– Ну-ну, куда уж яснее!

Сплюнув, Арьен отвернулся, словно не желая продолжения разговора, но, то было видимо. Трясущиеся губы, да желваки, ходившие ходуном, выдавали его с головой.

– Ты, братец, вот что, зубами-то не скрепи, говори как есть!

– Ну, если так хочешь...

– Я хочу?! – возмутился Анри, остановившись посреди улицы.

Схватив брата за плечи, он посмотрел в его глаза, будто что-то в них хотел найти. Прохожие, обступая братьев, изрыгали на их головы ругательства, но те и бровью не вели.

– Отпусти!

– Отпущу, когда скажешь, чего ты от меня хочешь.

Наградив брата презрительным взглядом, Арьен попытался высвободиться, дернувшись из стороны в сторону, но у него из этого ничего не вышло.

– Помню времена, – сказал он. – Когда мой брат смеялся в глаза смерти, а теперь что?

– А что теперь?

– А теперь мы на побегушках у королевы и ее служанки.

– Все верно, братец, – ухмыльнулся Анри, опустив руки. – Пока мы на службе Ее Величества, будем делать все, что она не прикажет.

– Вот-вот, пока на службе.

– Что, опять за свое?

– Свободы хочу, и ты ее хочешь, я знаю.

– Дурак. Ты того, эти мысли-то брось, иначе я в миг выбью из тебя эту дурь!

Будто в подтверждение собственных слов, Анри вытащил из-за пояса дубинку, которой опробовал не один десяток голов. Будучи самым здравомыслящим из братьев Савьер, он прекрасно осознавал, чем чревато бегство, уже не говоря о провале приказа Ее Величества. Если его братец частенько заводил разговоры о бегстве, то он только помышлял об этом, ставя на чашу весов свободу, у которой один конец – сточная канава с перерезанным горлом, и выгоду, получаемую ими на службе Ее Величеству.

– Мне твоя дубинка не страшна, – пробормотал Арьен. – Как по мне, так лучше свобода, чем на побегушках у королевы.

– Ты хотел сказать, лучше нож в спину, чем на побегушках у королевы?

– Говори хоть так, хоть эдак, суть от того не изменится. Как закончим с этим делом, я умываю руки... ты со мной, брат?

Положив руку на плечо брата, Арьен пытливым взглядом посмотрел в его глаза, будто хотел поделиться с ним решимостью.

– Поговорим позже, – ответил Анри, оставив братцу надежду на ответ, который тот жаждал от него услышать.

Бросив взгляд на Храм, он скинул с плеча руку Арьена и последовал дальше.

Пройдя два квартала, они свернули с Торговой улицы на Площадь Семи Достойных и оказались перед Храмом Хептосида – сто шестидесятифутовой пирамидой из серого камня. К вершине Храма вела лестница, состоящая из ста пятидесяти двух ступенек высотой в один фут. Через каждые двадцать ступенек лестница прерывалась уступами, украшенных десятифутовыми статуями воинов, прозываемых Семью Достойными. Вооруженные щитами и самым разнообразным оружием – от палицы до мечей и копий – они ничем друг от друга не отличались, разве что вооружением и боевой стойкой.

На щите первой из статуй, стоящей с поднятым над головой мечом, была выдолблена надпись «умеренность». На щитах других статуй красовались надписи «целомудрие», «нестяжание», «усердие», «кротость», «справедливость» и «смирение». Венчала Храм черная плита размерами десять на десять футов, доставленная в Миддланд, как гласила легенда о семи ветрах, по велению Хептосида из родных мест Бланчестеров. Та же легенда гласила, что Храм был возведен королем Аргусом за одну ночь по подобию небесного Храма, приснившегося ему накануне битвы с Князем Тьмы. Сокрушив врага человеческого, Аргус по велению Хептосида заключил его в стены Храма, дабы удовлетворить его чаяния о небесном доме отца своего, что и было сделано с помощью семи небесных воинов, заступивших в вечный дозор.

– О, Боги! – воскликнул Арьен, махнув рукой на Храм. – Ты посмотри, старый пенек еще живой!

У подножия Храма, на бронзовом троне восседал почтенный старец в белом каскадообразном одеянии с пурпурной каймой. То был привратник Храма Хептосида – горбатый, лысый старик с изрезанным глубокими морщинами широким лицом, напоминающим поле, вспаханное пьяным крестьянином. Тяжелые черты лица не вязались с тонким аристократическим носом и широкой нижней губой, выпячивающейся наружу. Держа на коленях железный посох, он смотрел вперед не мигающим взглядом светло-серых глаз, в которых сквозила пустота. Если бы не ветер, треплющий полы одеяния и кустистые брови старика, то его можно было принять за истукана.

– Не переживай за него, он нас с тобой еще переживет, – заметил Анри.

– А я и не переживаю, просто говорю – жрать, да спать, чем не жизнь, а, брат!?

Подойдя к Храму, они предстали перед привратником, но, тот и бровью не повел.

– Ваше Святейшество, – обратился Анри к привратнику. – Скажите, где нынче дары принимают?

Не получив ответа, он нагнулся и узрел взгляд привратника, пронизывающий его насквозь. То, что он спал, в том не было никаких сомнений.

– Эй, старый пенек! – не удержался Арьен. – Отвечай, когда тебя спрашивают!

Нагнувшись вслед за братом, он махнул рукой перед лицом

привратника, как через мгновение другое вздрогнул и отскочил назад, побледнев от испуга.

Зайдясь кашлем, привратник заморгал глазами, точно в них попал песок. Прогибаясь то вперед, то откидываясь на спинку трона, он дергался как в лихорадке, брызгая слюной. Впрочем, приступ кашля продолжался недолго, закончившись также внезапно, как и начавшись.

– А ты наглец, – сказал привратник, скосив взгляд на младшего из братьев.

Вот уже неделю как он не сходил с места, не обращая внимания ни на жару, ни на крики, доносившиеся со стороны суконного рынка, ни на пыль, клубящуюся под его ногами. Его занимала только одна мысль – грядущие выборы. Он понимал, что ему не светит шестой срок, ибо за полвека пребывания в привратниках изрядно всем поднадоел. Нравоучения вроде того, что жрец должен быть примером скромности, а Божий дом – это жилище Богов, а не место для торгашей, были многим не по нраву. Но, больше всего раздражало его упорное нежелание признавать лорда Ислэнда богохульником, а Гланвилл²⁸ – островком измены. Он был единственной преградой на пути сторонников войны с Гланвиллом, уподобляясь плотине, стоящей на пути буйной воды. Правда, с каждым годом его голос слабел, а голос сторонников войны все больше и больше крепчал.

– Ваше Святейшество, извиняйте за моего братца, он не ведает, что говорит. Так что, где дары принимают?

Переведя взгляд на Анри, привратник ничего не ответил и уронил голову на грудь.

– Эй, старик, мать твою!

– Братец, не гони лошадей.

Привратник, имевший привычку засыпать на ходу, снова встрепенулся и закашлял, брызгая слюнями в разные стороны.

– Видать, – сказал он. – Вы давно не посещали Бога, раз не ведаете, где принимают дары.

– Виноваты, Ваше Святейшество, не спорю. Но, мы готовы искупить вину, если скажете, где принимают дары.

– Ступайте в Дом жрецов, там вам все и скажут, – сказал привратник и кивнул в сторону здания, примыкающего к суконному рынку.

– Благодарствую, Ваше Святейшество, – сказал Анри и побрел в сторону Дома жрецов, как прозывали Дом Коллегии жрецов.

Дом жрецов, покоящийся на семи ступенчатом основании, поражал простотой и незатейливостью форм, мало походя на великолепные Божьи дома. Первый этаж Дома жрецов, фасад которого был выложен серым необожженным кирпичом, не имел ни единого окна, а вход в здание предваряла круглая арка. Второй и третий этажи, стены которых были выложены все из того же серого кирпича, имели узкие окна, больше напоминающие бойницы, ибо имели ширину не больше фута и вдавались глубоко в стену. Не радовала глаз и крыша здания, украшенная невзрачными статуями воинов, от обилия которых рябило в глазах. Завершали унылую картину Дома жрецов Западный и Восточный портики, первый из которых был обращен в сторону Юго-Западных ворот, а второй в сторону суконного рынка. Никаких излишеств, вроде героического барельефа или статуй Великих королей портики не имели. Выдаваясь вперед на дюжину футов, они несли на себе безликие перекрытия, двускатные карнизы и фронтоны, увенчанные венками из высохших трав и цветов.

– Вход чужакам воспрещен, – сказал служитель в мешкоподобном одеянии, преградив братьям Савьер вход в Дом жрецов.

Играясь палкой, он имел грозный вид, будто стоял на страже границ королевства. Сердитый взгляд вкупе с нахмуренными бровями и большими кулаками выдавали в нем человека основательного, способного на большой подвиг. Правда, всю картину портили двойной подбородок, огромный живот, поддерживаемый кожаным ремнем, да багровый цвет лица, будто его припирали к стенке нужда.

– Мое почтение, – поприветствовал Анри служителя. – Скажи мне, где дары принимают?

– В Западном портике, – ответил служитель, указав рукой на портик, примыкающий к западному крылу здания. – Увидите тощего старика, это брат Аррунчи, он-то вам и нужен.

²⁸ Гланвилл – Чистая область; лорд-наместничество Срединного королевства на одноименном острове в Знойном море.

– Благодарствую.

Сойдя со ступенек, Анри направился с братом к Западному портику.

– Ты видел, какую морду отъел? – спросил Арьен.

– О, да, – хохотнул Анри. – Дармояд на дармояде!

– Ух, я бы их в один мешок, и в море на корм рыбам!

Ничего не ответив, Анри только ухмыльнулся и подтолкнул брата в спину. Подойдя к портику, они узрели троих служителей, носившихся взад-вперед, затаскивая дары горожан внутрь Дома жрецов.

– Любезный, – обратился Анри к служителю-коротышке. – Не скажешь, где найти брата Аррунцо?

– Да вот же он! – воскликнул служитель, кивнув на тощего старика, находящегося в глубине портика.

Поднявшись по лестнице, братья обнаружили старика, восседающего за столом, заставленным чернильницей, толстой книгой, кувшином и миской с сыром и пшеничным хлебом. Бросая строгие взгляды на служителей, мелькавших перед его глазами, он шевелил губами и чиркал в книге гусиным пером, издающим неприятный скрип.

– Брат Аррунцо? – спросил Анри, подойдя к старику.

– Приветствую вас, – ответил старик с равнодушием в голосе, не бросив в их сторону и взгляда. – Как с дарами, так и без оных, ибо всяк входящий в Дом Божий уже на верном пути.

– Так ты брат Аррунцо?

– Да, я брат Аррунцо, – ответил старик, удостоив братьев беглым взглядом.

– Скажи, брат Аррунцо, не видел ли ты сегодня двоих мужчин с младенцем? Один благородного вида, остроглазый и в черном плаще, другой же могучего телосложения, которому позавидует и бык.

– Людей, что ты описал..., – ответил, было, брат Аррунцо, как отвлекся на проходящего мимо служителя, волочившего по гранитному полу мешок с морковью. Чиркнув пером в книге, он уставился на Анри так, будто тот был ему должен.

– Так что, брат Аррунцо, видел или не видел?

– Нет, не видел.

– Брат Аррунцо, – сказал Анри, подступив к столу вплотную. – А если хорошенько подумать... понимаешь, они мне, как братья, да вот, с прошлого вечера куда-то запропастились.

– Братья не братья! – воскликнул брат Аррунцо, заведя служителя за ящиком яблок. – Если говорю, не видел, значит – не видел!

– Подумай хорошенько, брат Аррунцо, может, ты куда отлучался?

– Вижу, Боги вас не наградили слухом, – ухмыльнулся брат

Аррунцо, чиркнув пером. – Если у вас нет даров к Богам, то проваливайте к демонам и не мешайте мне работать!

Поймав взглядом служителя, держащего в руках три кочана капусты, он наклонился над книгой и принялся выводить букву за буквой, словно только-только учился письму.

– Ну что же, – сказал Анри, упершись руками в стол. – Если это не так, то мы вернемся, уж будь в том уверен.

– Да ты в своем уме!? – вскричал брат Аррунцо вне себя, поднимаясь с места. – Угрожать, да кому, слуге божьему!?

– Да, в своем, – ответил Анри, положив руку на плечо служителя.

– Да ты... как смеешь? – прохрипел брат Аррунцо, скорчив лицо от боли.

Схватившись за руку громилы, служитель присел и попытался высвободиться, однако хватка была железной, как хватка медвежьего капкана. Сжимая пальцы, Анри вслушивался в хруст костей, так хорошо знакомый ему со времен разбойничьей жизни. Его глаза играли

безумным блеском, от чего служителю было не по себе. Язык будто отсох и не издавал ни звука, и только стоны, вырывающиеся из глотки, говорили о тех муках, что он испытывал.

– Брат, мы не за тем сюда пришли, – сказал Арьен.

Вздвогнув, Анри пришел в себя, освободившись от плена безумия. Разомкнув пальцы, он осклабился и быстрым шагом направился в сторону Южных ворот.

– О, Боги, – выдохнул служитель, схватившись за плечо.

– Тебе повезло, – сказал Арьен. – Что мы тебя не встретили на дороге, а то...

Подмигнув служителю, он сплюнул и последовал за братом, спешащим так, словно куда-то опаздывал.

– Ну что, домой? – спросил он, догнав брата на середине площади.

– Нет, – ответил Анри. – Ты разве не слышал, что Клодия сказала?

– Слышал: не найдете их в Храме, найдите их живыми или мертвыми.

– Если слышал, зачем спрашивать?

– А может мне показалось – ночь не поспишь, и не то может показаться.

– Ох, братец-братец, – улыбнулся Анри.

Потеребив брата за ухо, он уголком глаза приметил попутную телегу. Загруженная под завязку мешками из-под муки, телега нещадно скрипела, будто вот-вот развалится на части.

– Куда путь держишь? – спросил Анри, перегородив дорогу телеге.

– На восточную окраину, – ответил хозяин телеги, натянув вожжи.

Бледный, как моль, он походил на человека, изнуренного тяжелым каждодневным трудом: опущенные плечи, вялый рот, припухшие веки и темные круги под глазами говорили сами за себя. Под стать ему была и лошадь мышастой масти, передвигающая ноги с большим трудом.

– До тракта подбросишь?

– Два пенса, – промямлил хозяин телеги.

– Что?

– С превеликим удовольствием! – поправился тот, покраснев по самые кончики ушей.

– То тоже! – ухмыльнулся Анри.

Забравшись на телегу, братья Савьер покатали к Южным воротам, встречая на своем пути все больше и больше народу.

ЧАМБЕРС

Никогда не изменявшая себе, королева Ада вошла в Трапезный зал ровно в полдень. Накрытый стол был прост и не притязателен, если говорить о миске с сушеными фруктами, кувшине хирамского эля, тарелке сыра, порезанного на тонкие ломтики, и подносе с тушкой закопченной свинины, приправленной яблочной подливкой. Пройдя к столу, королева откинула длинный шлейф, веером расходящийся от ее платья из синего бархата, и взялась за спинку стула, как заметила на другом конце стола большую зеленую муху. Отягощенная толстым брюшком, муха бесцеремонно жужжала, не выказывая Ее Величеству никакого почтения. Держалась муха неуверенно – то взлетала, то падала камнем, при этом, не касаясь идеально ровной поверхности стола. Достигнув середины стола, она зависла в воздухе, чтобы через мгновение другое юркнуть в кувшин. Но, это был еще не конец. Вынырнув, муха взмыла к потолку и делала три витка над столом, а затем принялась перелетать от одного блюда к другому, издавая надоедливое жужжание.

– Эй, как там тебя!? – обратилась королева к слуге, стоявшему в дверях.

Все слуги для Ее Величества были на одно лицо. Как не силилась, она не могла запомнить ни лиц, ни имен слуг, обслуживающих ее денно и ночно. Облаченный в черно-желтое одеяние, слуга казался ей таким же безликим, как и прочие слуги.

«Если хочешь править долго, – вспомнила она отцовское изречение. – Ты должна знать своих врагов в лицо, и тех, кто за крепостной стеной, и тех, кто в стенах Королевского замка».

– Санлис, Ваше Величество, – ответил слуга, склонив голову.

– Это твое имя?

– Да, Ваше Величество.

– Ответь мне, Санлис, почему в трапезной муха?

– Никак не могу знать, Ваше Величество! – ответил слуга, залившись краской.

– Сегодня муха у стола, а завтра убийца у кровати?

Ее покойный отец, король Харлин, прозванный Харлином Мудрым, был известен осторожностью, что, впрочем, не уберегло его от руки убийцы, коим оказался один из слуг, ведавший его гардеробом. Она хорошо помнила тот день, когда на крик служанки в королевские покои сбежались придворные, и своего отца, лежащего в луже крови. Убийца, претерпев пытки водой и огнем, ни в чем так и не сознался, а потому был четвертован, унеся тайну в могилу.

– Никак не могу знать, Ваше Величество!

– Вот, дурак, заладил, никак не могу, никак не могу!

– Простите, Ваше...

Взмах руки королевы заставил слугу замолчать.

– Совет собрался? – спросила она.

По традиции, заведенной королем Аргусом, полдень начинался с обильной трапезы, за которой следовало заседание Королевского совета. Король собирал совет каждый божий день, желая находиться в курсе всего, что происходит в королевстве. Таким же был и его преемник, брат по крови, король Эдмун. После смерти последнего эта традиция была нарушена, и с каждым новым королем совет собирался все реже и реже. Королева Ада не была исключением, взяв за правило собирать советников раз в месяц, и этот день снова наступил.

– Да, Ваше Величество, все собрались и ждут только вас.

– Хорошо. Скажи Клодии, чтобы после совета пришла в мои покои.

– Слушаюсь Ваше Величество, – сказал слуга, после чего отвесил поклон и исчез в дверях.

Покинув трапезную, королева направилась в Тайную комнату в сопровождении пары гвардейцев, на фоне которых казалась маленькой и хрупкой. Бордовые плащи с золотой каймой, шарообразные рифленные шлемы с заостренным забралом, покрашенные в королевские цвета, и полосы прорезной латуни, которыми были отделаны края доспехов, придавали гвардейцам поистине королевское великолепие. Великолепием отличались и длинные широкие мечи, эфесы которых были украшены гравировкой в виде рыбака, пронзающего рыбу копьем – то был древний знак рыбаков Срединного мира, весьма почитаемый в доме Бланчестеров. Находясь в западном крыле дворца, Тайная комната мало походила на место, в котором вершились судьбы королевства. В свете сине-желто-красных лучей солнца, просачивающихся сквозь узкие трехчастные витражи, она казалась мрачной и безликой. Синий цвет, в который были выкрашены стены, был настолько насыщенным, что звериный орнамент был еле уловим, особенно с наступлением сумерек. Темно-серые пилястры, разрывающие стены на неравные части, казались и вовсе не к месту, от чего могло сложиться впечатление, что мастер выполнил работу из рук вон плохо. Меблировка из черного стола, инкрустированного бирюзой и аметистами, и четырех кресел с широкими бронзовыми подлокотниками, обитых красным бархатом, казалась излишне громоздкой, ибо занимала добрую половину помещения. И, только потолочная фреска с изображением Великих королей, поражающая воображение яркостью образов и обилием цветов, могла спасти положение, но, по причине отсутствия света она терялась на общем фоне.

– Приветствую вас, Ваше Величество, – сказал лорд-канцлер Джон Чамберс, зайдя к королеве в дверях.

Тучный, неповоротливый, он с большим трудом поднялся и неуклюже поклонился Ее Величеству, чем вызвал улыбки у лорда-казначея Барнэби Аддерли и лорда-командующего Мердо Болларда.

«Добрый знак, – подумал Чамберс, заметив у королевы отсутствие живота. – Теперь Мердо не будет совать нос туда, куда его не просят».

– Лорд-канцлер, – улыбнулась королева.

– Ваше Величество! – чуть ли не хором произнесли Аддерли и Боллард, от чего уже наступил черед улыбаться Чамберсу. Поклонившись королеве, они схлестнулись взглядами и воротили

носы, будто на дух не выносили друг друга.

По традиции, заведенной все тем же королем Аргусом, первым короля приветствовал лорд-канцлер, и ему же принадлежало право открытия заседаний Королевского совета. Что до остальных двоих членов совета, то очередность в приветствии короля зависела от возраста. Лорд Аддерли был старше Болларда на десяток с лишним лет, и потому обладал правом второго приветствия. Но, Мердо в силу заносчивости и близости к телу Ее Величества это право не признавал.

– Господа, прошу садиться.

Усевшись во главе стола, королева откинулась на спинку кресла в предвкушении скучных речей, которыми по своему обыкновению отличались все заседания совета.

– Ваше Величество, господа, – начал лорд Чамберс, усаживаясь в кресло. – Должен начать заседание с печальной вести – хлеб на исходе...

– Как на исходе! – перебил Чамберса Мердо, выпучив серо-голубые глаза. – Насколько мне известно, мы ни с кем не ведем войну!

Пример рыцарской доблести, лорд Боллард обладал двумя достоинствами – верностью короне и мужеством в бою. Первое он проявлял в постели Ее Величества, а второе доказывал в схватках с ракушниками и степняками. Правда, злые языки поговаривали, что «разбойники не те враги, победами над которыми стоит восторгаться, тем более, такому безупречному рыцарю,

коим является лорд Боллард». Не меньше говорили о его заносчивости и несдержанности в словах, напоминающей горный поток, безудержно бегущий по ущелью.

– Все верно, лорд Боллард, мы не с кем не воюем, и, с вашего позволения, я продолжу. Как я и сказал, запасы хлеба на исходе, и тому виновники крестьяне. Одни бегут в столицу, другие к побережью... есть и такие, что остаются на местах и возводят частоколы.

– Зачем?

– Не иначе, лорд Боллард, как против демонов.

– Это те, про которых говорится в пророчестве?

– Те самые. Еще говорят, что против змей, которыми южные окраины просто кишат.

– И вы верите в эту брехню?

Оглядев присутствующих, Мердо от души рассмеялся, проведя рукой по каштановым волосам, и замолк, не получив поддержки.

– Вера здесь не причем, – вклинился в разговор лорд Аддерли, поглаживая окладистую бороду. – Пророчество, как нам того не хочется, уже сбывается. Мои люди донесли, что накатуне на кладбище попадали надгробья, а годом ранее, как мы знаем, произошло нашествие саранчи. Теперь вот змеи. Какие тебе еще нужны знаки, чтобы поверить в пророчество?

Поправ правила этикета, он смотрел на командующего смеющимся взглядом, ожидая ответной реакции. Как и Чамберс, он на дух не выносил Мердо, называя его за глаза не иначе, как смотрителем королевских покоев.

– Это не знак, это ребячьи балует! А что до змей и саранчи, так про то в пророчестве ни слова.

– Вижу, Мердо, у тебя со слухом плохо?

– А я вижу перед собой глупца, верящего в глупое пророчество!

– Не будь здесь Ее Величества, я бы тебе показал глупца, – сказал Аддерли с таким ледяным спокойствием в голосе, что в его словах можно было усомниться, если не знать того, кто их сказал.

– Угрожаешь?

– Как можно угрожать тому, чья храбрость беспримерна, как беспримерна отвага разбойников, бегающих быстрее ветра!

Не зная, чем крыть, Мердо покраснел и приподнялся с места, вперив в казначея испепеляющий взгляд. Таким взглядом он обычно награждал толпу, когда слышал за спиной смешки и выкрики вроде того, что «лорд-командующий тот еще удалец – если справляется с разбойниками одной рукой, то с хирамцами справится и одним мизинцем!»

– Господа, успокойтесь, – вмешалась королева. – Здесь вам не поле битвы! А вы, лорд Чамберс, прошу, продолжайте.

Кашлянув, Чамберс заерзал в кресле, будто в его зад попала заноза: улыбка, с которой он смотрел на склоку оппонентов, сползла с лица, уступив место серьезной мине.

– Ваше Величество, господа, – продолжил Чамберс. – То, что

запасы зерна на исходе, это полбеда. Мои источники сообщают, что с месяц тому назад появилось некое братство Князя Тьмы, члены которого мнят себя людьми общества любви и справедливости. Они говорят, что в нем не будет ни войн, ни гнета, ничего того, чем полон наш с вами мир, господа. Их прозывают потрошителями...

– Вот же словечко удумали, – ухмыльнулся Мердо.

– Ибо воруют и разбрасывают по столице распотрошенных петухов, – продолжил Чамберс, не обратив внимания на несдержанность командующего.

– И что с того?

– А вам, лорд Боллард, разве непонятно, чем это чревато?

– Я уже сказал, что не верю в пророчество.

– Как правильно заметил лорд Аддерли, вера здесь не причем.

Пророчество сбывается, хочется вам того или нет, но это так.

– Если они так сильно вас беспокоят, я отдам приказ их переловить, как куропаток, и перевешать на всех столбах, что найдутся в Миддллане!

– Боюсь вас огорчить, лорд Боллард, на всех потрошителей столбов не хватит.

– Это почему же?

– Мои источники сообщают, что братство растет не по дням, а по часам.

– Чего там растет, мне неинтересно, чай не в Грин Каунтри проживаем! Ваши источники что говорят, сколько потрошителей, сотня, две, а может тысяча!? – продолжал хорохориться Мердо, ловя на себе взгляды Ее Величества.

– Сколько в братстве людей, мои источники, увы, не сообщают. Но, судя по тому, сколько птичников обносят каждую ночь, их очень, очень много.

Обрамленное седыми волосами, мясистое лицо Чамберса побледнело, будто его страшила одна только мысль о потрошителях.

– Лорд Чамберс, это не серьезный разговор! Назовите цифру, имена вожаков, место, где собирается этот сброд, и я в один день покончу с ними!

– Если бы я знал, – сказал Чамберс, пожав плечами – Поверьте мне, вы бы первыми узнали. Но, увы, они неуловимы, как и глава братства, некий магистр Годвин Грэй, известная особа, скажу я вам.

– И чем же?

– Даром исцеления.

– Нет, не слышал о таком.

– А не тот ли это целитель, за которым ходила толпа калек и убогих? вставил слово лорд Аддерли.

– Тот самый.

– И что вы предлагаете, лорд Чамберс?

– Ждать и взывать к Богам.

– И все?

– К Богам, которые нас давно покинули, – усмехнулся Мердо.

– Без Богов супротив нечисти мы не простоим и часа. Хотя, есть шанс, пусть и небольшой, который может нам сослужить добрую службу.

Сказав это, Чамберс загадочно улыбнулся и обратил взор на окна Тайной комнаты.

– Не юлите, Чамберс, – сказала королева, следившая за разговором с неподдельным интересом. – Говорите, если есть что сказать!

Поерзав в кресле, Чамберс устроился удобнее и посмотрел на Ее Величество долгим взглядом.

– По существу, так по существу, Ваше Величество... считаю необходимым объявить сбор ополчения, на случай, если сбудется пророчество. Если оное волею Богов минует королевство, то ополчение пригодится на случай мятежа. Думаю, десятки тысяч ополченцев будет достаточно.

– Мятеж, какой мятеж? – удивилась королева, поддавшись вперед.

– Ваше Величество, это собственно последнее, что я хотел сказать. Мои источники сообщают, что лорды Соутланда и Нортланда готовятся к войне.

Все, включая Ее Величество, прекрасно знали, каким бурьяном произрастал сепаратизм в этих провинциях. С тех самых пор, как Соутланд и Нортланд были завоеваны Бланчестерами, местная знать не оставляла попыток вернуть независимость. Она походила на сорняк, произрастающий то здесь, то там, портя великолепие королевского сада. Что до садовника, то он с присущей ему безжалостностью вырывал сорняки с корнем и сжигал их, дабы семена не развеялись по всему саду. Так было во времена королей Аргуса и Эдмуна, так было и в после-

дующие времена. Но, ни казни, ни династические браки, ни уступки земель и крепостей, ничто не могло повлиять на сепаратистов, мечтавших о временах былого величия.

– Ваше Величество, – сказал Аддерли. – Неутешительные вести приходят и с востока. Не знаю, насколько хороши источники многоуважаемого лорда-канцлера, но мои источники говорят о подозрительной активности на Пяти островах. Что не день, так со стапелей сходит новый корабль, а это, скажу я вам, не к добру.

Сказав это, Аддерли посмотрел на Чамберса, ожидая от него следующего хода, ибо прекрасно знал о его связи с опальным принцем. Со времен Харлина Мудрого, изгнавшего сына из столицы, любой чих со стороны Вестхарбора и Пяти Островов воспринимался в столице чуть ли не за мятеж. Все это он прекрасно знал, и сегодня предпринял атаку в попытке поколебать влияние Чамберса.

– Странное дело, а мои источники сообщают обратное – на Пяти Островах тишь да гладь. Выкрутившись, Чамберс посмотрел на Аддерли и внутренне возликовал: узкое лицо оппонента вытянулось, а кончики усов задергались, будто их дергала невидимая рука. Будучи олицетворением торговых кругов, Чамберс презирал Аддерли как человека, олицетворяющего собой ростовщиков, называя их не иначе, как ворами завтрашнего дня. Поэтому он не гнушался распространять о нем слухи, полные ужасов.

– Лорд Чамберс, а что вы скажите о лорде Стэнходже? – спросил Аддерли, не желая терпеть поражения.

– А что вы хотите от меня услышать? – парировал Чамберс.

– Если он объединится с принцем, то это будет грозная сила.

– А ваши источники говорят, что на то есть основания?

– Нет.

– Так к чему вопрос?

– К тому, что надо быть готовым ко всему.

– Не смешите меня – Годфри нам не угроза!

– Лорд Чамберс, вам не занимать легкомыслия.

– Я просто знаю, что говорю – лорд Стэнходж нам не угроза, пока мы платим золотом за его патриотизм.

– Лорд Чамберс, вы забываетесь!

– Ничуть, ибо Ее Величество прекрасно себе отдает отчет, кто таков ее дядя.

Переглянувшись, Чамберс и королева Ада обменялись улыбками, ибо прекрасно знали цену патриотизму владельца Грин Каунтри.

– И все же, Ваше Величество, – продолжил Аддерли, обратившись к королеве. – То, что просит лорд-канцлер, невыполнимо, ибо Городская казна не потянет столь больших расходов.

– Лорд Чамберс, так ли это? – поинтересовалась королева.

Не найдя с ответом, Чамберс подрастерялся, лихорадочно размышляя, как справиться с выпадом Аддерли.

– Так ли это, я не знаю, Ваше Величество, – ответил Чамберс, поправив на шее кольцо из массивных звеньев и подвески в виде золотого улыбающегося солнца. – Но, то, что Городская казна пуста, о том говорят все, кому не лень.

– Снова юлите?

– Нисколько, Ваше Величество, ибо вопрос не столь трудноразрешимый, как кажется на первый взгляд.

– Каким образом?

– Если расходы поделить между Городской и Королевской казной, то собрать ополчение не составит особого труда, Ваше Величество.

– О, Боги! – вскричал Аддерли. – Такого никогда не было и не будет!

– Ни вам решать, лорд Аддерли, – буркнул Чамберс.

– Это столь необходимо? – спросила королева.

– Да, Ваше Величество, – ответил Чамберс. – Если не пойдем на этот шаг, завтра потеряем все... слово за вами, Ваше Величество.

Королева призадумалась, нервно застучав пальцами по столу. Наконец, прервав молчание, она улыбнулась и посмотрела на Мердо.

– А вам, лорд Боллард, есть что добавить?

– Нет, Ваше Величество, – ответил Мердо, в глазах которого стояло вожделение.

Он съедал Ее Величество глазами и нет-нет, его взгляд падал на грудь королевы, украшенной огромной брошью в виде золотой капли, усыпанной бриллиантами.

– Ну, что же, господа, я вас услышала, и вот мое решение. Вам, лорд Аддерли, изыскать средства для пополнения. Вы, Мердо, должны собрать ополчение и решить вопрос с крестьянами и потрошителями. Что до вас, лорд Чамберс, то мы и впредь надеемся на вашу мудрость, особенно, в столь беспокойное для королевства время. На этом, господа, заседание совета объявляю закрытым.

Поднявшись, королева окинула взглядом членов совета, вскочивших со своих мест, и устремилась к выходу, как лань, убегающая от охотника.

«Такие разные, и такие одинаковые», – подумала она, ни

услышав за время заседания ни слова о своей беременности, ни слова о падении дома Бланчестеров, о котором говорится в пророчестве.

Она была хорошо осведомлена, что в народе ее правление вызывает недовольство, а ее прозывают не иначе, как Порочной королевой. Нашествие саранчи, невыносимая вонь и невообразимые налоги в Миддлланде, да частые неурожаи в Соутлане и неспособность власти устранить угрозу со стороны разбойников всех мастей, все это связывали с ее именем. Теперь вот лорды-наместники, никогда не питавшие любви к дому Бланчестеров, поднимают головы. Единственное, чего она никак не могла уразуметь, так это отсутствие вестей из Гланвилла, этой цитадели божьих заветов.

– Ваше Величество, – поприветствовала Клодия, присев в реверансе у дверей королевских покоев.

– Ну, говори, – буркнула королева, в голосе которой прозвучало нетерпение.

– Ваше Величество, – сказала Клодия, бросив недоверчивый взгляд на гвардейцев, сопровождавших королеву. – Говорить при них?

– Не бойся, они не из болтунов.

– От братьев, Ваше Величество, нет вестей, как нет вестей и от Калума с Гэвином.

– Значит, я была права...

Толкнув дверь, королева шагнула в опочивальню и остановилась, уставившись на окно.

– Ваше Величество, с вами все хорошо?

– Скажи мне, сколько людей ты послала вдогонку?

– Дюжину, Ваше Величество.

– Мало, пошли еще людей... а теперь, иди, на сегодня ты свободна.

– Ваше Величество.

Сделав реверанс, Клодия бросилась выполнять приказ, но, не пробежав и десятка шагов, остановилась и прислонилась к стене, ощущая, как ее сердце вот-вот выскочит из груди.

«Он не тот, за кого себя выдавал, – подумала она о Калуме, к которому испытывала уважение, замешанное на страхе. – Вот Гэвин, или братья Савьер, эти да, за пару пенсов готовы мать родную удавить, а он, он не такой».

Зардевшись, Клодия ощутила внутри себя тепло,

поднимающееся с самого низа. Оторвавшись от стены, она бросилась в комнату слуги Розхо, через которого и держала связь с наемниками королевы.

АДА

«Сомнения, что черви, съедающие плоть изнутри», – вспомнила королева Ада одно из отцовских изречений.

С тех самых пор, как она отдала первенца в жертву Хептосиду, эти слова посещали ее голову не раз. Вот и сейчас, стоя у окна, она наблюдала за городской суетой, пытаясь отвлечься от гнетущих мыслей. Впрочем, наедине с собой королева пробыла недолго, ибо вскоре после ухода Клодии раздался стук в дверь – сначала одиночный, затем два коротких и за ними настойчивый, как дождь, барабнящий по крыше дома. Обернувшись, она сделала шаг и остановилась.

– Мердо, мне не до тебя, – устало произнесла королева.

– Ваше Величество, позвольте войти! – послышался за дверью голос Мердо.

Ничего не ответив, королева вернулась к окну, зная, что он и так войдет, не дожидаясь ее согласия, и, в очередной раз оказалась права.

– Вот скажи мне, зачем охрана, если впускают всех подряд?

Не отвлекаясь от лицезрения улицы, она ощущала на спине взгляд Мердо, горячий, как песок на южном побережье Соутланда. Сопровождая как-то отца в поездке по королевству, она в первый и единственный раз преодолела Королевский тракт от начала и до конца. Оказавшись на песчаном берегу Знойного моря, ее отец простер руку к горизонту и сказал: «Вот здесь, дочь моя, заканчивается мое королевство, которым будешь править и ты». Сказав это, он повернулся к ней и добавил: «Надеюсь, мой внук будет достоин памяти Великих королей».

Это был не первый разговор о внуках, ибо принц Эрик детей не имел, как не имел и прав на престол. Одна надежда – на Аду. Однако, к большому недовольству короля Харлина его дочь всех кандидатов в мужья отвергала, ничем это не объясняя. Это обстоятельство не могло не удручать любящего отца, всем сердцем желающего внука и счастья любимой дочери. Больше того, она водила дружбу с гвардейцем, красавцем Мердо, сыном герольдмейстера из захудалого, но древнего аристократического дома Боллардов. Благодаря отцу, он попал в оруженосцы знатного рыцаря и быстро приобрел славу искусного бойца на мечях, проявив себя в схватках с разбойниками. После посвящения в рыцари, Мердо был определен в гвардию и за короткий срок приобрел славу первого красавца королевства. В нем сочетались и красота, и мужественность, и храбрость, и веселый нрав, что не могло остаться без внимания принцессы. Обмениваясь взглядами и улыбками, они походили на двух мотыльков, кружащих вокруг светильника, нет-нет да соприкасающихся крыльями. Единственными недостатками Мердо были заносчивость и несдержанность в словах, которую он успел проявить и в тот самый день, когда король Харлин и принцесса Ада оказались на берегу моря.

Она прекрасно помнила слова Мердо, что «южное побережье еще не край королевства, есть еще и Гланвилл». Слова были им сказаны так тихо, что не всякий мог их услышать. Но, то ли он сказал недостаточно тихо, то ли ветер оказался излишне ретивым, король услышал его слова. Наградив дерзкого гвардейца небрежным взглядом, он взял дочь за руку и повел в сторону от тракта, ступая по раскаленному песку. Остановившись неподалеку от дороги, отец преклонил колено и собственноручно снял с ее ног сандалии, а затем поднялся и воротился на тракт. «Иди», – приказал он, указав рукой на море, плескавшееся у берега в какой-то полусотне шагов. «Отец!» – вскричала Ада, попытавшись пойти вслед за отцом, но, поймав его неумолимый взгляд, остановилась. Не смея перечить отцу, она приподняла полы платья и пошла к берегу, прибавляя и прибавляя шаг от нестерпимого жара, пока не пустилась в бег. Вбежав в соленую воду, она ощутила не с чем ни сравнимое удовольствие, которое продолжалось недолго, ибо за спиной раздался голос отца: «Никогда не стой на месте, ибо жизнь ско-

ротечна, а мир – большой, сродни непаханому полю». Обернувшись, она узрела отца, что-то высматривающего на горизонте, а за ним Мердо, взирающего на нее горячим взглядом.

Через полгода отца не стало, а престол перешел в руки тридцатилетней принцессы Ады. Спустя три месяца она обручится с Вилфридом Мантойей, младшим братом лорда-наместника Ярвуда Мантойи, дабы скрепить союз двух величайших домов королевства. С ним же и познает плотскую любовь, вкус которой, однако, ей пришлось не по нраву. Так пройдет год, другой, а за ним и третий, не принесящий королевской чете ни потомства, ни семейного счастья. Если король от горя забывался в эле, днями напролет пропадая на охоте, то королева

блуждала по замку, напоминая бледную тень себя прежней. Но, как говорится, всему есть начало, и всему есть конец. После трех лет несчастного супружества король Вилфрид неожиданно скончался, подавившись косточкой от вишни. Не пройдет и двух дней, как Ада окажется в объятиях Мердо, в которых ощутит то самое несравнимое удовольствие, которое прежде познала на южном побережье Соутланда.

– Я не все, моя королева, – ответил Мердо, подходя к окну.

Обняв Аду за талию, он уткнулся лицом в копну рыжих волос и вдохнул аромат розовых духов.

«Она все также бесподобна», – подумал он, ощущая пальцами рук приятную полноту королевы.

В свои сорок пять лет королева Ада по-прежнему блистала красотой. Казалось, что время над ней не властвует, но, то было видимостью. Паутинки под глазами, морщины в уголках рта, широкие бедра и груди, потерявшие былую упругость, говорили, что ее закат не за горами. От прежней принцессы Ады остались высокий лоб, тонкий нос, чувственный рот и большие глаза бирюзового цвета, в которых уже не отражался мир, как прежде. Не осталось и рыжей косы, прежде доходившей до пят, а нынче только до плеч.

– Надо бы завести пса, больше пользы.

– У тебя уже есть пес, – улыбнулся Мердо, обняв Аду крепче.

Наклонив голову, он нашел губами шею королевы и принялся ее целовать, опуская руки все ниже и ниже, пока внезапно не остановился. Ощувив на языке волос, Мердо отстранился и извлек изо рта рыжий волос. Посмотрев на него задумчивым взглядом, он нервно стряхнул его с пальцев и снова прижался к королеве.

– Прекрати! – вскричала Ада, вскинув локти. – Тебя что, больше ничего не интересует!?

– Ничего, только ты, моя королева.

– Если ты не заметил, я этой ночью родила. Не хочешь спросить, кого родила?

Обернувшись к Мердо, она посмотрела в его глаза, надеясь увидеть в них интерес, хоть чуточку, но, ничего, кроме похоти, не заметила. Мердо стоял и улыбался, предвкушая ночь, когда снова окажется в объятиях Ее Величества. Вот уже третий месяц был на исходе, как он пребывал на голодном пайке, получая изо дня в день отказ королевы.

– Дай угадаю... сын?

– Да, сын.

– Надеюсь, роды прошли благополучно и он не пострадал?

– Брось, из тебя плохой актер! Ответь лучше, тебе действительно наплевать на собственных детей?

– Что за глупый вопрос!?

– И все же?

– Да, наплевать, как и тебе, – сказал Мердо, как отрезал.

– Иного и не ждала, – выдохнула Ада.

«О, Боги, как же я хочу сына», – мелькнуло в ее голове, ибо ответ Мердо окончательно убил в ней мысль, что первый красавец королевства способен на большее, нежели вытворять чудеса в постели.

Она не просто хотела сына, а хотела заниматься его воспитанием, как это делают простолюдины. Следить за тем, как сын произносит первые слова, как становится на ноги, как...

– А ты ожидала услышать иное?

«О, Боги, до чего же она глупа, – подумал он, вспомнив о пророчестве. – Ну, скажет он, что ему не безразличны их дети, но что от того изменится? К чему его мнение вообще, если их судьба уже предрешена, и она это прекрасно знает?! Одним сыном меньше, одним больше, ничего не изменить».

– Я давно ничего не жду, – ответила Ада, обернувшись к окну.

Пожав плечами, Мердо шагнул к окну и уперся руками в позолоченный подоконник.

– На совете ты сказала, чтобы я собрал ополчение и занялся крестьянами и... как их там?

– И потрошителями, – подсказала Ада.

– Да, все верно. Если с ополчением все понятно, как быть с остальным, с теми же потрошителями?

– Ты лорд-командующий, тебе и решать.

– Я прежде солдат, – сказал Мердо, предприняв попытку поймать взгляд королевы.

– А я королева, – парировала Ада. – И мое дело отдавать приказы, а твое дело исполнять.

Миддланд, напоминавший в дневные часы один большой муравейник, продолжал жить прежней жизнью, будто никакого

пророчества не было и в помине.

«Может, мои волнения напрасны? – подумала она. – Ведь в пророчестве нет моего имени... Сомнения, что черви, съедающие плоть изнутри... о, Боги, как же мой отец был прав!»

– А ты сильно изменилась.

– Мой отец говорил, что нельзя стоять на месте, что жизнь скоротечна, что... хотя... это не столь и важно.

Махнув рукой, Ада вздохнула и посмотрела на морской горизонт, туда, откуда пришли ее предки, ведомые Хептосидом. Она много раз слышала легенду о семи ветрах, часами просиживая на коленях отца, как много раз слышала о пророчестве верховного жреца Соутланда, предрекшего падение дома Бланчестеров.

– Ладно, пойду я, – сказал Мердо, но, с места не сдвинулся, ожидая прощального слова. Простояв так с некоторое время, он ничего не дождался и тихо удалился.

– Охрана! – крикнула Ада.

– Ваше Величество, – сказал один из гвардейцев, появившись на пороге.

– Передай мажордому, что Ее Величество желает развеяться. Завтра, нет, послезавтра мы проведем южные окраины.

– Да, Ваше Величество, – кивнул гвардеец и исчез в дверях.

«Никогда не стой на месте, ибо жизнь скоротечна, а мир – большой, сродни непаханому полю», – вспомнила она отцовское изречение, после чего улыбнулась и затворила окно.

ЭРИК

– Смотрите, смотрите – принц! – закричал мальчишка, указав пальцем на принца Эрика, объявившегося на балконе Дома Эдмуна.

– Да здравствует принц! Да здравствует Его Высочество! Да придут с тобой Боги!.. – раздались крики из толпы.

Торговая площадь Вестхарбора погрузилась в невообразимый шум, в котором потонули сотни голосов, восхвалявших принца на все лады.

– Как же прекрасен этот город, – обронил принц Эрик, на лице которого заиграла легкая улыбка.

Помахав толпе, он покинул балкон, исчезнув за плотными шторами из зеленого шелка.

– Народ от вас в восторге, Ваше Высочество, – заметил Лорьен, секретарь и советник принца в одном лице.

Склонившись над столом, он вертел в руке гусиное перо, вчитываясь в содержание свитка. Бумаги, лежащие на столе в полном беспорядке, выдавали в нем человека, чуждого к порядку.

– Знаю, Лорьен, как знаю и то, что любовь народа не из дешевых, а это...

Не закончив мысли, принц замолк, наблюдая из-за штор за суетой на площади.

– Его Высочество что-то беспокоит? – спросил Лорьен, подняв голову.

Пребывая в советниках принца не первый год, он научился угадывать его настроение с полуслова. Это был большой дар, которым гордились все, кто принадлежал к дому Маргейтов, веками прислуживающему Бланчестерам.

– Нет, Лорьен, разве что здоровье дорогой сестрицы. Что слышно от Чамберса?

На протяжении тридцати двух лет, что принц Эрик пребывал в изгнании, он проявлял живейший интерес ко всему, что происходило в Королевском замке. Прозванный Вечным претендентом, он еще до рождения сестры организовал заговор против отца, за что и поплатился. Десять дней заточения в Белой башне, полной ужасов, принесли ему седые волосы и избитые в кровь кулаки. Так и не достучавшись до стражи, принц пришел в полное отчаяние, как неожиданно-негаданно был помилован и отправлен наместником в Вестхарбор, получив запрет покидать город под любым предлогом.

– Ваше Высочество, лорд-канцлер сообщает, что королева отдала приказ лорду Болларду собрать ополчение и разобраться с крестьянами и потрошителями.

– И на кой ей нужно ополчение?

– Лорд-канцлер сообщает, что не сегодня-завтра могут восстать Соутланд и Нортланд.

– Стало быть, наше время наступило? – спросил принц не то себя, не то советника.

Оторвавшись от лицемерия толпы, он затворил балконные двери и принялся расхаживать по комнате, выдержанной в зеленых тонах.

– Да, Ваше Высочество.

– А что с беременностью моей сестрицы?

– Королева разродилась сыном... как и прочих отпрысков Ее Величества, его постигла та же участь.

– Бедное дитя, – произнес принц, изобразив на лице печаль. – И какой же это по счету?

– Пятый, Ваше Высочество.

Остановившись у двух картин, на которых были изображены короли

Аргус и Эдмун, принц обернулся и обратил на советника сияющий взгляд.

– Хорошо, очень хорошо... у тебя все, Лорьен?

– Нет, Ваше Высочество.

Побледнев в лице, словно воришка, пойманный за руку, Лорьен уронил взгляд на свиток и с дрожью в руках разгладил его непокорные края.

– Ну, и чего тянешь кота за хвост!?

– Еще лорд-канцлер сообщает, что лорд Аддерли упомянул о возможности мятежа на Пяти Островах.

– Ах, же ты кусок дерьма! – вскричал принц, схватившись за эфес серповидного кинжала.

Подняв взгляд, Лорьен узрел перекошенное от злобы лицо принца. Он мог отдать руку на отсечение, что будь здесь лорд-казначей, то не сносить ему головы.

– Какие будут указания, Ваше Высочество?

– Если он такое заявил, то промедление – верная смерть! Дай знать Виклафу, чтобы держал флот и войско на изготовке. Завтра все решится – быть мне на троне или гнить в канаве.

После того, как год тому назад случилось нашествие саранчи, принц Эрик посчитал это знаком и принял решение готовиться к войне. Судоверфи на Пяти Островах, уничтоженные во времена короля Эдмуна, были восстановлены, а вслед за тем начались работы по созданию флота, которого никто прежде не видывал. Корабельщики работали столь усердно, что каждую неделю со стапелей сходило по шесть-семь кораблей, что не могло пройти мимо внимания шпионов лорда Аддерли и местных жителей, засыпавших и просыпавшихся под стук топоров. Ему нужен был всего на всего один месяц, чтобы завершить задуманное, а здесь, так некстати, выступил лорд Аддерли.

– Как скажете, Ваше Высочество.

Поднявшись, Лорьен отвесил поклон, собрал свитки в охапку и посеменил к выходу.

– Да, и Чамберса поблагодари, – сказал принц. – Скажи ему, что Его Высочество им довольно.

– Хорошо, Ваше Высочество.

– Хотя, нет, скажи ему, что Его Высочество довольно им, но, этого недостаточно. Чтобы сохранить расположение Его Высочества и должность при новом короле, надо бы спровадить из столицы

Королевскую гвардию.

– Как скажете, Ваше Высочество.

Взявшись за дверную ручку, Лорьен развернулся и посмотрел на принца.

– Ваше Высочество, можно высказать мнение, которое вам может не понравиться?

– Говори.

– Если война с короной неизбежна, Ваше Высочество, то нам не обойтись без союзников.

– Зачем нам союзники, коль у нас отличное войско и лучший флот на все королевство?

– Все верно, Ваше Высочество, однако в нашем предприятии флот нам не подмога, ибо война будет вестись на суше. И потом... войско из ополченцев и людей, привыкших зарабатывать на жизнь разбоем, несравнимо с Королевской гвардией.

– И кого же ты видишь в союзниках?

– Лорда Стэнходжа, Ваше Высочество.

– О, Боги, искать поддержку у пройдох!?

– Да, Ваше Высочество, ибо без вашего дяди наше предприятие обречено на провал.

– Прежде небо рухнет на землю, нежели я свяжусь с этим пройдохой!

– Это, Ваше Высочество, есть политическая необходимость. Какой-никакой, но ваш дядя владеет Грин Каунтри, а это единственный путь к сердцу королевства.

– Дядюшка безмерно предан сестрице, о каком союзе ты говоришь?

– Ваше Высочество, он предан до той поры, пока Ее Величество платит за лояльность.

– Предлагаешь подкупить его?

– Да, Ваше Высочество.

– Хорошая мысль, но мне неведомо, во сколько обходится сестрице его лояльность.

– Я знаю, Ваше Высочество, – улыбнулся Лорьен. – В десять тысяч фунтов.

– Не много ли для пройдохи!? – возмутился принц, вскинув брови от удивления.

– Не много, Ваше Высочество.

– А если он не пойдет на союз?

– Пойдет, Ваше Высочество, ибо ваш дядя знает толк в политике не хуже вашего. Если путь к сердцу королевства лежит через Грин Каунтри, то к сердцу лорда Стэнходжа – через золото. Кто больше заплатит, тот и будет владеть его сердцем.

Опустив взгляд в пол, выложенный бело-черным мрамором, принц задумался, а затем встряхнул головой и посмотрел на советника долгим взглядом.

– Если наше предприятие выгорит, – проговорил он, нарушив молчание. – Ты получишь Вестхарбор и титул лорда-наместника.

– Ваше Высочество, ваша щедрость не знает границ! – воскликнул Лорьен, отвесив глубокий поклон.

– Как и твой ум, Лорьен. Не будь его, я бы тебя не держал при себе.

А теперь, иди, и помни, что от нашего предприятия решается не только моя судьба, но и твоя.

– Да, Ваше Высочество.

Отвесив поклон, Лорьен открыл дверь и вышел вон, оставив принца наедине с собственными мыслями. Отворив балконные двери, принц вышел наружу и толпа снова возликовала. Вздохнув полной грудью, будто ему не хватало воздуха, он закрыл глаза, упиваясь соленым воздухом Вестхарбора с примесью терпкого запаха еловых шишек. Он хорошо помнил этот воздух, пьянящий почище хирамского эля, когда тридцать два года тому назад оказался в Вестхарборе на правах изгнанника. Обосновавшись в Доме Эдмуна, принц первым делом возжелал забыться, дабы отвлечься от гнетущих мыслей. Однако, испив не одну пинту великолепного хирамского эля, он так и не сумел забыться, ибо воздух Вестхарбора чудесным образом и пьянил, и отрезвлял. Дело дошло до того, что он усомнился в подлинности эля, и чуть было не казнил держателя таверны, поставлявшего эль ко двору. За того вовремя вступился Лорьен, которому во многом он и был обязан той поддержкой народа, которой обладал и по сей день. Вспомнив о народе, принц открыл глаза и

улыбнулся, ибо толпа не переставала ликовать.

«Как же мне будет не хватать этого воздуха», – подумал он.

Махнув толпе, принц Эрик бросил взгляд на запад, туда, куда были обращены все его помыслы.

ТАУН-ХОЛЛ

– Что, уже полдень? – спросил Закайя, появившись в окне, обнесенном ажурной решеткой.

Маджио, сосед старика, кивнул и бросил взгляд в сторону Таун-холла²⁹. Народ, толпившийся у здания Городского совета Миддланда, наперебой гадал, какую глупость слуги народа выкинут на этот раз. Были среди собравшихся как люди праздно шатающиеся, пришедшие из чистого любопытства, так и люди, обуреваемые страстями, искренне радеющие за будущее родного города.

– Я не для того сюда перебрался, – проговорил Закайя, шурясь от яркого солнца. – Дабы терпеть это безобразие...

– Чего ворчишь-то?! – раздался женский голос из глубины дома. – Сам же говорил, хочу дом в хорошем месте, поближе к богачам, и что же!?

– Кто ж знал-то, что здесь такое творится!? А вот встречу того негодяя, что продал мне дом, ух-х-х, я ему задам трепку!

Для пущей убедительности Закайя поднял кулак и потряс им над головой, угрожая прежнему хозяину дома.

– Не ворчи, дурень, лучше делом займись, два дня осталось до прихода господина Реклуса.

– Да знаю я, знаю!

Поправив на голове ночной колпак, то и дело съезжающий на глаза, Закайя тяжело вздохнул, будто на его плечах была непосильная ноша, и растворился в недрах дома. Усмехнувшись, Маджио принялся раскладывать яблоки с места на место, предвкушая удачный день. Его румяное лицо так и светилось от счастья, ибо дни созыва Городского совета были лучшими днями для его торговли. Закончив с яблоками, он взялся за груши, как его внимание привлек шум. При виде двух гвардейцев, объявившихся на пороге Таун-холла – это означало, что Городской совет в полном сборе – толпа пришла в крайнее возбуждение. Правда, еще не было главы совета, что было в порядке вещей.

Двухэтажное, прямоугольное в периметре, здание Таун-холла находилось на одноименной площади в центре верхней части Миддланда, от чего жители близлежащих кварталов называли его не иначе, как Сердцем столицы. Словно подтверждение тому цвет здания, выложенного из красного кирпича. Впрочем, торговый люд с этим был в корне не согласен, говоря, что «сердце столицы – это рынок, а Таун-холл лишь голова, которая не всегда на месте». Так или иначе, но Таун-холл был средоточием власти, от решений которой зависела жизнь каждого из детей саламандры. На первом этаже здания находились Зал для приема горожан и Зал заседаний Городского совета, на втором – каморка архивариуса, Архив, ведомый Королевским архивариусом, и Хранилище Городской казны, доступ в которую имел глава Городского совета. По центру здания размещалась сорокадвухфутовая башня с бронзовым колоколом, нареченном в народе Первым вестником. Будь то эпидемия чумы, коронация, рождение наследника или объявление войны и мира, первым возвещал о случившемся колокол Таун-холла.

– Слышал, – сказал мужчина в сером дорожном плаще. – Что сегодня будут говорить о дорогах.

В его голосе, подрагивающем, как струна на арфе, слышалась озабоченность, и, было от чего. Держа молочное хозяйство на городской окраине, он каждый божий день ругал ремонтируемые дороги, из-за которых делал большой крюк, дабы попасть на рынок. Молоко, не тер-

²⁹ Таун-холл – городская усадьба.

пящее долгого пути на солнцепеке, приходило в негодность, от чего молочник терпел убытки и заодно с дорогами проклинал и Городской совет

– А я слышал, – пробурчал мужчина с заливчатскими усами. – Что Ее Величеству собираются воздвигнуть памятник.

– Какой по счету? – спросил толстяк.

Улыбка, блуждающая на его лице, говорила о нем, как о человеке, не обремененном тяготами жизни. Не услышав ответа, толстяк прыснул смехом, обрызгав слюнями впереди стоящего мужчину.

– Эй, дурак, закрой глотку! – вскричал широкоплечий мужчина, обернувшись на смех.

Узрев сердитое лицо, перепаханное оспой, толстяк осекся, не рискуя связываться. Недовольство проявили и другие соседи толстяка, ибо его смех был неуместен – памятники Ее Величеству, возведение которых ложилось тяжелым бременем на Городскую казну, были, чуть ли не на каждом шагу.

– А вот и старина Кирби собственной персоной, – процедил усач, кивнув на повозку, подкатившей к входу в Таун-холл.

Окинув взглядом толпу, старейшина Кирби дождался помощи возницы и вывалился из повозки, точно какой-то мешок с дерьмом. Отдышавшись, он проплыл мимо зевак и исчез за дверями Таун-холла.

– Ух, какую морду отъел, – буркнул молочник.

– Посидишь с его, и ты такую морду отъешь! – подхватил толстяк, прыснув смехом.

– А я погляжу, тебе все смешно?

– А что, плакать прикажешь!?

Вздохнув, молочник промолчал и присоединился к прочим зевакам, с жадностью вслушивающимся в голоса, доносившимся сквозь высокие арочные окна Таун-холла. В нижней части окон были видны деревянные скамьи, расположенные в три яруса, и старейшины, восседающие на скамьях. О чем-то споря, они то и дело вскакивали с мест и махали руками, и снова возвращались на свои места. В верхней части окон были видны стеллажи Архива, обращенные к площади тыльной стороной. Если первый этаж бурлил, то на втором царила мертвая тишина.

– Приветствую вас, господа, – сказал мягким голосом старейшина Кирби, на лице которого, и без того страдальческом, лежала печать уныния.

– И мы, народ Миддланда, приветствуем тебя! – выкрикнули традиционное приветствие члены совета, при этом часть из слуг народа ограничилась взмахом руки.

Шум, до того стоявший в Зале заседаний, на мгновение стих, а затем снова возобновился. Как всегда бывало, все споры в стенах Таун-холла сводились к двум вопросам – как наполнить казну и на что потратиться. Одни призывали к введению соляного налога, ибо это была единственная возможность залатать дыру в казне. Другие призывали к отмене таможенной пошлины, дабы привлечь в столицу богатых купцов и искусных ремесленников из Хирама. Третьи, пребывающие в меньшинстве, ртов и вовсе не открывали, будто выказывая пренебрежение к бесконечным спорам. Что до того, на что тратить средства из казны, то и здесь споры были не менее горячими. Одни призывали к тому, что средства надобно тратить на улучшение дорог, дабы булыжник прилегал к булыжнику вплотную, ибо плохая дорога вредит ногам и копытам лошадей. Другие, что надобно взяться за ремонт домов, ибо негоже столице иметь прекрасный фасад и ужасный задний двор. Третьи же, обвиняя и тех, и других в пустословии, предлагали открывать больше рынков, ибо торговля всему голова. Раздавались голоса и в пользу того, чтобы установить очередной памятник королеве, как достойнейшей представительнице дома Бланчестеров, но, они были в жалком меньшинстве. В еще большем меньшинстве пребывали те, что избегали жарких споров, предпочитая сохранять рот на замке.

Проследовав к трибуне, старейшина Кирби с помощью писаря, невзрачного молодого человека, преодолел две ступеньки и уселся в кресло, издавшее под ним жалобный скрип. Сле-

ланное из столетнего дуба, кожаное кресло имело икс-образную раму с длинной прямоугольной планкой для спины. Массивный стол, на котором стояли серебряный кубок и кувшин с элем, был сделан из того же дуба, что и кресло.

– Ты посмотри, как старик Кирби раздобыл, – прошептал Одар, коренастый мужчина с водянистым взглядом, восседавший на верхнем ярусе на правах старейшины Почетной компании каменщиков.

– Угу, – буркнул одноглазый Фарлан, старейшина лудильщиков.

– Все ли присутствуют? – обратился Кирби к писарю, чью принадлежность к столь сложному делу, как бумагомарательство, выдавали испачканные чернилами пальцы левой руки и полы рубахи.

– Все, господин старейшина, – ответил писарь, после чего передал старейшине свиток с печатью Ее Величества и воротился к своему месту.

Стол писаря, заставленный стопкой бумаг, городской печатью и чернильницей с гусиным пером, походил на своего хозяина один в один. Сколоченный из досок дикого ореха, стол одиноко стоял в дальнем углу зала, никем не замечаемый. Если бы не скрип гусиного пера, которым писарь без конца водил по бумаге, в спешке записывая словесные потуги слуг народа, то никто бы и не вспомнил о его существовании.

– Хочу сказать, господа... – начал Кирби, и замолк, отпустив взгляд на прогулку.

– Он не только раздобыл, он еще и умом тронулся, – заметил

Одар, обнажив в улыбке гнилые зубы.

– Он не одинок, – ухмыльнулся Фарлан, обедая взглядом членов совета.

Зал заседаний напоминал рынок, на котором каждый стремился перекричать друг друга, зазывая людей к своему прилавку. И, только старейшины нижнего яруса находились в стороне от суеты, точно знали, что их товар бесподобен, а потому не стоит понапрасну рвать глотки. Изредка перебрасываясь словами, старейшины купцов, ростовщиков и суконщиков вели себя степенно, как и подобает людям, имеющим большой вес в обществе.

– Хочу сказать, господа, – продолжил Кирби, чьи руки нервно затеребили края свитка. – Что Ее Величество издало указ о сборе ополчения. Указ гласит, что не ранее, чем в срок десять дней народ должен поставить ополчение в десять тысяч голов.

Прослышав про указ, старейшины замолкли, переглядываясь друг с другом, ибо такой вести никто не ожидал. Затем стали раздаваться голоса, в которых смешались и страх, и растерянность и радость.

– Неужели война? – спросил упавшим голосом Гельвиг, старейшина бакалейщиков. Перестав поглаживать бороду, он смотрел на главу совета растерянным взглядом, ибо надеялся прожить остаток жизни в мире и покое.

– Просто так ополчение не созывают, – ответил за главу совета бритоголовый Ведран, сидевший рядом со стариком. Представляя Почетную компанию бронников, мужчина не скрывал радости, расточая улыбки по сторонам.

– Давно пора, – сказал бородач Азенур, старейшина оружейников, всегда и во всем поддерживающий Ведрана. – Война время от времени полезна, дабы люди не разучились держать меч в руках.

Переглянувшись, они ударили по рукам и расхохотались, не то от мысли о предстоящей наживе, не то от воспоминаний о тавернах и борделях, по которым они таскались по ночам.

– А за чей счет!? – заорал краснощекий толстяк Марлин, старейшина Почетной компании держателей таверн.

Вскочив с места под шум голосов, он устремил на старейшину Кирби недовольный взгляд, которым награждал его неоднократно. В стремлении пополнить казну, Городской совет шел настолько далеко, что вызывал головную боль у мясников, бакалейщиков, хлебопексов и держателей таверн, будто имел цель познать границы их терпения. Что до остальных, то в

силу богатства или нищеты они не испытывали неудобств от сумасбродных налогов. Купцы и суконщики, как того не желал народ Миддланда, не несли бремени налогов, ограничиваясь торговой пошлиной, а ростовщики и иже с ними оружейники, бронники и врачеватели и вовсе были освобождены от налогов, находясь на особом положении. Что до остальных, то они были настолько бедны, что нагружать их дополнительными налогами, было сродни желанию подоить быка.

– Да, за чей счет!? – поддержал широкоплечий Эдарт, старейшина мясников, вскочив вслед за Марлином.

– Что, снова за наш счет!? – возопил Марлин во все горло, чье лицо от нахлынувших воспоминаний побагровело, а через мгновение другое он схватился за сердце и бухнулся на свое место, устремив взгляд в щербатый потолок. Окунувшись в прошлое с головой, он вспомнил, какие налоги Городской совет ввел за последний год.

Налог на перевозку эля по дорогам Миддланда, вот первое, что пришло к нему на ум, от которого год назад он испытал неприятное ощущение холода. Довод старейшины Кирби, что «телеги с бочками эля приводят в негодность дороги», вызвал на его лице недоумение. Его слова, что «по дорогам столицы ездят не только телеги с бочками эля», пролетели мимо ушей большинства старейшин, посчитавших, что от держателей таверн не убудет.

Второе, что пришло на ум Марлина, так это налог за содержание таверны в торгово-ремесленных кварталах, принятый двумя месяцами позже. Если от первого налога он испытал ощущение холода, то от второго разродился безудержным смехом. Довод, что «торгово-ремесленные кварталы в отличие от кварталов Задницы мира, это богоизбранное место, а потому, они, держатели таверн, должны благодарить Богов, что находятся на богоизбранной земле», не мог вызвать ничего, кроме смеха. Слова Марлина о том, что «это богоизбранное место ничем не отличается от бедных кварталов, такое же грязное и смердящее», никого не взволновали.

И, наконец, двойной налог, взимаемый за ввоз и продажу хирамского эля в столице, принятый совсем недавно, вызвал у Марлина приступ бешенства. Если в первых двух случаях старейшина Кирби приводил хоть какие-то доводы, то в этом случае он и вовсе промолчал, сославшись на пустую казну. Слова Марлина, что «на ввоз в королевство напитка Богов существует таможенная пошлина», потонули в шуме голосов. Большинство совета проголосовало за налог, утверждая, что налоги, взимаемые с держателей таверн, несравнимы с их баснословными доходами.

– А вы что же молчите!? – возмутился Эдарт, бросив взгляд на Гельвига и его соседа, Хайнриха, смуглого мужчины, представляющего компанию хлебопек.

– А что я, я ничего, – ответил Хайнрих тихим голосом и опустил взгляд в пол, а старик Гельвиг и вовсе не удосужился ответить, продолжая пребывать в растерянности.

– А с кем война-то? – раздался еле слышный голос с верхнего яруса, принадлежащий дубильщику Фридану.

Обернувшись на голос, старейшины с удивлением посмотрели на задавшего вопрос, поняв, что в пылу споров они позабыли спросить имя врага.

– Да, против кого воюем!? – поддержал вопрос сосед по ярусу, бородач Айвин, представляющий компанию красильщиков.

– Всеу свое время! – поспешил Кирби с ответом.

– Как же так, собираем ополчение, и не знаем врага в лицо?

Шум голосов, последовавший за этим вопросом, в мгновение ока охватил средний и верхний ярусы.

– Могу сказать в добавление ко всему – половину средств на ополчение выделит Его Светлость, лорд Аддерли.

Услышав эти слова, старейшины переглянулись, ибо на их памяти такого прежде не случилось: ремонт дорог, очистка мостовых, содержание ополчения и многое-многое другое ложилось исключительно на плечи народа Миддланда и прочих городов королевства. Королевская казна, находившаяся в ведении лорда-казначей, содержала только королевское семейство, Королевский замок и Королевскую гвардию, и ничего более.

– С чего это лорд-казначей так расщедрился? – поинтересовался Марлин, придя в себя от столь неожиданной вести.

– Все просто, как божий день – лорд Аддерли понимает, что народ Миддланда не потянет всех расходов.

– Ты, наверное, хотел сказать, что это понимает Ее Величество?

– Да, я это и хотел сказать. Поскольку казна пуста, то мы, народ Миддланда, должны крепко подумать, откуда изыскать средства на ополчение.

– Сдается мне, – усмехнулся Марлин, обведя взглядом собрание старейшин. – Что дальше речь пойдет о новом налоге.

Беззаботность, гуляющая на лицах большинства старейшин, как уличная девка по ночному городу в поисках приключений на одно место, была знакома Марлину до боли.

– Посему, – продолжил Кирби, не обратив внимания на укол оппонента. – Прошу проголосовать за соляной налог, кто за, поднимите руки.

При этих словах Зал заседаний погрузился в тишину. То, о чем в стенах Таун-холла говорили не первый год, случилось – решение о введении соляного налога вынесли на голосование. Единственным, на кого не подействовали слова старейшины, оказался писарь. Отставив перо, он подцепил большим и указательным пальцами левой руки лист бумаги, лежащий поверх стопки бумаг, и деловито пробежался взглядом по тексту.

– Если проголосуем, – сказал Марлин, пробив стену оцепенения, словно топором. – То народ нас не поймет.

– Ты, как всегда, все преувеличиваешь, – проговорил Кирби. – Хотя, если хочешь, можем проголосовать и за чтонибудь другое.

Сказав это, он вперил в Марлина усталый взгляд, под тяжестью которого тот сник и уронил голову на грудь.

– Ну, что ж, пусть будет так, – с обреченностью в голосе произнес Марлин, подняв руку первым из старейшин.

Вслед за ним потянули руки и его соседи по среднему ярусу, тогда как верхний ярус их примеру не последовал. Что до старейшин нижнего яруса, то они, по своему обыкновению голосующие против среднего яруса, единогласно проголосовали за налог, дав ему необходимое большинство голосов.

– Кто против? – спросил Кирби.

Десять рук, взметнувшихся на верхнем ярусе, изменить уже ничего не могли.

– Так против кого война? – повторился Фридан.

– Так кто же его знает! – воскликнул Айвин в раздражении.

– Шестнадцать голосов за, семь против, – огласил Кирби итоги голосования. – Посему объявляю, народ Миддланда большинством голосов за решение о введении соляного налога.

Взяв перо и печать из рук писаря, подсунувшего указ ему под нос, старейшина заверил его и встал из-за стола, опершись на руку писаря. Спустившись с трибуны, он посеменил к выходу, расточая старейшинам поклоны. Те же, отвечая главе совета взаимностью, потянулись следом.

– Нынче что-то быстро управились, – обронил молочник, заведя старейшину Кирби на пороге Таун-холла.

– Эй, Кирби! – раздался насмешливый голос из толпы. – Ну как, решили, где будете ставить памятник Ее Величеству?

Как и в прошлый раз, эта шутка, принадлежавшая весельчаку, не нашла отклика. Не сподобившись на ответ, старейшина забрался в повозку и покатыл в сторону Задницы мира, в которой находилась большая часть из его сотни доходных домов. Уныние, в котором он пребывал последние полгода жизни, этим утром стало нестерпимым. Тому причиной были два десятка лудильщиков, проживающих в одном из переулков, примыкающих к суконному рынку. Скупив дома вокруг рынка, Кирби столкнулся с сопротивлением небольшой кучки горожан, не желающих ни продавать свои дома, ни обменивать их на дома в других кварталах. Если с одним можно было договориться, то вот договориться с толпой оказалось непосильной задачей. Этим утром Кирби услышал очередное «нет», и вдобавок ко всему был забросан камнями, как какой-то преступник. Оставалось одно – прибегнуть к помощи головорезов, коих можно было разыскать без особых усилий.

- Господам не до народа, – буркнул молочник.
- Так мы сами с усами! – усмехнулся толстяк.
- Усы, какие еще усы?
- Я хотел сказать – мы сами себе господа!
- С чего ты так решил?
- Мы их выбираем, разве мы не господа!?
- Скажи это кому ни будь другому, точно засмеет до смерти.

Тем временем, Таун-холл продолжал исторгать старейшин из собственного чрева одним за другим. Говоря в полголоса, они старались не задерживаться на месте и стремились убраться с площади как можно быстрее. Когда здание покинул последний из них, наступила тишина, продлившаяся совсем недолго, пока толпа не зашумела, ожидая оглашения решений совета. Однако писарь все не

появлялся, точно испытывал терпение толпы.

– Что, так никакого решения и не услышим? – спросил молочник.

– А мы сейчас у писаря и спросим, что к чему, – ответил усач и двинулся к парадному входу, увлекая за собой толпу.

– Именем народа Миддланда, – будничным голосом сказал один из стражей Таун-холла. – Соблюдайте порядок и законность.

– Мы народ Миддланда! – крикнул усач, выбросив руку в сторону толпы. – И мы вправе знать, что там слуги народа порешили!

– Подавайте писаря! – бросил молочник.

– Да-да, пускай огласит решение совета! – подхватил усач.

– Порядок и законность! – крикнули гвардейцы в один голос, скрестив алебарды и прижав к груди щиты.

Но, грозный вид стражей Таун-холла только раззадорил горожан. Подступая к дверям все ближе и ближе, они грозили кулаками и выкрикивали ругательства. Оставалось совсем немного, чтобы толпа ринулась на штурм здания, как тут послышался скрип дверей и народу явился писарь, сопровождаемый шестью гвардейцами.

– Народ... Миддланда, – неуверенно начал писарь, держа перед глазами указ Городского совета.

– Тихо! – заорал усач, обернувшись к толпе с поднятой рукой.

– Мы... члены Городского совета... верные слуги народа Миддланда, постановили, что не далее, чем в срок десять дней народ Миддланда, во исполнение Указа Ее Величества, должен поставить короне ополчение в десять тысяч голов...

– Война? – встревожился молочник.

– Похоже на то, – ответил усач.

– И поскольку, – продолжил писарь. – Городская казна не обладает средствами, столь необходимыми для выполнения указа Ее Величества в должный срок, то Городской совет

постановил с сего дня ввести соляной налог, коим облагаются все горожане в возрасте от десяти до пятидесяти лет...

– Вот учудили, так учудили, – пробурчал усач под ропот толпы.

– А как же дороги? – спросил молочник, растерянно посмотрев по сторонам. – У меня от дороги молоко киснет.

– Со своей стороны корона обязуется, – добавил писарь, сворачивая указ в трубочку. – Что половину расходов на ополчение возьмет на себя Королевская казна.

Сказав это, писарь сглотнул слюну, развернулся на месте и растворился в дверях. Что до горожан, то они пошумели-пошумели, да

разошлись, неся в народ свежие вести.

КАЛУМ

– Ты там случаем не помер? – спросил Калум, посмотрев с улыбкой на королевское дитя.

С тех самых пор, как они покинули Миддланд, они сделали не одну остановку, давая отдых коню. К его радости, младенец, не издавший за весь путь ни звука, нисколько его не беспокоил. Вот и на этот раз, открыв глаза, тот посмотрел на Калума улыбающимся взглядом, а затем зевнул и снова заснул.

«Воистину Бланчестер, – подумал Калум. – С таким спутником он легко преодолеет путь до Гритривера³⁰».

Подумав о реке, он помрачнел, ибо по ту сторону реки находились степняки – истинные хозяева южных земель Соутланда. Мотнув головой, словно отгоняя неприятные мысли, Калум подстегнул коня и понесся к таверне «Два пескаря», до которой оставалось не больше полумили. Правда, уже вскоре он услышал крики, донесшиеся со стороны пшеничного поля.

– Отец! Отец! Отец!.. – кричал мальчишка лет семи-восьми, бегая вокруг крестьянина, вооруженного палкой.

– Получай гад! Получай! А вот тебя! Вот тебя!.. – дико орал крестьянин, нанося удары по земле, отскакивая и снова бросаясь на землю.

– Отец – сзади!

– Ах-х-х же ты дрянь эдакая, – со злостью протянул крестьянин, обернувшись и нанеся несколько ударов по земле.

Завидев столь странную картину, Калум не удержался и съехал с тракта.

– О, Боги! – вскричал крестьянин, замахав руками на Калума. – Ни шагу вперед! Они... они повсюду.

– Эй, дурак, кто они!? – крикнул Калум в ответ, остановив коня.

– Они, – выдохнул крестьянин и уперся руками в колени.

Его дыхание было частым, с присвистом, будто он преодолел не близкий путь. Как Калум не старался, он не мог разглядеть на его теле ни единой царапины, хотя его рубаха была в крови.

– Эй, малой, может, ты скажешь!? – обратился Калум к крестьянскому сыну.

– Змеи, господин, – прошептал мальчик, исходя мелкой дрожью. – Они... они повсюду.

В последнее время Калум не раз слышал, что поля к югу от Миддланда заполонили змеи. Вести о том, что от змеиных укусов гибли десятки, а то и сотни крестьян, были столь неутешительные, что мало кто отваживался выходить за пределы Миддланда, если на то не было особой нужды. Одну из таких историй он услышал от Клодии, понесшей тяжелую утрату. Как не силился, Калум не мог понять, зачем она рассказала ему про гибель отца. Помнил только, как получая очередной приказ королевы, он впервые увидел Клодию, чей смущенный взгляд оказался красноречивее всяких слов. Про себя же он отметил, что служанка весьма недурна собой.

– Змеи? – улыбнулся Калум и подстегнул коня. – Не змей надо бояться...

Не договорив, он резко остановил коня, узрев настоящее побоище. Посередине истоптанного куса поля стоял крестьянин, вокруг которого лежала груда змеиных тел. В сторонке, в десяти-двенадцати шагах от места побоища виднелась узкая борозда, исчезающая в высокой пшенице.

– Господин, ступайте куда ехали, а мне не мешайте.

Всучив палку сыну, крестьянин выпрямился, посмотрел на него недобрый взглядом, подобрал мотыгу и прошел к борозде, продолжив ранее начатое дело.

³⁰ Гритривер – Большая река; пересекает Соутланд с запада на восток.

– А ты дерзок, крестьянин.

– Если хотите наказать – наказывайте. Если хотите убить – убивайте... все равно мы не жилицы.

Сплюнув, Калум направил коня к крестьянину, мимоходом бросив взгляд на крестьянского сына.

– А сына, стало быть, сиротой оставишь?

Отставив мотыгу, крестьянин выпрямился и посмотрел на Калума взглядом, полным горечи.

– Если вам не все равно, угодно ли господину проявить милосердие к моему сыну?

– О каком милосердии ты просишь?

– Убейте сына вслед за мной – что одним, что двумя, от вас не убудет, господин.

– Дурак, это милосердие не по мне! Ответь-ка лучше, что ты задумал?

– Забор хочу поставить, а то от змей никакого спасу.

– Мой тебе совет – как увидишь в небе Западную звезду, ноги в руки и прочь из королевства!

– Господин, вы про нечисть из пророчества?

– Про нее самую.

– Эх, куда ж бежать-то!? – усмехнулся крестьянин, обведя рукой бескрайние поля пшеницы.

– Куда бегут люди, туда и ты беги.

– Господин, здесь мой дом, и здесь могилы моих предков.

– Ну, что ж, тогда Боги тебе в помощь.

Бросив последний взгляд на крестьянского сына, судорожно сжимающего в руках палку, Калум повернул коня к тракту. Быстро преодолев расстояние в несколько сотен шагов, Калум добрался до таверны «Два пескаря», первого на его пути питейного заведения. Двухэтажная, с мастерской и небольшой конюшней, рассчитанной на пяток лошадей, она ничем особым не выделялась, разве что отменными карасями, да Рыжебородым стражем. Так прозывали глубокого старика, в любую погоду восседавшего на стуле перед входом в таверну. Высокий, с пожелтевшей от времени бородой до пят, с изможденным лицом и тусклым взглядом серых глаз, старик создавал гнетущее впечатление на любого, кто объявлялся на пороге таверны. И, каждого ждал один и тот же вопрос: «Живой или мертвый?» Люди суеверные, видя ничего не выражающий взгляд старика и устремленный в них узловатый палец, от такого вопроса содрогались. Кто бросал монетку, дабы умиловить старика, кто прибавлял ходу, содрогаясь телом от одного вида старика. Были и такие, кто считал старика сумасшедшим, и потому не обращали на него никакого внимания. Калум, не раз пересекавший тракт, не относился ни к тем, ни к другим.

– Живой или мертвый? – спросил старик, заведя Калума у калитки.

– Живой, пока в пути, – ответил Калум, отворив калитку.

– Но что будет завтра?

– Дожить бы этот день, старик, а завтра будет видно.

Засунув руку в карман штанин, Калум выудил пенс и вложил его в руку старика.

– Если хочешь жить, сынок, держись тракта стороной, – сказал старик отстраненным голосом.

Ничего не ответив, Калум толкнул дверь и вошел в таверну, сразу же направившись к столу возле окна.

– Хозяин! – крикнул он, положив младенца на скамью.

– Да, господин! – подскочил хозяин. – Что изволите? Эль, конину, карасей... о, да, конечно же, карасей! Эх я дурак, коль такие вопросы задаю! Ведь моя таверна славится карасями, да столь отменными, что вы просто пальчики оближите и...

– Ты много говоришь, – оборвал Калум хозяина. – Там, откуда я родом, таких, как ты, в один раз лишают языка.

Услышав про язык, хозяин побледнел, став одного цвета с полотенцем, висящим на его руке.

– Господин! – взмолился хозяин, сложив ладони. – Не лишайте языка, Богами заклинаю!

– Дурак, мне твой язык ни к чему! Я только сказал, как в моих родных местах поступают с теми, кто слишком говорлив.

– Хвала Богам! – вскричал хозяин, воздев руки к потолку.

Отдав должное Богам, он вперил в клиента взгляд побитой собаки, напрочь позабыв о своих обязанностях.

– Ну, чего стоишь столбом!? Дай эля, хлеба и... этих, своих карасей, и более ни слова! И еще молока подай, коровьего, а лучше козьего.

– Да, мой господин, конечно господин, – услужливо закивал хозяин и кинулся выполнять приказ.

Покончив с трапезой, Калум напоил младенца молоком и неспешно покинул таверну, заметив на выходе двух женщин в серых одеяниях. Сидя за столом, они о чем-то шептались, то и дело, бросая взгляды на прочих гостей таверны. Та, что была черноволосой, сжимала руку старухе, которой на вид было то ли пятьдесят, то ли шестьдесят лет от роду. Проходя мимо Рыжебородого стража, Калум услышал в спину бормотанье про завтрашний день и про то, что следует сторониться тракта. Посмотрев на пегую лошадь, привязанную к забору, он оседлал коня и выехал на тракт, продолжив путь на юг.

БРАТЯ САВЬЕР

– Есть, кто живой! – крикнул Анри, постучав кулаком в дверь борделя «Две стрелы». Голоса, стук молотка и шум передвигаемой мебели, доносившиеся из-за двери, на мгновение стихли.

– Кто там!?

– Мы там!

Раздался шум отворяемого засова и на пороге объявился Силас.

– Рад вас...

– Почему двери закрыты? – огорошил Анри вопросом, не дав Силасу договорить.

Отстранив его могучей рукой, Анри вошел в бордель, а следом за ним Арьен.

– Или ты гостям не рад? – осклабился Арьен.

– Простите великодушно, господа, у нас случился небольшой ремонт, – с заискиванием в голосе ответил Силас, узнав в клиентах братьев Савьер.

Словно в подтверждение его слов у дверей возник плотник, в руках которого был громоздкий ящик с плотницкими инструментами.

– Хозяин, я могу идти? – спросил плотник.

– Проваливай, – бросил Силас, придерживая дверь.

Закрыв этим утром бордель, он ничем другим не занимался, как заставлял шлюх прибирать дом, а плотника подгонял с починкой половиц.

– Хозяин, ты забыл мне заплатить.

– У меня нет ни пенса, приходи завтра.

– Как же так, ты же обещал!

– Ты же, я же, весь день возился с дюжиной половиц!

Вытолкнув плотника наружу, Силас затворил дверь, обернулся и одарил улыбкой клиентов, восседающих за столом по центру гостиной.

– А где хозяйка? – поинтересовался Анри.

Посмотрев на свежие половицы у окна, Силас на мгновение взгрустнул, а затем просветлел и щелкнул пальцами.

– К моему сожалению, – ответил он. – Хозяйка, госпожа Делиз, этим утром покинула нас... так сказать, ушла в мир иной, да упокоится ее душа с миром.

– Хочешь сказать, паскуда сдохла?

– Если вам угодно, господин.

Появившись из подсобки, Сельма проковыляла к столу гостей, неся на подносе кусок сыра, пшеничный хлеб и четыре кружки эля.

– Поди, ты безмерно счастлив, – ухмыльнулся Анри, отпив глоток из кружки и сморщив лицо так, будто надкусил лимон.

– А не угодно ли господам развлечься? – спросил Силас, поспешив перейти на другую тему.

– Как же не угодно, угодно, – ответил Арьен.

– Да погоди ты! – вскричал Анри. – Скажи-ка лучше, как хозяйка-то издохла?

– Провалилась в подвал, господин.

– Ну, братец, гони шиллинг! – воскликнул Анри, хлопнув брата по плечу, от чего тот поперхнулся и пролил на себя эль.

Как и прочие завсегдатаи борделя «Две стрелы», они делали ставки на то, какой конец ожидает госпожу Делиз. И, Анри не прогадал, однажды поспорив с братом на шиллинг, что хозяйка найдет собственный конец в подвале борделя.

– Это всего лишь удача, – хмыкнул Арьен и полез во внутренний карман куртки, откуда извлек серебряную монету и бросил ее на стол.

Звякнув, монета подскочила и завертелась волчком, наматывая незамысловатые круги.

– Так как, господам угодно развлечься? – повторился Силас.

– Какой же дурак откажется от девочек! – ответил Арьен.

Отставив кружку, он подвинулся на край скамьи и поднялся из-за стола. Анри же, хлопнув ладонью по столу, прервал танец монеты и взялся за вторую кружку.

– Прошу за мной, господин, – услужливо произнес Силас, забегая вперед.

– Мне не нужен поводырь, – пробурчал Арьен.

– Как пожелаете, господин, – сказал Силас, кивнув и отойдя в сторону.

Проводив взглядом младшего из братьев, тяжело, точно нехотя, поднявшегося по лестнице, он воротился к Анри, уже допивавшим третью кружку эля.

– Эй, как там тебя, – проговорил Анри, еле ворочая языком.

– Силас, господин.

– Откуда такое отвратное пойло? Я такого дерьма сродни не...

Не договорив, Анри уронил голову на стол и задремал, сотрясая гостиную храпом.

– Откуда, откуда, да все оттуда!

Силас неоднократно слышал подобные упреки, что эль в их заведении это вовсе и не эль, а сущее дерьмо или того похуже – ослиная моча. Да, соглашался он про себя – полное дерьмо – и сам он не раз говорил об этом хозяйке. Но, та его будто не слышала, каждый раз ссылаясь на отсутствие средств на покупку хирамского эля.

«Но, дайте мне только месяц, – подумал Силас. – И я завалю весь Миддланд хирамским элем. Все узнают, на что горазд господин Силас, не в пример госпоже Делиз. Да что там, я завалю столицу лучшими шлюхами, что могут сыскаться во всем Хираме!»

Вспомнив о Хираме, он улыбнулся, а через мгновение другое его

посетило тревожное чувство, что в борделе как-то слишком тихо. Оглядевшись, он ничего странного не приметил: мирно похрапывающий за столом Анри, да колченогая шлюха у окна, старательно натирающая полотенцем тарелку.

– Что с вами, хозяин? – спросила Сельма, обнажив в улыбке белоснежные зубы.

Подброшенная в бордель еще ребенком, она не знала иного дома, кроме борделя госпожи Делиз, которую почитала за родную мать. Та же имела к ней двойное чувство, отвечая как материнской любовью, так и желанием поиметь с уродства Сельмы, подкладывая ее под клиентов, не чуряющихся хромоногих девиц.

– Сельма, слышишь это?

– Я ничего не..., – ответила было Сельма, и закусила язык, поймав устремленный на нее сердитый взгляд.

Посмотрев в сторону лестницы, Силас пересек гостиную и поднял голову, дабы убедиться, что ему не показалось. И, к его ужасу, ему не показалось – от гробовой тишины, стоявшей на втором этаже, у него кровь в жилах застыла, а волосы встали дыбом. Правда, в этом состоянии Силас пробыл недолго, ибо его внимание отвлекло мерное назойливое жужжание. Повернув голову, он узрел жирную зеленую муху, вылетевшую из-под лестницы. Следом за ней показалась пара мух, за ними еще и еще, пока гостиная не оказалась во власти крылатого воинства. Издавая мерзкое жужжание, мухи витали над столами в поисках еды и питья, а те, что понаглее, так и норовили залезть в нос и в уши.

– Ах, же ты зараза, – проворчал Силас, догадавшись, откуда взялось столько мух.

Заглянув под лестницу, он обнаружил причину – порог дверцы, ведущей в подвал. Недолго думая, он схватился за дверную ручку и рванул ее на себя, как в тот же миг был атакован роем мух. Следом потянуло сладковатым смрадом, от чего у него засвербело в носу. Закрыв нос, он кинулся прочь от дверцы и столкнулся лицом к лицу с Арьеном. Сельма, узрев клиента, икнула и обронила тарелку.

– Господин? – изумился Силас, чьи самые худшие опасения только подтвердились.

Измазанный кровью с головы до ног, Арьен держал в одной руке нож, а в другой голову рыжеволосой шлюхи с разрезанным от уха до уха ртом.

– А шлюхи-то, твои, никчемные, – обронил Арьен и пырнул

Силаса в живот.

Упиваясь ужасом в глазах жертвы, Арьен провернул нож с таким удовольствием, с каким проворачивают кабанину, насаженную на вертел. Издав глубокий вздох, Силас содрогнулся и повалился на залитый кровью пол. Корчась от боли, он судорожно хватал собственные кишки, вываливающиеся наружу. Холод смерти, про который он много раз слышал, принимал его в свои объятия. Довольно скоро его конечности окоченели, и он не мог пошевелить и пальцем. Жирные мухи, бесцеремонно сновавшие по его телу, ныряли во все щели, куда можно было только пролезть. Последнее, что Силас узрел перед кончиной, это как Арьен схватил Сельму за шею, поднеся нож к ее рту. Закрыв глаза, он провалился в темноту, а вместе с ним ушла и мечта о величии борделя «Две стрелы».

– Ну же, будь хорошей девочкой, – прошептал Арьен на ухо Сельме. – Не бойся меня, я хочу тебя сделать счастливой.

Ослабившись, он принялся кромсать шлюхе рот, будто пилил дрова. Гостиная наполнилась воплем Сельмы, а мухи в ужасе разлетелись в стороны.

– Ах ты, сука! – вскричал Арьен и полоснул ножом по языку жертвы, от чего та еще пуще заверещала, брызжа кровью.

– Ты что делаешь, ублюдок?! – заорал Анри, очнувшись от крика шлюхи.

– А ты не знаешь? – огрызнулся Арьен, старательно выкорчевывая язык у жертвы. – Делаю человека...

Не договорив, он одним ударом кулака был сбит с ног и отлетел от окна.

– Если кому скажешь, что здесь произошло, – сказал Анри, глядя в глаза Сельмы. – Я тебя найду и довершу дело брата, все поняла?

– Ммм..., – замычала Сельма, держась руками за окровавленный рот.

– Пошла вон.

Метнувшись к выходу, Сельма рывком открыла дверь и выпорхнула наружу. Оглядев гостиную, Анри вышел следом и, убедившись, что снаружи никого нет, вернулся в дом и вытащил на крыльцо Арьена, а после обошел бордель и привел из конюшни двух коней. Взвалив братца на одного из них, Анри привязал его к задней луке седла своего коня и в спешке покинул бордель. Преодолев полусотню шагов, он в нерешительности остановился у путевого столба, не зная, куда держать путь.

– Я такого от тебя не ожидал, – проговорил Арьен, придя в себя.

Мотнув головой, он уселся в седле и вперил взгляд в затылок Анри, точно хотел его проткнуть.

– Я сам того не ожидал, – отозвался Анри.

Сколько он себя помнил, он ни разу не поднимал руку на брата, и другим не позволял этого делать. И вот, это случилось. Боль за Арьена, за то, во что он превратился по его вине, он носил в своем сердце всю жизнь. Теперь же он ощущал, как его сердце разрывается на части.

– И все ради какой-то шлюхи.

– Прости меня, если сможешь.

– Эх, да что там, – выдохнул Арьен, отведя взгляд в сторону.

Выдержав паузу, Анри посмотрел на солнце, быстро клонящееся к горизонту, подстегнул коня и двинулся на юг.

– Почему на юг? – поинтересовался Арьен.

– А ты пораскинь мозгами.

– Я бы на их месте в Вестхарбор подался – два дня пути, сел на корабль и попутный ветер в помощь.

– Калум, если он всему голова, вовсе не дурак – в Вестхарборе полно шпионов, а в Соутланде можно затеряться.

Анри знал, о чем говорил, ибо Королевский тракт, соединяющий Миддланд с южным побережьем Соутланда, представлял собой дорогу длиной в четыреста двадцать пять миль. Первые двести пятьдесят три мили тракт шел по прямой линии, соседствуя с лесами и полями, убегаящими на запад и восток на две-три сотни миль. На западе земля Соутланда упиралась в Скалистые берега, за которыми лежало Западное море, известное своей непредсказуемостью. На востоке простирались леса Грин Каунтри, за которыми плескалось Море слез, окаймленное пятью большими островами. Внешне спокойное, Море слез вблизи восточного побережья Соутланда было неистовым, предпринимая бесконечные атаки на крутые берега Соутланда. Лишь только ближе к устью Гритривера море и суша приходили к согласию: береговая линия, изрезанная бесчисленными бухтами, давала волю морским водам, вдающимся глубоко на территорию Соутланда. Второй отрезок тракта начинался у Форта короля Аргуса, построенного завоевателем Соутланда на берегу Гритривера – широкой и бурной реки, берущей начало в отрогах Скалистых берегов. Имея протяженность в двенадцать миль, эта часть тракта шла с запада на восток вдоль северного берега Гритривера, и заканчивалась у горбатого моста, что в двух милях к югу от Соутхиллса. Что до третьего отрезка Королевского тракта, то начинался он за мостом и далее шел по прямой линии, до самого южного побережья Соутланда. Эту часть тракта, имеющую протяженность в сто шестьдесят миль, называли не иначе, как Пустынной дорогой, ибо земли за Гритривером не отличались ни буйной растительностью, ни богатством дичи, ни удобствами к жизни, к которым так привыкли люди, живущие к северу от реки. Правый берег Гритривера, богатый рыбой и зеленью, через пару-тройку миль переходил в степи и полупустыни, местами изрезанных ручейками, зачастую пересыхающими в жаркие дни лета. За двадцать-тридцать миль до южного побережья, омываемого водами двух морей, начиналась пустыня Соутланда.

– А если они подались в Нортланд?

– В эту глухую дыру? – улыбнулся Анри. – Не смей меня, братец.

– Гэвин из Нортланда, – сказал Арьен с обидой в голосе.

– Гэвин не дурак, чтобы послушаться приказа королевы, а вот Калум...

УИЗЛИ

– П-о-о-о-сторони-и-сь! – прокричал зычным голосом бородач, восседавший на телеге, полной корзин с рыбой.

Толпа, сквозь которую пробиралась телега, расступалась не столь охотно, как того хотелось бородачу. То здесь, то там раздавались недовольные возгласы, что, мол, не в тот час он собрался на рынок. Народ, еще с утра стремившийся в верхнюю часть Миддланда, ближе к сумеркам устремился в обратном направлении, уподобляясь отбойному течению в прибрежной полосе. Впрочем, ему было все нипочем.

– Эй, смотри куда идешь! – крикнул бородач, остановив лошадь перед самым носом Уизли.

Не замечая людей, тот медленно брел по улице, напоминая человека, идущего на казнь: понурая голова, взгляд, опущенный в пол и медленная, неуверенная походка, словно он оттягивал конец своего жизненного пути. Уткнувшись лицом в лошадиную морду, Уизли услышал запах гнилой рыбы, а подняв взгляд, узрел большие

грустные глаза.

– Эй, дубина, прочь с дороги! – крикнул бородач, угрожающе поигрывая кнутом, но Уизли, точно его не слышал, продолжая смотреть в глаза лошади.

– Я вот тебе, – пробурчал бородач и замахнулся на Уизли, как тут же осекся, поймав пустой взгляд незнакомца.

Осадив бородача, Уизли потербил лошадь за ухом и отступил в сторону.

– Так-то лучше, – буркнул бородач и от всей души прошелся кнутом по спине лошади.

Издав недовольное ржание, лошадь дернулась и последовала дальше, а Уизли продолжил путь к отчему дому, до которого оставалось совсем немного. Посматривая на быстро убывающее солнце, он с каждым шагом прибавлял ходу, пока не оказался на Концевой улице.

– Прости, отец, – прошептал Уизли, остановившись напротив единственного окна, из которого часами любил смотреть на улицу.

Вздыхнув, он развернулся и зашагал в сторону борделя «Две стрелы». Зайти в отчий дом Уизли, как того не желал, не решился, боясь посмотреть в глаза отца. Он прекрасно понимал, что больше его не увидит, ибо за убийство полагалась виселица. Оказавшись напротив черного входа в бордель, Уизли остановился, почуяв неладное.

«Странное дело, – мелькнуло в его голове. – В борделе тихо, будто день с ночью поменялись местами».

Обойдя бордель, он оказался у забора, за которым простиралось красное море из цветов. Не успев насладиться этой красотой, Уизли увидел, как из парадного входа выбежала женщина, а вслед за ней появился мужчина огромных размеров. Оглядевшись, он воротился в дом и вскоре снова появился, неся на плече тощего, неказистого на вид мужчину. Затем, тот, что побольше, привел из конюшни двух коней, взвалил другого на одного из них и помчался в сторону Королевского тракта.

«Что-то здесь не чистое», – подумал Уизли и прокрался к калитке борделя.

Отворив ее, он пробрался в сад никем незамеченным, благо, вокруг не было ни единой души. Впрочем, уже вскоре послышались голоса.

– Слышал про хозяйку?

– А как же, про ублюдка, выброшенного из окна только ленивый не говорит!

– Да нет же, я говорю про то, как хозяйка померла!

– А я знал, что этим все закончится.

Завидев у забора двоих незнакомцев, Уизли вздрогнул, ощутив себя вором, пойманным за руку. Правда, он довольно быстро справился с волнением и двинулся им навстречу, ибо что-то ему подсказывало, что в бордель не стоит совать нос.

– Ты-ы-ы посмотри, какой красавец, – проговорил один из незнакомцев, кивнув в сторону Уизли.

Толкнув калитку, он вошел во двор борделя и встал как вкопанный, перегородив Уизли дорогу. Уткнувшись в широкую грудь незнакомца, Уизли попытался обойти его, как уперся в его лысого приятеля.

– Эй, куда же ты бежишь!? – вскричал тот, схватив Уизли за локоть. – Не хочешь провести вечер с двумя достойными господами?

– Пойди прочь! – огрызнулся Уизли и попытался вырвать руку.

– А он мне нравится.

– И мне, – ослабил усач и небрежно схватил Уизли за талию.

Наклонившись, он сложил губы в трубочку и потянулся к его лицу.

– Ну же, давай поговорим, – прошептал он, одарив Уизли жарким дыханием.

– Давай, я не против, – процедил Уизли.

Лицо усача побледнело, будто оно было отдано комарам на откуп. Ощутив жжение внизу живота, он склонил голову и узрел рукоятку от ножа.

– О, Боже, – прошептал он и сделал шаг в сторону, окропив дорожку кровью, а затем пал как подкошенный.

– О, Боги! – вскричал его приятель и бросился в бордель со всех ног.

– Эй, а поговорить!? – бросил Уизли вдогонку.

Не получив ответа, он засунул нож за пояс, перешагнул через труп и неспешно, будто ничего и не совершал, покинул двор борделя. Оказавшись у путевого столба, Уизли без раздумий повернул направо, на плохо вымощенную дорогу, ведущую к Рогатому заливу и Скалистым берегам.

Как и тринадцать лет тому назад, когда он в первый и единственный раз посетил с отцом южный берег Рогатого залива, его путь пролегал среди полей и холмов, за которыми буйствовали воды залива. Заход солнца, заставший его в дороге, показался ему зловещим. Облачившись в кроваво-пурпурное одеяние, небо походило на тело, истекающее кровью. Бредя по безлюдной дороге, Уизли не слышал ни лая собак, ни крика чаек, ни ругательств запозднившихся путников, спотыкающихся на неровной дороге. Он ничего этого не слышал, точно все вокруг вымерло – только голос ветра и шум собственных шагов.

– Жаль, отец, что ты этого не слышишь, – пробормотал Уизли, попытавшись развеять гнетущую тишину.

Сорвав с лица платок, он вдохнул соленого воздуха и ускорил шаг, вглядываясь в темнеющий горизонт. Всякий, кто ходил по этой дороге, знал, что до Зеленых валунов, откуда дорога сворачивает в сторону Скалистых берегов, пять часов ходу. Уизли помнил ту ночь, когда они с отцом добрались до валунов, сплошь покрытых мхом, как протиснулись между ними и взяли вправо, с трудом преодолев две сотни шагов по крутому склону холма, но, оно того стоило. Черная полоса горизонта, у которой сливались небо и море – он ничего прекрасного в жизни никогда не видел. Не мог он оторвать взгляда и от огней, выхватывающих из темноты силуэт огненной саламандры. И от огоньков в крестьянских домах, походящих на светлячков. Все это он помнил как сейчас.

– Отец, ты как-то сказал, что здесь ты потерял свою жизнь, а со мной снова обрел себя. Как знать, отец, может, здесь я обрету себя, как ты считаешь?

Не услышав ответа, Уизли остановился и посмотрел на небо: блеклая луна, лишенная свиты, казалась одинокой, как и он посреди пустынной дороги.

– Прости отец, ты, небось, уже ко снуходишь, а я тут лезу с вопросами?

Взъерошив волосы, он улыбнулся и поспешил дальше, навстречу новой жизни.

ТАРМИСА

– Похоже, ночь будет холодной, – устало произнесла Тармиса, поеживаясь от холода.

Не услышав ответа, она бросила взгляд через плечо и узрела

спящую попутчицу. Сидя позади, тетушка Мэй держалась за ее талию, покачиваясь при каждом шаге кобылы. Покинув на рассвете пределы Миддланда, обе женщины пробыли в пути весь день. Перекусив перед заходом солнца в «Двух пескрях», они опрометчиво пустились в путь, невзирая на опасности, которые таила в себе ночная пустынная дорога.

– Тетушка, тебе не холодно? – спросила Тармиса, не желая слушать пение цикад и собственное сердцебиение.

Не услышав ответа и на этот раз, она вздохнула и посмотрела на ночное небо: полная луна, стоящая высоко в небе, мерцала бледным ликом, находясь в окружении россыпи звезд. Еле различимые, они были далекими и чужими, не такими, как звезды в ночном небе Гланвилла. Погрустнев от мысли о родном крае, Тармиса издала глубокий вздох, как ее внимание привлекла кровавая звезда, объявившаяся в западной части небосклона. Быстро поднимаясь над линией горизонта, звезда походила на уголек: то исчезая, то появляясь, она мерцала и увеличивалась в размерах, несясь навстречу луне.

– О, Боги, какая же красота.

Улыбнувшись, Тармиса обернулась к старухе, дабы поделиться с ней впечатлением, как по ее лицу пробежала тень тревоги: цикады, до сих пор оглушавшие округу звонким пением, вдруг замолкли, а ее сердце, напротив, забилося сильнее, уподобляясь свободолюбивой птице, заключенной в клетку. Темный горизонт исчез в густой пелене, сквозь которую не мог проникнуть ни взгляд, ни острое клинка. Холод уже не знал пощады, ибо пронизывал до костей, словно это был вовсе и не Королевский тракт, а морской берег Нортланда, обуреваемый ледяными ветрами. Проникая сквозь плотные шерстяные одежды, он ложился на кожу толстой коркой, обжигая, точно пламя в очаге. Кровавая звезда, так внезапно взошедшая в небе, встала над луной и засияла пуще прежнего, отбрасывая пульсирующие лучи. Но, это было только началом. Раздались отдаленные, еле уловимые голоса, будто их произносили на последнем издыхании. Так взывают истекающие кровью воины, прося о смерти на поле брани, дабы не оказаться добычей падальщиков.

– Тетушка, ты это слышишь?

– Я тебя-то с трудом слышу, а что вокруг, и подавно, – проворчала тетушка Мэй, издав громкий зевок. – Ох, и зачем я тебя послушалась, сидела бы себе в борделе, чем не жизнь!

Узнав о кончине госпожи Делиз, они, как и прочие обитатели борделя, встали перед выбором – остаться и продолжать жить во грехе, или избрать иной путь жизни, свободный от греха. Обронив пару слов о своем благородном происхождении, Тармиса уговорила старуху покинуть родной город и составить ей компанию, дескать, благонравной даме не место в доме грехов, и что она сумеет ей обеспечить достойную старость. Падкая на лесть, старуха перед такими словами не устояла, хотя и пребывала в больших сомнениях.

– Не ворчи, тетушка, ты лучше послушай.

Голоса, до того еле уловимые, стали ближе, а вместе с ними ближе стала и пелена, походившая на клубящийся туман.

– О, Боги! – воскликнула тетушка Мэй.

Узрев звезду в небе, она содрогнулась, словно перед ее очами предстало привидение: суровое морщинистое лицо старухи стало бледным, мало чем отличаясь от ее белого чепца.

– Слышишь? – спросила Тармиса, ощущая, как холод сводит ее скулы.

– Дыхание мертвецов, – прошептала тетушка Мэй, прижавшись к Тармисе плотнее.

Ухмыльнувшись, Тармиса остановила лошадь и посмотрела на старуху с укоризной во взгляде: она знала о пророчестве, но, как и многие прочие, в него не верила, полагая, что обступивший их холод не что иное, как предтеча близкой осени. На ее удивление туман, находившийся в сотне шагов от них, то же остановился, будто кто-то незримый управлял им. Голоса замолкли, но через мгновение другое снова наполнило округу, но это уже были не голоса воинов, молящих о смерти, а голоса воинов, рвущихся в бой. Помимо голосов и криков слышались стон и плач, выворачивающие душу наизнанку: точно острыми коготками они рвали ее на части, бросая клочки на грязную дорогу.

– Надо уходить с дороги, – сказала Тармиса.

Не дожидаясь ответа старухи, она взяла вправо и погнала лошадь к дубу, одиноко стоящему посреди поля. Туман же, подобно гончей, последовал за ними.

– Только бы не подвела, только бы не подвела, – пробурчала Тармиса, ощущая за спиной жестокий холод.

– А я говорила, что двум дамам не место на дороге, – проворчала старуха, не находя в себе мужества, чтобы обернуться.

– Двум дамам не место в доме греха!

– Оно может и так, но там тебе и кусок хлеба, и тарелка супа!

– Ну-ну, и шлюхи задницами виляют!

– Такова жизнь, Тармиса.

– Жизнь не жизнь, не тебе мне о том говорить!

– От чего же?

– От того, что ты не видела себя...

Не успев договорить, Тармиса охнула и вместе со старухой перелетела через голову лошади. Остановившись, как вкопанная, лошадь взбрыкнула, огласила округу ржанием и умчалась прочь. Последнее, что Тармиса услышала перед тем, как лишиться чувств, так это прерывистое дыхание тетушки Мэй и шелест в высокой траве.

БРАТЯ САВЬЕР

– Анри, у тебя есть что пожрать? – спросил Арьен, вслушиваясь в пение цикад.

– Я уже отвечал, – ответил Анри, у которого зуб на зуб не попадал.

Озноб, бывший мелкой дробью, не давал ему покоя последние полчаса.

– Холодно?

– А по мне не видно?

– У тебя, брат, холодная кровь, вот ты и мерзнешь, – глубокомысленно заметил Арьен.

– Зато у тебя горячая кровь!

– Я, брат, не мог поступить иначе. Та рыжеволосая шлюха оказалась уж больно дерзкой, вот я ее и наказал.

– А зачем других-то порезал?

– Ну, как же, брат, сам знаешь, никаких свидетелей! Так у тебя есть что пожрать?

Покинув в спешке бордель госпожи Делиз, Анри позабыл захватить провизию, о которой вспомнил только в дороге. Не сопутствовала им удача и на самом тракте, на котором им встречались то караваны, то паломники, бредущие к Храму Хептосида, и ни одного одинокого путника.

– У меня ничего нет.

– Плохо, брат, очень плохо. У меня чувство, что живот к спине прилип.

Будто в подтверждение его слов, нутро Арьена заурчало, уподобившись недовольному коту.

– Эх, братец-братец, – сказал Анри, остановив коня. – Тебе бы хорошо поддать, чтобы раз и навсегда выбить из твоей башки всю дурь.

– Что, снова ударишь? – съязвил Арьен. – А может того, ножом по глотке и концы в воду?

Вытащив нож из-за пояса, он протянул его брату, затаив в уголках рта злобную ухмылку.

– Дурак, – бросил Анри и сплюнул на дорогу.

– Ага, кишка тонка!? – усмехнулся Арьен, скорчив презрительную гримасу.

Соскочив с коня, он уселся на дорогу и пару раз ковырнул ножом, попытавшись выкорчевать известь между плитами. Впрочем, из этой затеи ничего не вышло: Королевский тракт казался прочным и незыблемым, как Срединное королевство, существующее вот уже тысячу лет со дня основания дома Бланчестеров.

– Ты что, умом тронулся?

– Устал я, сил больше нет смотреть на эту дорогу!

– А я, стало быть, не устал?

– А с чего тебе уставать-то, брат?

– Как же, братец, а не я ли за тобой везде прибираю!?

– Скажи еще, что подтираешь за мной! – ухмыльнулся Арьен.

– Ах, вон ты как заговорил, – сказал Анри, вытаскивая ногу из стремени.

– Ты это слышишь? – обеспокоился Арьен.

– Ты чего?

– Да я ничего, ты просто слушай!

– Ничего я не слышу.

– Как же не слышишь, а тишину!?

Точно сговорившись, цикады перестали голосить, а следом послышались голоса, тихие, еле уловимые на слух. Вперемежку с голосами слышались стон и плач, не то детский, не то женский. Вместе с голосами с юга наступал плотный туман, а холод стал невыносимым – колючим и жестоким, как сталь хирамского клинка, перед которым не могла устоять ни одна броня.

– О, Боги, – прошептал Анри.

– Я такого никогда не видывал, – сказал Арьен, не веря собственным глазам.

Поднявшись, он шагнул навстречу туману, не отрывая от него зачарованного взгляда.

– Братец, мне все это не по душе, – сказал, было, Анри, как его конь заржал и бросился в сторону, увлекая за собой ездока и коня Арьена.

Будто одержимый демонами, конь пролетел по полю шагов десять и сбросил с себя Анри, огласившего округу безумным криком. Схватившись за правую ногу, он поднялся и посмотрел вслед быстро удаляющимся коням, а затем обернулся на тракт и ужаснулся. По его спине пробежали мурашки: туман нависал над Арьеном, будто морская волна, вихрем накатывающая на берег.

– Анри, посмотри, какое чудо, – с восхищением в глазах проговорил Арьен.

Улыбнувшись, он повернул голову и протянул руку, заставив туман отпрянуть. Переливаясь серо-черными цветами, туман на мгновение застыл, точно монолитная глыба перед путником в Скалистых горах, а затем закружился и набросился на Арьена, поглотив его с головой.

– Арьен! – заорал Анри и кинулся на выручку, но, не сделав и двух шагов, взвыл и повалился на землю.

От острой боли в ноге его пробило холодным потом, а зубы свело так, что слышался хруст, словно рот был забит морским песком.

– Помогите! – раздался голос со стороны тракта.

Преодолевая боль, Анри поднялся и посмотрел в ту сторону, откуда они пришли. Одиноким путник, оказавшийся на пути тумана, отбивался от него как мог. Но, все было тщетно. Через несколько шагов человек повалился на дорогу и в тот же миг утонул в клубах тумана.

– О, Боги, – прошептал Анри, опустившись на землю.

Работая локтями, он пополз в поле, подальше от Королевского тракта. Холод, следовавший за ним по пятам, нет-нет да обдавал ледяным дыханием. Голоса продолжали звучать, то близко, то далеко, будто они игрались с ветром. Преодолев с десятков шагов, Анри ощутил покалывание в левой ноге, а правой ноги и вовсе не ощущал. Остановившись, он обернулся и в тот же миг обмочился, узрев в шести футах от себя человеческий череп, проступающий из тумана. Лязгая челюстями, череп рвал пятку его левой ноги, хотя крови и не было видно. Вслед за ним из тумана проступила дюжина черепов, жадно лязгавших челюстями в предвкушении еды.

– Боги, Боги, Боги!.. – заверещал Анри, заработав локтями пуще прежнего.

Туман, подобно древесной смоле, оседал на лице и волосах Анри, вонзая в его тело тысячи иголок. Но, он продолжал ползти, попутно вздергивая плечами в попытке стряхнуть с себя неведомого врага. Преодолев еще с пару десятков шагов, он наткнулся на палку и с решимостью, достойной отважного воина, поднялся и оперся на палку.

– Врешь, не возьмешь! – возопил Анри, погрозив туману палкой, а затем пустился вскачь, на ходу вскрикивая от боли.

Удалившись от тракта на порядочное расстояние, он ощутил, как покалывание в пятке исчезло. Туман, остановившись в десяти-пятнадцати шагах от него, прекратил погоню и повернул на север, в сторону Миддланда. И, только голоса не отступали, продолжая его преследовать, крича и нашептывая на непонятном языке.

– Ух, я вам, – буркнул Анри.

Взмахнув палкой, он попытался отогнать голоса и тут же повалился навзничь, не удержавшись на ногах. Узрев в ночном небе кровавую звезду, походящую на солнце, Анри не поверил собственным глазам. Холод, прежде донимавший его, в раз отступил. Все мысли о прошедшем дне улетучились, и тень умиротворения покрыла лицо Анри. Улыбнувшись, он закрыл глаза и провалился в бездонную пропасть сна.

АБРАН

– Ох, старость не в радость, – проворчала Оллин, засовывая ключ в передник платья.

Темнота и трясущиеся руки мешали ей совладать с замком, хотя на то особой надобности не было: птица была накормлена еще перед заходом солнца. Убравшись в доме, да приготовив похлебку, она ходила как неприкаянная, ожидая прихода главы семейства.

Оглядевшись, будто ища помощи, она пожала плечами и побрела в дом. Белокаменный, двухэтажный дом семейства Фарранов ничем не отличался от большинства домов верхней части Миддланда. С улицы дом утопал в трех яблонях, а с заднего двора к нему примыкали стройные грядки и добротные хозяйственные постройки, среди которых выделялся птичник. Поднявшись на крыльцо, старуха помрачнела, увидев соседку, суетящуюся в саду через дорогу. Поспешно отворив дверь, она юркнула в темный проем, как следом раздался скрип отворяемой калитки.

– А, явился-таки! – крикнула Оллин, высунувшись из распахнутого настежь окна. Негодование, прозвучавшее в ее голосе, под звук задребезжавших оконных стекол побежало эхом по ночному переулку.

Абран Фарран, не отрывавший взгляда от соседки, вздрогнул, ибо не ожидал услышать голос жены в столь поздний час. Что до соседки, то она подняла голову и улыбнулась Абрану.

– Чего не спишь? – спросил Абран, услышав запах чечевицы, вырвавшийся из окна.

– Как же я могу спать, не зная, где шляется мой муж!?

– Я работал, а не шлялся.

Известный на округу трудолюбием и спокойным нравом, старик Абран выглядел не по годам бодрым, а между тем ему шел ни меньше, ни больше, седьмой десяток лет. Худосочный, высокий, с длинной бородой и такими же длинными усами, теряющимися в бороде, он напоминал жука-навозника, прибывающего в вечном движении. Если покосился забор, или вот-вот с петель могла сорваться дверь, тут же призывали старика Абрана. Берясь за дело, он мог пропасть на пару часов, а то и того больше, ибо помимо страсти к починке любил поговорить о жизни, о том, что творится в королевстве и за его пределами. «Не иначе, – любили поговаривать соседки. – Тебе сами Боги благоволят, раз послали такого мужа». На это старуха с горечью в голосе отвечала, что «прожила с ним не один десяток лет, а ничего толком-то и не видела, сидит дома, как проклятая, а муженек Бог весть, где пропадает».

– Оно и видно, бревно второй день не пиленное, – проворчала Оллин, кивнув на бревно, стоящее на козлах в дальнем углу двора.

– А-а-а, ты про это?

Улыбнувшись, Абран шагнул в сторону козлов, дабы завершить дело, начатое днем ранее.

– Ты что, дурень старый, собрался дрова пилить!?

– Так ты же сама сказала! – возмутился Абран, остановившись на полпути.

– О, Боги, и чем я пред вами провинилась!? – обратила Оллин взор к небу.

Ее серое изможденное лицо исказилось болью, не той, что испытывает человек, получивший увечье, а той, что исходит из глубины души.

– Не зывай к Богам, они давно нас позабыли! – выпалил Абран известное на все королевство изречение.

Нахмурившись, Оллин посмотрела на мужа так, словно хотела его сожрать с потрохами.

– Завтра закончишь, а сейчас к столу, – проговорила она и исчезла в окне.

Бросив взгляд на соседку, Абран вздохнул и побрел в дом, еле волоча ноги, будто к ним были привязаны мешки с камнями. Зайдя в дом, он прошел темный коридор и очутился в про-

сторной гостиной, освещенной пятью светильниками. Стол, стоящий посреди гостиной, ничем особым его не удивил: горшок с чечевицей, будто голова всему, стоял по центру стола, а вокруг него, подобно свите, располагались тарелка с ржаным хлебом, кувшин вина, три кружки, три миски и четыре ложки, одна из которых была вдвое больше остальных.

– Где сын? – поинтересовался Абран, усаживаясь за стол.

– Откуда мне знать, он ведь, подлец, весь в тебя, шляется, где не попадая?

Схватив большую ложку, старуха взболтнула содержимое горшка, от чего чечевичная похлебка заиграла новыми запахами. Поведя носом, Абран скорчил гримасу отвращения, уловив в воздухе запах не то желудей, не то дикого ореха, знакомый ему с самого детства. Не осталась безучастной и муха, до прихода хозяина дома просидевшая на потолке. Оторвавшись от потолка, она закружила над столом, издавая надоедливое жужжание.

– Я не шляюсь, а людям помогаю, – повторился Абран.

– И чем помог сегодня, позволь узнать?

– Починил соседям забор.

– Это, каким-таким соседям? – спросила Оллин, зачерпнув ложкой в горшке.

– Новым соседям, что поселились в конце переулка.

Ничего не ответив, Оллин небрежно вывалила в миску мужа коричневую жижу, часть которой пролилась на стол.

– Чего смотришь? – спросила она, увидев в глазах Абрана удивление.

– Ничего я не смотрю, – ответил Абран, опустив взгляд в миску.

Известная любовью к чистоте, Оллин Фарран была не похожа на саму себя. Проследив за взглядом мужа, она все поняла, но, прибирать не стала. Больше того, Оллин повторно выказала небрежность, будто бросала вызов. Усевшись за стол, она принялась к похлебке и посмотрела на мужа злобным взглядом, от которого тот оторопел.

– Ну, и чего сидишь?

– Ничего я не сижу, – с поспешностью ответил Абран, схватив ложку и кусок хлеба. Сморщив нос, он судорожно сглотнул и принялся хлебать из миски без всякого удовольствия.

– Что, опять пересолила? – поинтересовалась Оллин немного погодя.

– С чего ты взяла?

– У тебя такое лицо, будто тебя дерьмом пичкают.

– Вот еще удумала!

– Помню времена, когда ты ложкой чуть ли не дырявил миску.

– А я помню, прежде в этом доме подавали суп с курятиной, и...

Словно испугавшись сказанного, Абран замолк, а затем вышел из-за стола и прошел к окну.

– Ну, чего же ты, – процедила Оллин, прервав неловкое молчание. – Давай, договаривай, облегчи душу.

Отставив миску, она с грохотом поднялась и схватилась за спинку стула, продолжая держать ложку в руке.

– Встрепенулась, будто петух в зад клюнул, – пробурчал Абран, бросив взгляд через плечо.

Сказав это, он поспешил обернуться к окну, будто ночная прохлада могла спасти его от очередного скандала.

– Вот уже месяц, как у нас пропадает птица, а ты, вместо того, чтобы ловить воришку, требуешь от меня суп с курятиной?

Случаи с воровством домашней птицы, имевшие место и в прошлом, за последний месяц приобрели размеры эпидемии. Воры, заявлявшиеся посреди ночи, уносили с собой все, что ни попадалось им под руку. Начавшись в Заднице мира, эпидемия воровства с каждым днем разрасталась, охватывая все новые и новые кварталы Миддланда. Дом семейства Фарранов,

стоящий на полпути от Южных ворот до Королевского замка, впервые подвергся ограблению три недели тому назад. Тогда унесли петуха и пару куриц, что было не столь существенной потерей. Сменив дверь в птичнике, Абран для пущей уверенности навесил замок. Однако эти меры не помогли. Пережив очередной набег воришек, они не досчитались половины птицы. Почему не утащили остальных – петуха и дюжину курей – они не могли взять в толк. Еще больше удивляло, что замок не был взломан, точно это был вовсе и не воришка, а какая-то нечисть. Так или иначе, не без того безоблачная жизнь супругов Фарранов затянулась тучами, ибо благополучие семейства целиком зависело от продажи птицы.

– О, Боги, опять ты за свое!?

– А как же, вон, глянь, каков муж соседки! На той неделе поймал воришку и сдал его в руки властей.

– А через день сожгли его птичник, ты этого хочешь?

Обернувшись к жене, Абран вперил в нее торжествующий взгляд, ибо на ней не было лица. Стиснув зубы, Оллин взмахнула рукой и ударила ложкой по столу, разбив ее вдребезги. Муха, до того нарезавшая круги вокруг стола, испуганно отлетела в сторону и присела на оконную раму, посчитав, что горшок с чечевицей может и подождать.

– Сделай, что ни будь, – сказала Оллин с горечью в голосе и уселась на свое место. – Мы не протянем и месяца, если нас снова обнесут.

Закрыв лицо ладонями, она тихо заплакала, то и дело, подрагивая плечами.

– Что же ты, – сказал Абран, не поверив собственным глазам, ибо ни разу не видел жену плачущей. – Перестань, жена... все будет хорошо.

Сделав пару неуверенных шагов, он остановился, услышав под ногами хруст. Посмотрев под ноги, Абран узрел кусочки ложки, после чего сделал еще шаг и прикоснулся рукой к плечу жены, ощутив дрожь тела, напомнившая ему те времена, когда он с отцом бороздил просторы Западного моря.

Бури, холодные ветра и насквозь промокшие одежды были обычным явлением в жизни рыбаков, ходивших по Западному морю. Но, все это померкло перед бурей у Драконьего мыса, в которую он потерял отца, а сам чуть было не превратился в плавающий на поверхности воды кусок льда. Держась за мачту, Абран пробыл в воде с полчаса, вдыхая холодный воздух и запах прогнившей древесины, напоминавший ему не то запах желудей, не то дикого ореха. Много чего передумав за это время, он не раз возвращался к мысли, что тем, кто сгинул в пучине, повезло больше, нежели тем, кто выжил и теперь умирал в холодном одиночестве, оглашая тишину зубной дробью. Решиться на самоубийство он не мог, хотя стоило всего-то ничего, взять, и заглотнуть воды, да нырнуть по глубже. Но, как и всякий человек, пестующий надежду на спасение, Абран продолжал цепляться за жизнь, вглядываясь в пустой горизонт. И, надежда не обманула юношу, послав ему в помощь проходившее мимо рыбацкое судно. Оказавшись на борту судна, он зарекся, что начнет новую жизнь и в море больше ни ногой, что и сделал спустя три дня, женившись на дочке торговца птицей.

– Ты мне обещаешь? – вдруг спросила Оллин, обратив к мужу заплаканное лицо.

– Обещаю, – ответил Абран и сжал ее плечо, не решаясь на большее.

Чего Абран пообещал, он и сам толком не уразумел, но, понимал, что слова поддержки для нее сродни надежде, которую он питал после кораблекрушения. Впрочем, он когда-то обещал и ее отцу, что будет проявлять заботу о его дочери, пока в его груди бьется сердце. Помнил Абран и о том, как открывая перед молодой женой калитку отцовского дома, он встретился взглядом с соседкой, той самой, что этой ночью копошилась в собственном саду. Задумчивая, добродушная, она происходила из скромной семьи хлебопека, с которым мечтал породниться его отец. Но, вопреки воле отца, который не мог прийти из мира Богов и воспрепятствовать решению сына, он сделал выбор в пользу дочери торговца птицей, дававшего

за дочь кобылу, телегу, птичник и пару фунтов приданого.

– Я всегда в тебя верила, – прошептала Оллин, поднявшись со стула. Улыбнувшись, она обвила руками стройный стан мужа и положила голову на его грудь.

– А я в тебя, – сказал Абран, все больше и больше отдаляясь от понимания происходящего.

Обняв жену, он попытался было вспомнить, когда они в последний раз вот так стояли в обнимку, и, не вспомнив ничего такого, просто сжал ее крепче.

– Знаешь, а я давно не выходила в люди...

Не договорив, Оллин замолкла, услышав за окном подозрительный шум.

– Слышала? – спросил Абран, бросив взгляд в сторону окна.

– Не иначе... соседи, – ответила Оллин.

– Э-э-э, нет, – протянул Абран, отстранившись от жены и проследовав к окну. – Соседи обычно кричат, а потом входят.

Выглянув в окно, он заметил силуэт человека, проскользнувшего на задний двор. Курицы, как по команде, в один голос закудахтали, и следом послышался приглушенный петушиный крик.

– Абран, что там? – спросила Оллин, подойдя к окну.

Муха, все это время наблюдавшая за семейной драмой с оконной рамы, дождалась-таки момента и метнулась к горшку, нырнув в него с головой.

– Если что, кричи, – ответил Абран и бросился к выходу.

Схватив вилы, прислоненные к стене у входа, он сорвал с гвоздя связку ключей и стрелой вылетел на крыльцо. Ударившись об стенку, дверь проскрипела и медленно затворилась, оставив его наедине с неизвестностью. Чуть помедлив, Абран сошел с крыльца и неспешным шагом двинулся к птичнику, крадись вдоль стены, словно боялся спугнуть добычу.

– Абран, ну что там!? – крикнула Оллин, наполовину вывалившись из окна.

– Дура, не кричи, – прошипел Абран, махнув рукой на жену.

– Что? – спросила Оллин, не расслышав мужа.

Покачав головой, Абран сплюнул и продолжил движение к птичнику, вглядываясь в темноту. Чем ближе он подходил к цели, тем громче позвякивал ключами, будто предупреждая нежданного гостя о своем присутствии. Сделав еще пару-тройку шагов, он увидел тень, отделившуюся от птичника и тут же растворившуюся в темноте. Широко распахнутая дверь птичника чуть скрипнула, следом раздался

звук, напоминающий шум эля, выливающегося из опрокинутой бутылки.

– Эй, кто здесь!? – крикнул Абран.

Не услышав ответа, он отбросил связку ключей и взял вилы наперевес. Переведя дыхание, он двинулся к птичнику, пока не оказался у двери – черная, зияющая пустота вкупе с мертвой тишиной ничего хорошего не сулила.

– Абран, ты где!?

– Чтоб тебя собаки задрали.

Вздохнув, он шагнул в птичник, как через мгновение отпрянул назад.

– О, Боги! – вскрикнул Абран, упав навзничь.

Подняв голову, он узрел на груди сизо-рыжего петуха, взирающего на него одним левым глазом. Правый глаз, как и вся правая часть головы, у него отсутствовали. Вертя из стороны в сторону головой, или тем, что от нее осталось, петух пытался прокукарекать, но вместо этого из его горла вырывался булькающий звук.

– Вор, вор, держи вора! – вдруг раздался истошный крик старухи, эхом отозвавшийся по переулку.

– Ох-х-х, – выдохнул Абран, вспомнив про жену и вора.

Вскочив на ноги, он бросился к жене на выручку, а петух, кубарем слетев на землю, поднялся и поплелся вслед за хозяином, то и дело, заваливаясь на правую сторону.

– Абран, Абран! – запричитала Оллин, завидев мужа. – Он туда побежал, туда-туда, ты слышишь!?

Точно курица, носящаяся в поисках спасения от топора, она металась по двору, хватаясь то за голову, то указывая руками на окрестные дома.

– Дура! – крикнул Абран, перехватив жену на полпути от дома до калитки. – Кто побежал, куда побежал!?

– Туда, туда! – закричала Оллин, указывая на Южную улицу.

Отпустив жену, Абран бросился к калитке и узрел в конце переулка убегающего человека.

– Из дома ни ногой, я скоро буду, – это были его последние слова, прежде чем он бросился вдогонку за вором.

ПОТРОШИТЕЛИ

Крик Оллин, всполошивший Зеленый переулок, заставил пробудиться добрую половину его обитателей. То здесь, то там распахивались окна, из которых высовывались лица и, не найдя ничего любопытного, тут же исчезали, затворив за собой окна. Были и такие, что задерживались, а после легкой перебранки с домочадцами, они, как и первые, с грохотом затворяли окна, будто говоря, что сделали все, чтобы откликнуться на крик о помощи. И, только Мойра не осталась равнодушной, услышав крик напротив своего дома. Убедившись, что муж спит мертвецким сном, она вскочила с постели и бросилась к выходу в одной ночной рубаше.

– Мойра, ты куда? – спросил Кейван, приподнявшись на локте.

– Я!?

От испуга Мойра подскочила и встала как вкопанная, боясь обернуться. Ее тонкое тело дрожало, как осиновый лист на ветру, а руки

не находили себе места.

– А что, помимо нас с тобой здесь еще кто-то есть?

Почесав грудь, сплошь покрытую густой черной шерстью, Кейван присел на кровати и вперил в жену сонный взгляд.

– Нет, никого.

– Так куда же ты собралась, на ночь глядя?

– Ты разве не слышал крика?

– Слышал, и что с того?

– Это крик соседки, что живет напротив нашего дома.

– Пусть себе кричит, нас это не касается.

– Как не касается, а не ты ли просил у ее мужа помощи!? – возмутилась Мойра, обнаружив в себе решительность, которой прежде никогда не обладала. Обернувшись, она одарила мужа гневным взглядом и, не дожидаясь ответа, выпорхнула из дома.

После того, как Абран Фарран женился на дочери торговца птицей, отец сосватал ее за помощника по пекарне, ибо лучшей кандидатуры он не мог сыскать: работающий, обходительный, Кейван мог сойти за отличную партию, если бы ни страсть к элю и девкам. Отец Мойры об этом знал, но все-таки решился на этот шаг, заверив дочь, что «ветер в голове Кейвана рано или поздно уляжется, и он станет добрым семьянином». Увы, этого не произошло. Спустя год, когда отца не стало, Кейван действительно изменился, но не в лучшую сторону. Забросив дела, он полдня проводил в тавернах, а другие полдня оприходовывал работниц пекарни. По возвращении же домой он любил вздремнуть, а выпавшись вдоволь, с полночи мучил жену в постели, любя ее с таким остервенением, будто ему не хватало работниц своей пекарни.

– Мойра! – крикнул Кейван, не веря своим глазам.

Привстав с кровати, он собрался пойти вслед за женой, как передумал и уселся на постель, пропитанную запахом пота и дешевого эля. Еще через мгновение он погрузился в воспоминания недельной давности, сделавшие его героем в глазах соседей, а еще через день – жертвой таинственных поджигателей. Тот день, когда в их птичник вломился вор, Кейван помнил хорошо. Выполняя супружеский долг, он услышал шум на заднем дворе. Выбежав во двор, он предстал перед вором в том виде, в котором и явился в мир людей. Узрев голого человека, в свете луны походящего на обезьяну, воришка от изумления так и присел на зад, а затем оказался в руках хозяина дома и был сдан властям. За этот подвиг Кейван получил вознаграждение в размере шиллинга и славу борца с потрошителями, правда, через день у него случилась беда – птичник сгорел дотла, а вместе с ним сгинула и вся птица. Но, когда под

боком есть мастер на все руки, то эта беда вовсе и не беда. Подумав о старике Абране, некогда питавшим чувства к его жене, Кейван пришел в себя.

– Жена, а ну вернись домой! – крикнул он, но та и голоса не подала.

Держась за сердце, Мойра не отрывала глаз от Абрана, того, в чью жизнь она так и не вошла. Будто спасаясь от своры бродячих псов, он неся по ночному переулку быстрее ветра.

– Мойра, пойдем домой, – сказал Кейван глухим голосом, появившись за спиной жены.

Одернув руку от сердца, Мойра обернулась и, не говоря ни слова, проскользнула мимо мужа. Впереди была целая ночь мучений, к которой нужно было подготовиться. Подойдя к окну, она взяла с подоконника медный короб и вынула из него серый брикет размером с ноготь. Положив короб на место, Мойра поднесла брикет ко рту и, скорчив лицо, надкусила его и заработала челюстями, медленно, никуда не спеша, точно корова, жующая сочную траву. Довольно скоро

черты ее лица, обрамленного шелковистыми волосами, размякли, щеки разругались, а в глазах появился нездоровый блеск.

– Теперь я готова, – прошептала Мойра, улыбнувшись луне, ставшей немой свидетельницей ее храбрости.

Заглотив остаток брикета, она сделала шаг в сторону кровати и остановилась, ощутив в голове шум, подобный шуму волн, накатывающих на каменный берег. Улыбнувшись, Мойра сделала несколько шагов, а достигнув цели, оказалась в объятиях мужа. Закрыв глаза, она отдавалась на откуп волнам, уносящим ее за морской горизонт. Что до луны, стоявшей высоко в ночном небе, то она оказалась свидетельницей и погони Абрана за воришкой. Добежав до конца переулка, он остановился, тяжело дыша, а переведя дыхание, продолжил преследование, ощущая, как с каждым шагом силы покидают его.

– Не будь я Абраном Фарраном, – прошептал он, делая очередное усилие. – Если не догоню...

– Кто там!? – раздался голос над его головой.

Остановившись, Абран поднял голову и обнаружил на балконе второго этажа женщину с младенцем на руках, приходившейся невесткой старухе Нагае. Открыв было рот, чтобы ответить, он не нашел в себе сил и облокотился на стену, оказавшись в тени балкона. Глубоко дыша, он держался за бешено колотящееся сердце, которое, как ему казалось, вот-вот выскочит из груди и ускорит по мостовой.

– Ах, ты негодница, – раздался скрипучий голос. – Моего внука хочешь застудить?

«А вот и карга старая собственной персоной», – подумал Абран, на дух не переносивший Нагаю, ибо она была хуже репейника.

Прося о какой-либо помощи, она, как правило, этим не ограничивалась, и потому он старался обходить ее стороной.

– Там кто-то есть, – сказала женщина, пропустив вопрос мимо ушей.

– Никого там нет, – буркнула старуха, бросив взгляд на мостовую.

– Как же нет, если я слышала чей-то голос?

Наклонившись, женщина посмотрела по сторонам, пытаясь разглядеть неизвестного.

– Вот сын мой вернется, я все ему расскажу, – проворчала старуха и удалилась прочь.

При этих словах внук старухи сморщил лицо, что было верным признаком водопада слез. Улыбнувшись, мать прижала сына к груди и

принялась качать его, то и дело, поглядывая на соседние дома. Впрочем, уже вскоре она обомлела, узрев Абрана, вышедшего из тени балкона.

– Эй, кто ты!? – крикнула она, вперив испуганный взгляд в старика.

– Я ваш сосед, – ответил Абран.

Младенец, будто не поверив его словам, разверзся плачем, надорвав ночную тишину.

– Мама! – крикнула женщина, крепче сжав сына, от чего тот заверещал так, будто его резали на ремни.

В глубине дома послышался грохот, а немного погодя на балкон выскочила Нагая, держа в руках медный чан.

– Мама? – удивилась Нагая, бросив на невестку взгляд, полный недоумения, ибо она никогда ее так не называла.

Усмехнувшись, она в следующий миг опрокинула на Абрана содержимое чана.

– Мама, что вы делаете!? – вскричала женщина, глядя на облитого помоями старика Абрана.

– Нечего тут ходить! – заорала Нагая. – А если кто хочет добавки, я не прочь добавить!

Вывалившись из балкона наполовину, она потрясла кулаком, грозя не то старику, не то соседям.

– Да я это, я, Абран Фарран! – закричал Абран, вытирая лицо рукавом куртки.

– Старик Абран, говоришь, – пробурчала Нагая, напрягая подслеповатые глаза. – Вот я тебе...

Погрозив кулаком, она метнулась с чаном обратно в дом, попутно пробормотав, что «добрые люди по ночам дома спят, а не бродят по улицам, как разбойники». Не дожидаясь новой порции, Абран сплюнул и побежал дальше, по пути отряхиваясь от помоев. Перебежав улицу, он очутился в переулке, куда не проникал лунный свет. Завидев вора в конце переулочка, Абран прибавил шагу и довольно скоро нагнал его, отметив про себя, что один с ним не справится. Высокий, широкий в плечах, вор держал за спиной мешок, идя спокойной размеренной походкой, словно никакого черного дела не сотворял.

– Карга права, – прошептал он, оглядываясь по сторонам. – Добрые люди по ночам не бродят...

Шорохи и приглушенные голоса, раздающиеся то здесь, то там, заставляли работать сердце старика все быстрее и быстрее. То неприятное ощущение, что сердце может выскочить из груди и ускакать по мостовой, воротилось. Остановившись, он наклонился и оперся руками в колени, вслушиваясь в тяжелое, прерывистое дыхание.

– Ну, нет, я так просто не сдамся, – со злостью в голосе проговорил Абран, подняв взгляд с мостовой.

Переведя дыхание, он продолжил преследование, осторожно

пробираясь от дома к дому. Увидев, как вор исчез в проеме между двумя угловыми домами, он прибавил шагу и скоро оказался на Южной улице.

– О-о-о, нет, это уже не в моих силах, – простонал Абран, глядя в спину вора, быстро удаляющегося в южном направлении. – Старуха снова изворчится, будь она неладна.

Вспомнив о жене, Абран только сейчас понял, что он ей обещал. Собрав волю в кулак, он продолжил преследование, благо, что через сотню с лишним шагов преследуемый свернул в переулок, исчезнув между двумя трехэтажными домами.

– А вечерок выдался славным, – ухмыльнулся Абран.

Добежав до переулочка, он с опаской заглянул в его черное нутро и последовал примеру вора. Не видя ничего перед собой, Абран медленно брел вперед, опираясь одной рукой на стену, а другой беспомощно водя из стороны в сторону, словно ища опору.

– Что так долго? – раздался резкий голос, покотившийся эхом вдоль глухих стен домов.

Услышав голос, Абран замер, затаив дыхание. Сердце снова заколотилось, отдаваясь гулом в ушах.

– Пришлось побегать, чтобы добыть хоть одного, – раздался второй голос, от которого сердце у старика сжалось, а по спине пробежался холодок.

«Так вот оно что?» – подумал он, сжав кулаки и еле-еле сдерживаясь, дабы не броситься вперед.

– У тебя все никак у людей.

– Я правду говорю... в нашем квартале нынче трудно найти добычу.

– Это все отговорки. Все члены братства без труда справляются, а ты, стало быть, не можешь?

– Не привирай, на собраниях я всегда с добычей!

– Ну-ну, скажи еще, что и на собрания не опаздываешь.

– Было дело, не буду препираться, но я в том не виноват!

– А кто виноват?

– Не знаю, Хамот.

– Не произноси моего имени вслух!

– Прости.

– И твое прости мне не нужно! Я за тебя поручился головой, и потому хочу только одного – чтобы ты меня не подводил.

– Знаю... и я тебя никогда не подведу.

Тишина, наступившая после этих слов, накрыла Абрана с головой. Впрочем, вскоре раздался скрип, и следом послышались голоса, казавшиеся столь далекими, как и звезды в ночном небе.

– Ладно, время покажет, что к чему. А теперь, пойдем, собрание уже началось.

Собравшись с духом, Абран последовал дальше, наткнувшись

через десяток шагов на дверь, слегка выпирающую наружу. Нащупав холодную дверную ручку, он осторожно потянул ее на себя, но та не поддалась, и он проследовал дальше. Добравшись до конца переулка, Абран оказался на мрачной улице, концы которой исчезали в темноте. Казалось, что улица безжизненная, ибо ни в одном из домов не было ни света, ни посторонних звуков. Свет был только на втором этаже дома, в который вошли те двое.

– И чего только не сделаешь ради старухи, – проворчал Абран, хватаясь за лестницу, лежавшую тут же подле стены.

Подставив лестницу к стене дома, он поднялся по ней и заглянул в окно, узрев просторную комнату с высокими потолками и толпу сидящих людей. Свет, исходящий от свечей, расставленных по центру комнаты, выхватывал из сумрака лица трех десятков людей, не меньше. Одни молчали, другие о чем-то перешептывались, нет-нет да переходя на крик. В середине комнаты стояло полено высотой в полтора-два фута, разглядеть которое Абран не смог, как не силен был. Поддавшись вперед, он прижался ухом к окну и, ничего не услышав, толкнул одну из оконных створок. От легкого порыва ветра тени в комнате затанцевали, а голоса стихли, будто отдавая должное древним Богам. Впрочем, голоса вскоре снова зазвучали, как только явились четверо мужчин.

– А я говорю, – сказал человек, находящийся всех ближе к окну. – Что надо действовать немедленно!

Его речь была отрывистой, будто он куда-то сильно спешил.

– Помнится, Лерой, тебя на прошлом собрании на смех подняли, – тихо проговорил его сосед, сидевший в две погребели, не отрывая взгляда от пола.

– Пусть смеются! – бросил Лерой. – А я, Пентус, от своего не отступлю.

Поднявшись, он направился к центру комнаты, бесцеремонно расталкивая ногами сидящих на полу людей.

– Эй, смотри куда прешь! – возмутился лопоухий юнец, с яростью вырвав руку из-под ноги Лероя.

Вскочив, он хотел было дать отпор наглецу, но передумал, столкнувшись лицом к лицу с тем, кого в их кругу прозывали Кровавым мясником, а в народе – стариной Лероем.

Старина Лерой в прошлом был палачом на королевской службе, откуда его прогнали за одну оплошность. Имея в своем арсенале два топора – острый и тупой – он пользовался ими весьма избирательно. Если наказанию подлежал вор, то мучения его были не столь ужасные, как мучения мятежника или казнокрада. Острый топор старины Лероя отсекал вора пальцы столь стремительно, что те не успевали испугаться. Что до мятежников и казнокрадов, то их ожидал тупой топор. Отсекая конечность в два-три удара, он приносил им нескончаемую боль, а завершал дело отсечением головы. Однажды старина Лерой так перестарался, что долго не мог отсечь голову мятежнику и, чуть было сам не стал виновником мятежа. Каждая из его попыток вызывала в толпе бурю восторга, ибо объектом восторжения был ни кто иной, как лорд-канцлер Бударис, ненавистный указом о соляном налоге. Все закончилось тем, что когда голова канцлера наконец-таки отделилась от тела и слетела с плахи, толпа в диком восторге бросилась к телу ненавистного канцлера, сметая на своем пути оцепление из копейщиков. Охрана королевы Ады, присутствовавшей на казни, поспешила удалиться, закрывая щитами королеву, ибо и в нее полетели обвинения, подкрепленные камнями и тухлыми яйцами. В тот злополучный день старина Лерой и был отправлен на преждевременный покой. Затаив в сердце злобу, он ложился каждую ночь в постель с мыслью о мести: ни красавица-жена, ни слава искусного мясника, не могли утолить его жажду мести, с которой он прожил последние годы жизни. Вступив в братство Князя Тьмы с одной-единственной целью – покарать Ее Величество – он не мог спокойно смотреть на собрания и внимать разговорам о количестве жертв, приносимых Князю Тьмы. Его душа жаждала мести, как жаждет путник глотка воды, оказавшись посреди безбрежной пустыни.

– Вот смотрю на вас, – громко сказал Лерой, перебивая прочие голоса. – И диву даюсь!

Черная повязка на левом глазу и саблевидный шрам на всю правую щеку придавали его лицу зловещий вид.

– О чем ты говоришь, Лерой? – раздался голос из темноты.

– Да все о том же! – раздался другой голос. – Вы что, старину Лероя не знаете!?

– И диву даюсь, – продолжил Лерой. – Сидите и хвалитесь, кто, сколько петухов извел!

– И почему я не удивлен? – спросил все тот же второй голос, поддержанный смешками.

– Это ты, Коротышка Руди? – спросил Лерой, пытаясь разглядеть оппонента, благодаря которому он на прошлом собрании и был поднят на смех.

– А если и так?

– Если ты мужчина, встань, не прячься за спинами!

– Мне незачем прятаться, – отозвался Руди, с трудом оторвав зад от пола.

Коротышка Руди, как прозывали толстяка, был весьма уважаемым в обществе человеком. Помимо торговых дел он занимался ростовщичеством, ссужая средства всем, кто бы ни попросил. Давал же ровно столько, сколько мог дать, дабы не подкосить собственное благополучие – и он на плаву, и клиент доволен, и на лицо репутация благодетеля. Так, по крайней мере, он себя называл, говоря на каждом углу о своих благодеяниях во благо народа. Что до причин, толкнувших его на вступление в ряды братства, то никто о них не ведал.

– Что, снова будешь заниматься словоблудием? – усмехнулся Лерой.

– А тебе не нравится, что я говорю? – парировал Руди.

– Кому же понравится, когда ты одно слово, а тебе десять!

– Так ведь я дело говорю.

– Какое дело!? То, что надо и дальше резать петухов, приблизить пришествие Князя Тьмы, так что ли?

– Так и есть.

– Да нет, все не так... пойми, не петухов надо резать, а этих ублюдков, что засели в Королевском замке, и Ее Величество в первую очередь, ибо она всему есть корень зла!

– Ты что же, глупец, хочешь сказать, что знаешь по более магистра? – спросил Руди, посмотрев по сторонам в надежде получить поддержку.

Но, вместо поддержки он услышал тишину. Сжимая кулаки, старина

Лерой пыхтел, как медный котелок с закрытой крышкой. Казалось, что вот-вот совсем немного, и он изольется злобой, бросившись на обидчика, ибо оскорблений никому не спускал. Однако тишина продлилась недолго, ибо на пороге объявился магистр, вошедший в комнату в сопровождении двух молодых людей.

– Магистр, магистр... – пронесся шепот по комнате.

То один, то другой член братства спешил с приветствием магистра в глубоком поклоне, от чего комната погрузилась в танец теней. И только Пентус продолжал сидеть, вперив взгляд в пол. Его согбенная спина и опущенные плечи будто свидетельствовали о том, что этот человек был бит жизнью не раз, и не два.

– Приветствую вас, мои братья, – сказал магистр, кивнув участникам собрания.

Пройдя в центр комнаты, он оказался напротив Лероя,

пребывающего в объятиях оцепенения.

– Приветствую тебя, – буркнул Лерой, поклонившись магистру без особой охоты.

Выпрямившись, он на одном месте развернулся и, собрался было вернуться к своему месту, но был остановлен магистром.

– Постой, старина Лерой, – сказал магистр, положив руку на его плечо. – Ты так и не ответил на вопрос.

Обернувшись, Лерой встретился с взглядом магистра, от которого ему стало не по себе. Суровая душа старины Лероя, пропустившая через себя, будто через сито, проклятия сотни с лишним человек, была беззащитна перед пронизательным взглядом магистра, называемого членами братства не иначе, как Целителем душ. Годвин Грэй был целителем от Бога, и его слава распространялась далеко за пределы Миддланда. К Годвину ехали со всех концов Среднего мира, как к человеку, способному вылечить любой недуг, ибо ему довольно было одного взгляда, чтобы понять, чем изнемогает человек. Не используя инструментов, он исцелял людей руками, бормоча под нос странные слова, напоминающие заклинания хирамских лекарей. Никто не знал, сколько ему лет, откуда он родом и когда поселился в Миддланде. Но, все прекрасно знали о его странностях, про которые не говорил разве что ленивый. Так, имея среди клиентов, как бедняков, так и богачей, Годвин Грэй брал со всех по пенсу, презирая золото и серебро. На вопросы о любви к медякам, он обычно отвечал: «Мы просты и чисты в помыслах, пока не соприкоснемся с презрительным металлом». Был он известен и тем, что лечил всех без исключения, будь то аристократ, простолюдин или грабитель с большой дороги. «Вкушая хлеб, – любил он поговаривать. – Мы не требуем у пекаря рецепт. Вот и спасая жизнь, мы не должны спрашивать, чем зарабатывает человек на кусок хлеба». За несколько лет он приобрел сотни поклонников, восторгающихся как его даром исцеления, так и речами, проникающими в самые потаенные уголки души. Заканчивая прием клиентов, Годвин отворял двери для поклонников, в нетерпении толпившихся у его дома. Так продолжалось до тех пор, пока месяц тому назад он не оставил свой дом, исчезнув в неизвестном направлении.

– Я, магистр, не знаю больше вашего, – ответил Лерой,

вглядываясь в тонкие черты лица магистра. – Но, я знаю и то, что вы не знаете больше того, что есть в пророчестве о Западной звезде.

– Ух, как завернул, – ухмыльнулся Руди, после чего хохотнул и замолк, не услышав поддержки.

Члены братства, ни разу не слышавшие столь дерзких слов, обращенных к магистру, безмолвствовали, опасаясь, лишний раз вздохнуть.

– Правильно, – согласился магистр, уголки губ которого потянулись вверх. – И я не раз о том говорил... но, прошу тебя, брат, продолжай свою мысль.

Вздых облегчения, пронесшийся по комнате, нарушил тишину, а вслед за тем послышались невнятные голоса, осуждающие старину Лероя. Улыбнувшись, Лерой поклонился магистру и окинул взглядом присутствующих.

– Что, если никакого пророчества нет? Что, если мы перебьем всех петухов, а мертвые не восстанут, и королева не сдохнет, а вместе с ней не падет и Миддланд, что тогда, я вас спрашиваю?!

– Кто ты такой, чтобы сомневаться в древнем пророчестве? – спросил Руди под одобряющий гул собратьев.

– Я старина Лерой, если ты позабыл.

– Знаем-знаем, кто ты таков – убийца и палач, которого прогнали со двора, как паршивую собаку!

– Я тебе покажу собаку, – процедил Лерой и двинулся в сторону толстяка, но, не успев сделать и двух шагов, натолкнулся на живую стену.

Члены братства, на дух не переносившие старину Лероя, кто из боязни, а кто из неприязни, встали на защиту Коротышки Руди.

– Не тем вы заняты, братья, ох, не тем, – вмешался магистр. – А вот брат Лерой, сдается мне, еще не все сказал, верно?

Сверкнув единственным глазом, Лерой отступил назад и улыбнулся магистру.

– Если пророчество не сбудется, то получится, что все наши старания были напрасны?

– Да кто он такой, чтобы судить о пророчестве? – послышался голос из темноты.

– Ему не место в братстве! – раздался второй голос.

– А что если он всех нас сдаст? – раздался третий голос, растворившийся в шуме голосов.

– Хватит глотки рвать! – взял слово Пентус, прозываемый Горбачом Пентусом. – Никого он не сдаст, я за него ручаюсь, как за самого себя.

Распрямив спину – годы работы грузчиком в порту Вестхарбора

говорили сами за себя – Пентус поднялся и явил присутствующим лицо, на котором лежала печать уныния и безразличия ко всему, что происходило вокруг него.

– А брат Пентус, как всегда, о своем, – заметил Руди.

Не удосужившись с ответом, Пентус убрал с лица волосы пепельного цвета и прошел на середину комнаты.

– Он дело говорит, – продолжил Пентус. – Вот порешим всех петухов, и что? Вдруг в столицу завезут еще петухов, так что же, до скончания дней своих будем их резать?

– Еще один предатель!

– Да что вы, что вы, брат Пентус и предатель!?

– А что, он истину говорит, – раздался голос, вызвавший гул недовольства, посреди которого слышались и голоса одобрения.

– Ну, что же, брат Лерой, – сказал магистр, одним взмахом руки прекратив шум. – Раз говоришь, что пророчество не наш путь, тогда скажи, какой твой путь?

– Да-да, скажи! – подхватил Руди.

– Не мой, а наш путь, – ответил Лерой. – Не буду вокруг, да около, скажу только, что в далеком прошлом я был свидетелем того, как толпа чуть не растерзала королеву.

– Ты, случаем, не про Будариса ли собираешься говорить? – спросил Руди.

– Про него самого.

– Так все про то знают, зачем ворошить прошлое?

– Брат Руди, прошу тебя, остепенись, а ты, брат Лерой, продолжай, – вмешался магистр.

– Так вот... когда я отсек голову канцлеру, толпа ни с того, ни с сего обратила гнев против королевы, которая еле ноги унесла. Этим я хочу сказать, братья, что нужно совсем немного, дабы направить толпу в нужное русло, и она, толпа, как река, затопит все королевство!

– Или прилив, затопляющий берег, – не удержался Руди.

– Если тебе угодно, пусть будет прилив.

– Кровавый, как петушина кровь!

– Можно и так.

– Время позднее, – вклинился магистр. – Брат Лерой, говори по существу!

– Через день-другой, магистр, королева собирается на объезд южной окраины, это шанс, которым грех не воспользоваться. Если мы не ударим, то будем резать петухов до скончания веков!

Закончив с речью, старина Лерой весь затрясся, вперив взгляд в стену, будто видел ее насквозь. Он прекрасно помнил тот день, когда его прогнали со двора, как прогоняют пса, оказавшегося ненужным под старость лет. Он помнил, как ему бросили худой кошель, как бросают милостыню нищим и убогим. Как он оказался на улице, не имея ни дома, ни друзей, ни уважаемой профессии, точно какой-то сирота посреди большого города. Как он неделями блуждал в поисках работы, как бродячий пес в поисках еды, ибо никто не желал иметь ничего общего с палачом, пусть и бывшим. И, в довершение ко всему, как его обчистили посреди бела дня, да так лихо, что он и не заметил, как лишился последних средств. Бредя по улице, он натолкнулся на кожевника Пентуса, толкавшего на рынок тележку с кожей. Вызвавшись в помощники, Лерой пришелся кожевнику по нраву. Получив работу и крышу над головой, Лерой спустя два года получит и

руку дочери Пентуса с приданым из двух фунтов. Этих средств оказалось более чем достаточно, чтобы открыть мясную лавку и заняться тем, что больше всего у него получалось – рубить мясо.

– Брат Лерой, тебе ни здоровится? – поинтересовался магистр, положив руку на плечо бывшего палача.

– Что? – спросил Лерой, вздрогнув от неожиданности.

– Я говорю, тебе ни здоровится?

– Со мной все хорошо, магистр, только озноб пробирает.

В подтверждение слов Лероя по комнате пробежался ветер, от которого запрыгали тени и местами погасли свечи.

– В твоих словах, брат Лерой, – сказал магистр, выдержав паузу. – Есть здравый смысл, а потому я возлагаю на тебя все руководство. А чтобы нашему предприятию сопутствовала удача, ты самолично возглавишь братьев.

– А как же пророчество!? – возмутился Руди.

– Я свое слово сказал. Все, что не прикажет брат Лерой, считайте, что от моего имени.

– Нас поведет палач? – не унимался Руди, чей вопрос остался без ответа, ибо он потонул в шуме одобрительных голосов.

Большинство, еще недавно поддерживавшее Коротышку Руди в конфликте с бывшим палачом, в одно мгновение переметнулось на сторону последнего.

– Теперь, братья, – сказал магистр, кивнув на идола. – Время для жертвоприношений.

В ответ раздались возгласы одобрения, превозносившие мудрость магистра до небес. Те, что находились ближе всего к середине комнаты, повскакивали с мест и бросились к идолу, выуживая из своих мешков умерщвленных петухов. Те, что находились позади, заседали на передних, в нетерпении ожидая своей очереди.

– Посмотри на них, чем не дураки? – шепнул Лерой на ухо Пентусу.

Посмотрев на полено с неясными чертами лица, Пентус лишь только ухмыльнулся: безрукий и безногий идол имел толстую шею и квадратное лицо с узкими глазами, плотно сжатыми губами и неким подобием подбородка, а его лоб и вовсе был скошен на половину, будто мастера в ответственный момент подвела рука.

– Князь Тьмы каждому воздаст по заслугам, – довольно произнес магистр, взирая на гору петухов.

– Магистр, и ему тоже!? – вскричал Руди, указав пальцем на мужчину внушительных размеров.

Три с лишним десятка пар глаз обратились к мужчине, которым был ни кто иной, как Тизон, сын Абрана Фаррана. Выхватив из мешка черную курицу, он не успел ее бросить в общую кучу, как был замечен Коротышкой Руди. Ощувив на себе взгляды, он покраснел и вжал голову в шею, не зная, куда ему деваться. Нечто подобное происходило с ним и раньше, когда соседи заставляли его в таверне за кружкой эля, в компании таких же выпивох, как и он сам. Фразы, вроде того, «а ты, сынок, не сын ли старика Абрана?» или «такое благородное семейство Фарранов, а вот сынок совсем никчемный», он часто слышал, и готов был провалиться от стыда под землю, но, махнув рукой, запивал досаду элем. Пропадая в тавернах дни и ночи напролет, он являлся домой лишь для того, чтобы пожрать, да попросить у матери с пяток пенсов, в чем отец ему неизменно отказывал.

– Я не виноват, я старался, – попытался оправдаться Тизон. – Этой ночью я убил одного петуха, но...

– И где же он? Убежал от тебя, пока ты сюда шел?

Хохот, последовавший за словами Руди, отозвался в сердце Абрана резкой болью, напомнившей ему тот самый день, когда он потерпел кораблекрушение. Бултыхаясь в холодной воде, он ощущал, как холод вонзает в него тысячи иголок, а затем вынимает их, чтобы снова вонзить.

– Мне один старик помешал, – ответил Тизон и опустил голову, понимая, что это его не оправдывает.

– О, Боги, посмотрите на него, он со стариком не справился!

В комнате раздался хохот, быстро сошедший на нет, уступив место приглушенным голосам. Разрывая тишину на маленькие кусочки, братья перешептывались и бросали взгляды на несчастного.

– Все мы знаем, – взял слово магистр. – Что полагается за проступок, совершенный братом...

– Его имя Тизон, сын Абрана Фаррана, – раздался резкий голос, на который обратили внимание все присутствующие.

– Благодарствую, – сказал магистр. – Все мы знаем, если брат не принес жертву Князю Тьмы, то должен пожертвовать собой, таков наш закон.

Кивнув Лерою, магистр в сопровождении охраны направился к выходу, оставив членов братства в гнетущей тишине. За месяц существования братства Князя Тьмы, это был первый случай, когда

члена братства осудили на смерть.

– Доволен? – спросил Лерой, сверкнув единственным глазом.

– Я не хотел, – ответил Руди, испуганно озираясь по сторонам.

Пройдя к своему месту, Лерой подобрал топор и воротился к Тизону, взяв того под локоть.

– Ну что, брат Тизон, пойдем, – сказал он и шагнул к выходу, но, тут им дорогу преградил коренастый бородач.

– Чего тебе, Хамот?

– Позволишь парой слов обмолвиться?

– Говори.

– Тизон, посмотри мне в глаза, – сказал Хамот, заведя, как его бывший подопечный прячет взгляд.

– Прости, Хамот.

– Скажи, зачем ты мне солгал?

– Не знаю.
– Ты обманул мое доверие, ты это понимаешь?
– Понимаю.
– Так ответь же, зачем ты солгал?
– Говорю же, не знаю! – вскричал Тизон, метнув в Хамота сердитый взгляд.
– Лучше бы я тебя не встречал, – обронил Хамот с горечью в голосе. Вздохнув, он вернулся и собрался уходить, как услышал голос Тизона.

– Если встретишь моего отца, – сказал Тизон. – Скажи ему, что я никогда не был его достоин, а еще...

– Ну, все, пора, – вмешался Лерой и толкнул Тизона в спину.

Как только за ними затворилась дверь, оконные створки заходили ходуном.

– Ветер? – раздался голос из темноты.

– Угу, – подтвердил второй голос.

Все, как один, члены братства разобрали петухов по мешкам и потянулись к выходу, ибо до наступления утра нужно было успеть разбросать птицу по улицам Миддланда, дабы внести в души обывателей страх и смятение. Готов был действовать и Абран Фарран. Спрятавшись за углом дома, он пытался высмотреть в темноте палача и его жертву, но, ничего не видел, хоть глаз выколи.

– Эх, была, не была, – прошептал он, собравшись нырнуть в темноту, как тут услышал гулкие, быстро приближающиеся шаги.

«О, Боги», – успел он подумать, как его взгляд упал на булыжник, лежащий в двух шагах от него.

С ловкостью хирамского тигра он схватил булыжник и приготовился к встрече с потрошителями.

– Скажи мне, – раздался голос Тизона. – Я быстро умру?

– Не бойся, – ответил Лерой. – Мой топор проявит к тебе милосердие.

– Все хотел спросить, а что с глазом-то?

– С глазом?

– Да, как ты его потерял?

– Я его и не терял, – повеселел Лерой. – Повязку я так, ношу для виду, чтобы...

Не договорив, он вышел на свет и получил удар по голове, распластавшись на мостовой.

– Отец, а ты как здесь!? – удивился Тизон.

– Негодяй! – вскричал Абран и отвесил сыну оплеуху.

– Но, отец! – возмутился Тизон, схватившись за пылающую щеку.

– Ступай за мной, – буркнул Абран и отбросил булыжник в сторону.

Пожав плечами, Тизон поплелся за отцом. Полоска света, льющаяся из окна второго этажа, осталась далеко позади, а два путника полностью погрузились во мрак. Добравшись до конца улицы, они кружным путем воротились на Южную улицу и вскоре оказались у своего дома.

– Матери ничего не говори, – предупредил Абран, открывая калитку. – Завтра все расскажешь.

– Завтра будет поздно, – заметил Тизон.

– Они знают, где ты живешь?

– Они все про всех знают!

– Все равно, ничего не говори.

Осмотревшись, Абран направился в дом, как слышал стон со стороны заднего двора.

– О, Боги, – встревожился Тизон.

– Чтоб тебя, – буркнул Абран и последовал на задний двор.

Прислонившись к стенке птичника, Оллин сидела на голой земле и тихо постанывала, то и дело, подвывая на луну, будто волчица, потерявшая волчонка. Прежде черноволосая, с редкой проседью, теперь же она была полностью седой. Вокруг нее гулял сизо-рыжий петух, не оставляющий попыток прокукарекать, то и дело спотыкающийся о вилы, оброненные стариком.

– Матушка! – закричал Тизон и бросился к матери.

Упав на колени, он схватил ее за плечи и принялся трясти, вглядываясь в безумные глаза.

– Не тряси мать, – сказал Абран, заглянув в птичник. – Не видишь, она головой тронулась?

– Как ты можешь! – возмутился Тизон, подняв на отца взгляд, полный негодования.

– Еще как могу, это ведь ты всему виновник! – воскликнул Абран, с трудом оторвав взгляд от побоища, учиненного его сыном.

– Что же делать?

– Утром решим... бери мать и марш домой!

Поднявшись с колен, Тизон нагнулся и поднял мать с земли, точно пушинку, и направился в дом вслед за отцом. За ними последовал и петух, то и дело, путаясь под ногами.

КИЛИАН

– Килиан, сынок, вставай, уже утро, – сказала Лавиния, потеревив сына за плечо.

– Уже? – улыбнулся Килиан, открыв глаза.

– Да, сынок, – ответила она, проведя ладонью по волосам сына, мягким, как хирамский шелк. – Сегодня у тебя особенный день, и опаздывать не к лицу.

Выпрямившись, она закрыла собой солнце, просачивающееся сквозь соломенную крышу скромного жилища Бронхорстов. На какой-то миг Килиану показалось, что в их жилище снизошло само Небесное Светило, ибо на матери было желтое воздушное платье, перехваченное алым пояском.

– Матушка, ты все приготовила?

– Да, сынок, сумка у двери, где ей и полагается быть, а вот оружие я не стала трогать.

– Правильно, матушка, оружие – не женское дело!

Вытянувшись в струнку, Килиан зевнул и поднялся с кровати. Наклонившись, он поцеловал мать в лоб и направился к выходу. Как мать и сказала, дорожная сумка была на месте. Глянув в сумку одним глазком, он улыбнулся, ибо она ничего из того, что может понадобится в дороге, не позабыла: и провизия на два дня, и охотничий нож, и котелок, и фляжка из свиного желудка, и костяные крючки, и два кусочка кремня, завернутые в прозрачную ткань, были на своих местах.

– Ты меня никогда не подводила.

– Подведу, если не накормлю в дорогу... давай, умывайся и за стол!

Одарив мать улыбкой, Килиан вышел во двор и проследовал к дубовой кадке, стоявшей на стуле подле птичника. По местным меркам их хозяйство было более чем скромным – птичник на два десятка кур, да пара коз, стоящих на привязи у крыльца.

– О, Боги, сегодня прекрасный день! – воскликнул Килиан, входя в дом, возведенный его отцом Хари Бронхорстом.

– Он не может быть плохим, это же твой день, сынок, – улыбнулась Лавиния, заканчивая накрывать на стол.

– Матушка, – сказал он, усаживаясь за стол. – А ты со мной не поделишь трапезу?

– Я, сынок, лучше постою, – сказала она дрогнувшим голосом, судорожно вытаскивая из нагрудного кармана белоснежный платок. – Хочу на тебя посмотреть в последний раз...

– Матушка, что ты такое говоришь!? Я ведь не навсегда уйду, через две зимы ворочусь, а там, глядишь, у тебя и внуки пойдут.

Поднявшись из-за стола, он обнял мать так, будто прощался навсегда, чем еще больше ее расстроил.

– Ох, какой же ты рослый, прям как отец, – проговорила Лавиния, смочив слезы платком.

– Отец был больше, не иначе, как шесть с половиной футов ростом, – с гордостью в голосе сказал Килиан, выпрямившись во весь рост.

– Как же больше, если ты его ни разу не видывал!

– Мне, матушка, о нем много рассказывали.

Память о Хари Бронхорсте, прозываемом Крепышом Хари за могучее телосложение, продолжала жить и по сей день, ибо это был один из выдающихся героев своего времени. Двадцать лет тому назад, когда вождь клана Бронхорстов отошел в мир Богов, его отец по традиции сразился в кулачном поединке с соперником, изъявившим желание возглавить клан. Этим соперником оказался его двоюродный брат Арвид Бронхорст. Положив брата на землю одним ударом, Хари по праву возглавил клан, став достойным продолжателем традиций клана Брон-

хорстов. Будь то мятеж против Бланчестеров, или защита берегов Нортланда от хирамских набегов, его отец был всегда на переднем краю, подтверждая девиз клана: «Верность и мужество». Были и такие, что сравнивали его отца с самим Хагальдом Бронхорстом, родоначальником клана, некогда служившим в охране последнего короля Нортланда. Приняв участие в знаменитой битве при Риверлоке, Хагальд получил землю, титул глафорда, герб в виде белого оленя в красном поле и девиз «Верность и мужество», а вместе с ним и прозвище Хагальд Железный.

– Да, сынок, это сущая правда, – согласилась Лавиния, усаживая сына за стол.

Заставленный кувшином с козым молоком, миской с кусочками курятины и тарелками из-под лука и пшеничного хлеба, стол выглядел непривычно богатым.

– Вот увидишь, матушка, – сказал Килиан, берясь за кусочек курятины. – Я буду достоин памяти отца!

Разделавшись с курятиной в два счета, он надкусил ломоть хлеба и запил все молоком, закончив с трапезой столь поспешно, что мать диву далась.

– Так скоро?

– Пора в дорогу.

Выйдя из-за стола, Килиан направился к выходу, попутно прихватив сумку и две секиры, прислоненные к стене. Открыв дверь, он не успел сделать и шагу, как ощутил на плече материнскую руку.

– Ничего не забыл?

– Два года, матушка, всего два года.

Обняв мать, Килиан отстранился, посмотрел в ее влажные глаза и, не говоря более ни слова, покинул отчий дом. Ребятня, толпившаяся у крыльца, разразилась приветствиями. Кумир молодежи, Килиан был примером мужества, ибо не всякий житель Валлея³¹ отваживался уходить далеко от селения, охотясь на дичь. По возвращении с охоты, нагруженный дичью, веселый и счастливый, он вызывал восторг у всякого, кто помнил его отца. Старожилы по этому случаю любили поговаривать: «Из мальчишки выйдет толк, если раньше времени не сгинет в чащобе». Были и такие, что ругали Килиана, на чем свет стоял, мол, «уходя далеко от селения, он подает для молодняка дурной пример». Но, все без исключения, считали его достойным сыном своего отца. Торгуя молоком на местном рынке, Лавиния не могла нарадоваться на сына, никогда не возвращавшегося с охоты с пустыми руками. Впрочем, эта радость временами омрачалась томительным ожиданием, когда Килиан пропадал неделями, а то и месяцами, уходя далеко на запад, откуда брал свои воды Снакривер.

Улыбнувшись, он взял курс на восток, сопровождаемый шумной ребятней. Возведенное его предком, Хагальдом Бронхорстом, Валлей занимал одну из долин Снакривера, пересекающего селение с запада на восток. Окруженное лесами Грин Каунтри, селение находилось в юго-западной части Нортланда, читай, на самой окраине наместничества, ибо к югу и западу от него не было ни селений, ни городов. Те, что находились на бескрайних просторах Великой равнины, были на удалении сотни с лишним миль, а до ближайшего селения Риверлок, находящегося на востоке, было восемьдесят три мили пути. Добравшись до конца селения, Килиан свернул направо, к песчаному берегу, туда, где лежал Вороний камень. Пройдя три десятка шагов, он замедлил шаг, ибо влажный песок налипал на ноги, а дойдя до камня, взобрался на него и соскочил на каменистый берег, взяв курс на Черную скалу. Не пройдя и пары сотен шагов, Килиан оказался на возвышенности, ограниченной с севера Черной скалой, а с юга – водами Снакривера. Взвившись в небо на пару сотен футов, Черная скала возвышалась над селением и окрестными лесами, будто пребывала на страже покоя жителей Валлея. Тут же находились три сотни людей, толпившихся у валуна с человеческий рост.

³¹ Валлей – долина; община солнцепоклонников в юго-западной части Нортланда.

– Отец Небесный, приветствуем тебя! – раздался громогласный голос, побежавший эхом по долине.

Длиннобородый старец, закутанный в белое каскадообразное одеяние, стоял на валуне с простертыми к солнцу руками, в одной из которых был посох с золотым набалдашником в виде улыбающегося солнца. То был старейшина Адальбер, по традиции открывавший новый день общины Валлей приветствием Небесного Владыки.

– Приветствуем тебя, приветствуем! – поддержали старейшину сотни голосов.

– Твои сыны взывают к тебе за благословением – не будь тебя, не будет и света, приносящего нам жизнь и радость, – проговорил старейшина монотонным голосом.

– Благословения, благословения! – поддержали голоса.

Когда эхо улеглось, старейшина опустил руки и оглядел общинников внимательным взглядом, словно кого-то выискивая.

– Братья и сестры! – крикнул он, выдержав паузу. – Сегодня мы принимаем в свои ряды Килиана, сына Хари Бронхорста, славного юношу из клана Бронхорстов!

– Слава Хари Бронхорсту! Слава, слава! – гроыхнули эхом голоса.

По обычаю предков, тот, кто имел за плечами шестнадцать зим, посвящался в воины, после чего должен был покинуть отчий дом и отправиться на службу ко двору лорда-наместника Нортланда. Служба длилась два года, по истечении которых юноша возвращался в родное селение и получал право связать себя узами брака. С этого времени он становился полноценным членом общины, имеющим право на голос.

– Килиан, сын Хари Бронхорста, выйди и прими свою судьбу! – возвестил старейшина, продолжая всматриваться в толпу.

Над собранием повисла тишина, нарушаемая шумом вод Снакривера. Переглядываясь, общинники силились найти глазами юношу.

– Килиан, выйди и прими свою судьбу! – повторился старейшина, уже начиная терять терпение.

– Никак, – раздался шепелявый голос в толпе. – Мальчишка проспал, или того хуже, наплевал на традиции предков.

То был Арвид Бронхорст, дядя Килиана, тот самый, что в свое время бросил вызов его отцу, в память от которого получил сломанный нос и выбитые передние зубы. Большеголовый, с брюшком и небольшого роста, он мало походил на воинов из клана

Бронхорст.

– Ты что, совсем сдурел!? – возмутился седовласый сосед Арвида, Дамиан Бронхорст, приходившийся ему дальним родственником. – Килиан достоин своего отца, и на твоём месте я бы попридержал язык.

– И не ровен час, – поддержал Дамиана бритоголовый великан Торан Бронхорст, в котором было росту под восемь футов. – Когда-нибудь Килиан возглавит клан Бронхорстов.

– Поживем, увидим, – сказал Арвид, чьи слова потонули в гуле голосов, приветствовавших Килиана.

Пробираясь сквозь толпу, он так и сыпал улыбками, отвечая на приветствия и хлопki по плечу.

– Килиан, сын Хари Бронхорста, выйди и прими свою судьбу! – в третий раз прокричал старейшина.

Выйдя из толпы, Килиан поклонился солнцу, выглянувшему из-за гребня Черной скалы.

– Приветствую тебя, старейшина, – сказал он, приложив руку к сердцу.

Обойдя валун, Килиан взбежал по камням и встал рядом со старейшиной.

– Кто имеет слово против Килиана, пусть говорит, – сказал старейшина. – Кто не имеет слова, пусть молчит.

По обычаю, любой мог выступить против принятия юноши или девы в ряды общины, если считал их недостойными этой чести. Для этого нужно было молвить слово, поклясться кровью и привести свидетеля неблаговидного поступка. Если таковой несогласный обнаружился, то у подозреваемого было два пути – либо согласиться с обвинением и покрыть себя позором, либо выступить в защиту своей чести и сразиться с обвинителем в кулачном бою.

– Нет таких! – крикнул Торан.

– Ну, чего стоишь, молви слово, – ухмыльнулся Дамиан, толкнув локтем Арвида. – Я знаю, что ты очень этого хочешь.

– Вот еще, ничего я не хочу, – пробурчал Арвид, стоявший чернее тучи.

– Правильно, иначе остальных зубов не досчитаешься, – улыбнулся Дамиан, обнажив ровный ряд белоснежных зубов, словно издеваясь над родственником.

Метнув гневный взгляд в Дамиана, Арвид протиснулся вперед, дабы не иметь неприятного соседства.

– Обиделся, – хохотнул Торан.

– Дурак, что с него взять, – пожал плечами Дамиан.

Переглянувшись, они потеряли к Арвиду всякий интерес, обратив все внимание на старейшину и Килиана.

– Килиан! – возвестил старейшина, положив руку на плечо юноши. – Объявляю тебя своим братом и братом всех братьев и сестер общины Валлей, да придут с тобой Боги!

Поклонившись старейшине, Килиан повернулся к толпе и шагнул вперед.

– Братья, да придут с вами Боги! – воскликнул Килиан под гул одобрения.

– Килиан...

– Да, старейшина!

– Килиан, сынок, прими меч отца своего, – сказал старейшина, протягивая юноше кожаную портупею с ножами и двухфутовым мечом, некогда принадлежавшим самому Хагальду Бронхорсту.

Голоса в один миг смолкли, ибо на глазах общинников происходило нечто невероятное.

– Старейшина, я не могу принять этот меч, он мне не принадлежит.

– Все верно, но, такова воля вождя, и обычай предков это не воспрещает.

– Старейшина, а где мой дядя?

– Не знаю, сынок, может на охоте, а может в Силверспрингсе, кто же его знает!

Будучи в курсе непростых отношений матери и родного дяди, Килиан старейшине не поверил. Родившись с разницей в один полет стрелы, братья-близнецы Хари и Ранибор были неразлучны с раннего детства, как неразлучны страх и мужество на поле брани. Вот и в тот день, когда погиб его отец, они были на берегу Снакривера, греясь в лучах весеннего солнца, как и пара десятков жителей Валлея. Ничто не предвещало беды, как внезапно налетел шквальный ветер, и река заволновалась, забурлила, выйдя из берегов: с десятков людей, те, что были всех ближе к кромке воды, в одно мгновение оказались в реке. Бросившись на выручку, Хари и Ранибор сумели вытащить четверых, остальных же река унесла вниз по течению. Недолго думая, они кинулись вслед за ними, но, тут отец Килиана крикнул брату, чтобы спасал меч предка, и что он справится своими силами. Препирания с братом ни к чему не привели, и Ранибор вернулся на берег, и, весьма вовремя. Подхваченный течением, меч Хагальда уже был готов кануть в пучину, как Ранибор схватил его и выудил из воды. Издав крик восторга, он узрел вдалеке брата, изо всех сил гребущего к берегу. Огромная воронка, поглощая одного за другим унесенных течением людей, быстро приближалась к Хари. Будто замороженный, он стоял и смотрел, как брат теряет остатки сил, как беспомощно машет руками, поднимая брызги, как бросается из стороны в сторону, стремясь уйти с пути воронки. Однако все было тщетно. Поглотив Хари, воронка понеслась дальше на восток. Свидетелями гибели вождя стали еще

несколько десятков человек, среди которых оказалась и Лавиния, носившая в себе Килиана. Придя в себя, Ранибор ощутил себя чудовищем: обернувшись, он узрел поседевшую невестку, смотревшей на него холодным, как жгучий снег в горах Нортланда, взглядом. Ничего не говоря, он прошел мимо нее шаткой походкой, а следующим утром был избран главой клана Бронхорст, ибо не было более достойного, нежели Ранибор Бронхорст. С тех пор он ни разу не переступал порог их дома. Вот и сегодня, к сожалению Килиана, дядя не соизволил присутствовать на его посвящении в воины.

– Раз обычай не воспрещает, – сказал Килиан, беря в руки меч, называемый мечом Риверлока. – Пусть будет так.

Издав вздох облегчения, будто меч Хагальда Бронхорста обжигал ему руки, старейшина улыбнулся и положил руку на плечо юноши.

– Килиан, сын Хари Бронхорста, готов ли ты исполнить древний обычай?

– Готов, старейшина.

– Раз так, то Боги тебе в помощь, – сказал старейшина и наклонил посох.

Поцеловав древний знак солнцепоклонников, Килиан под рукоплескание сошел с валуна и направился к берегу. Забравшись в лодку, ожидавшей его у берега, он положил на дно оружие и дорожную сумку, взялся за весло и оттолкнулся от берега. Отплыв от берега, лодка довольно скоро была подхвачена течением и понеслась на восток, в сторону Риверлока. Усевшись на срединную банку, Килиан положил весло на дно и обнажил меч Риверлока, в тот же миг, ощутив запах крови, тяжелый и сладковатый, словно меч только-только побывал в бою. Оглядев меч со всех сторон, он не обнаружил следов крови, лишь следы ржавчины, проступающие у основания эфеса.

– Спасибо, дядя, – прошептал Килиан, медленно засовывая меч в ножны.

УИЗЛИ

Рассвет застал Уизли на южном берегу Рогатого залива, там, где в ранний час южный и западный ветра сходятся в битве за Миддланд. Отступив из столицы с наступлением ночи, южный ветер брал свое, нанося собрату жестокие удары, отгоняя его все дальше и дальше на запад. Уткнувшись лицом в теплый мягкий мох, пробивающийся из-под большого камня, Уизли лежал калачиком, сцепив руки на груди.

– Отец, – пробормотал он сонным голосом, поеживаясь от холода. – Нынче холодные ночи...

Расцепив руки, он засунул их между ног, пряча пальцы в складках штангин.

– Нам бы окно и дверь поменять, ветром так и задувает.

Будто слышав слова Уизли, южный ветер усилился, потерев его за волосы и одежду.

– А менять, отец, надобно, а то вон какая вонь стоит!

Вздвогнув от внезапного порыва ветра, он поморщился и глубже зарылся лицом в мох, источавший запах водорослей и мокрой земли.

– Отец?

Открыв глаза, Уизли в испуге отпрянул от камня и перевалился на другой бок. Его взору предстал синий горизонт, казавшийся таким близким, что можно было дотянуться до него рукой. В тот же миг его передернуло, ибо в спину ударила теплая струя воздуха. Оторвав голову от земли, Уизли осмотрелся и узрел за спиной солнце, в лучах которого виднелись очертания Миддланда. Подтянувшись, он уселся и выпрямил окоченевшие ноги. Его взгляд медленно скользил по голым камням, цепляясь за кусты можжевельника, пока не уткнулся в нож, лежащий в трех шагах от него. Заметив на массивном лезвии ножа засохшие капли крови, Уизли вздрогнул, вспомнив вчерашний день. Покрывшись холодным потом, он не ощущал ни южного ветра, несущего смрад, ни солнечных лучей, жадно облизывающих его с головы до ног. Мысли, табуном пронесившиеся в его голове, насакивали друг на друга и бежали дальше. Впрочем, довольно скоро голова Уизли прояснилась, а его губы разомкнулись в улыбке.

«Новая жизнь», – подумал он.

Встряхнув головой, будто отряхиваясь от плохих воспоминаний, Уизли поднялся и осмотрелся с видом человека, впервые ступающего на неведомую землю.

– Отец, ты меня слышишь – новая жизнь?! – закричал Уизли.

Подскочив на месте, он рассмеялся от души, раскинул руки и бросился бежать, следуя за своим эхо. Чайки, бывшие свидетелями его радости, с недовольным гамом взмывали в небо. Пробежав с полсотни шагов, он резко развернулся и пустился обратно, но на полпути остановился, ощутив резкую боль в животе.

– Чтоб тебя, – буркнул Уизли, согнувшись пополам.

Схватившись за живот, он простоял так с некоторое время, вслушиваясь в недовольное урчание. Когда все прекратилось, он сплюнул и поплелся к ближайшему гнезду. Чайка, бывшая на страже гнезда, нависающего над обрывом, точно почувствовав не ладное, запорокинула голову и запричитала на всю округу.

– Чего орешь, не видишь, подыхаю!?

Чайка, храбро встав на защиту гнезда, захлопала крыльями и угрожающе шагнула навстречу.

– Ну, пойдй прочь! – крикнул Уизли, замахнувшись ногой на чайку.

Отскочив в сторону, чайка запричитала громче и бросилась в атаку, так и норовя схватить Уизли за штанину. Отступив, Уизли предпринял новую попытку отогнать чайку, но, к своему несчастью при замахе потерял равновесие и распластался на земле, расшибив лоб в кровь. В тот

же миг он был атакован чайкой, нанесшей по голове врага два стремительных удара клювом. Округу огласил вопль. Отлетев в сторону, чайка снова пошла в атаку, не дав врагу опомниться. Она била его с таким неистовством, с каким только могла бить мать, защищая собственное дитя. Он же, скрепя зубами и брюзжа слюной, изо всех сил защищался, катаясь волчком по каменистой земле. Впрочем, избиение продолжалось недолго. Улучив момент, когда чайка зазевалась на пролетающую мимо чайку, Уизли вскочил и бросился к гнезду. Повалившись на колени, он схватил одно из трех яиц, раздавил его и в один глоток выпил содержимое, а вслед за ним расправился и с двумя другими. Чайка, чуть-чуть не подоспевшая, кружила рядом, не решаясь более атаковать. Утолив голод, Уизли довольно облизал пальцы, и только сейчас вспомнил про расшибленный лоб. Потерев шишку на лбу, он поднялся и побрел к месту ночевки, провожаемый недовольным криком чайки.

– Вот тебе и новая жизнь, отец – чайка, и та хочет мне все испоганить, – проворчал Уизли, подняв нож и пробежав взглядом по берегу, усеянному гнездами чаек.

Подойдя к краю обрыва, он засунул нож за пояс, нагнулся и ухватился руками за куст можжевельника, торчащего из расщелины.

– Чтoб тебя! – вскричал Уизли, отпрянув от обрыва.

Опустив взгляд, он узрел на ладонях кровь и вязкую сине-черную жидкость. Вытерев руки о штанину, Уизли нагнулся, раздвинул колючие ветви, ухватился за корень и потянул на себя, ощутив, как куст слегка поддался, а еще через пару мгновений оторвался от почвы.

– Теперь-то я вам покажу, почем фунт соли.

Выпрямившись, он развернулся и, чуть было не выронил можжевельник из рук, увидев перед собой ту самую чайку.

– Опять ты? – процедил Уизли, завидев, как чайка запрокинула голову и снова запричитала.

– Вот я тебе, – буркнул он, замахнувшись можжевельником, как тут же был атакован чайками.

Втянув голову в плечи, он припал к земле, а затем вскочил и бросился бежать, каждый раз натыкаясь на обрыв, точно пребывал в заколдованном кругу. Его вопли перемешивались с криками чаек, казавшихся ему сущими демонами. Нанося удар за ударом, они взмывали в небо и, дождавшись своей очереди, бросались в атаку, уподобляясь орлам, падающим камнем на жертву. Поняв, что ему не совладать с целой стаей, Уизли отыскал глазами очертания Миддланда, теряющиеся в утренней дымке, и бросился прочь с берега. Чайки, проследовав за ним пару сотен шагов вниз по склону холма, оставили его в покое только у Зеленых валунов. Оказавшись на дороге, Уизли потерялся, не зная, куда ему податься – в Миддланд или к Драконьему мысу.

– Ну, нет, не дождетесь, – сказал он, посмотрев на золотистое море пшеницы.

Отбросив можжевельник в сторону, Уизли шагнул в поле, держа курс на крестьянский дом. Срывая на ходу колосья, он лихорадочно тер их и бросал зерна в рот пригоршню за пригоршней.

«Сдается мне, здешние крестьяне те еще бездельники», – подумал он, остановившись неподалеку от дома.

Заглотив порцию зерна, Уизли продолжил путь, поглядывая по сторонам, пока не оказался у калитки забора, утопающего в бурьяне.

С западной стороны к дому примыкали сарай и хлев с желобом, чуть подальше находилось отхожее место. Внешне неприметный, дом привлекал внимание белокаменной трубой и почерневшей, изъеденной жучками дверью.

– Эй, есть, кто живой!? – крикнул Уизли, пинком отворив калитку.

Не дождавшись ответа, он пересек двор и вошел в дом, ощутив на пороге затхлый воздух. Просторная комната, в которой он очутился, была голой, как степь к югу от Гритривера.

Паутина, висевшая в углах, толстый слой пыли и дерьмо на полу, походившее на горох, создавали гнетущее впечатление. Не лучше выглядели и три окна – мутные, затянутые паутиной, с прогнившими подоконниками. Заприметив в дальнем углу узкую дверцу, Уизли направился к ней, ступая по скрипучим половицам. Отворив дверь, он наклонился и протиснулся внутрь, оказавшись в глухом закутке восемь на восемь футов. Посередине комнатки находился квадратный люк с массивным кольцом. Открыв люк, Уизли просунул голову внутрь и не поверил собственным глазам: в узкой полоске света, пролившейся в подвал, он узрел съестные припасы, лежавшие под тонким слоем пыли. Источая множество запахов, кладовка вместе с тем дышала могильным холодом.

– О, Боги!

Слетев по шаткой лестнице, он заметался по кладовке, не зная за что хвататься. Пыль, сорвавшись с места, поднялась в воздух и заиграла на свету серебристым цветом. Схватив с ящика большой треугольный ломоть сыра, торчащий из куска плотной красной ткани, Уизли в один миг его уничтожил, давась и пуская слезу не то от счастья, не от больших кусков, еле пролезавших в глотку. За сыром последовал горшок со сметаной, который был опорожнен в один присест. Вытерев губы, он обвел глазами кладовку и остановился на большом куске сушеной говядины, висевшем под потолком на расстоянии протянутой руки. Сглотнув слюну, Уизли потянулся к говядине, но тут дала о себе знать резкая боль в животе.

– Чтоб тебя!

Заурчав, словно старый облезлый кот, желудок выказал недовольство, разнеся вонь по кладовке. Втянув голову в плечи, Уизли схватился за лестницу и стал подниматься, переставляя ноги с такой осторожностью, будто боялся оступиться. Добравшись до люка, он высунул голову и снова услышал урчание в животе. Прослезившись от вонючей, заполнившей кладовку, он вылез наружу, протиснулся в дверцу и метнулся к выходу, как на полпути его прорвало.

– Чтоб тебя, чтоб тебя! – заорал Уизли, схватившись за штаны.

Выйдя на крыльцо, он осмотрелся и посеменял к желобу, оставляя за собой светло-коричневый шлейф дерьма. Вонь, в миг разнесенная ветром по двору, привлекла стаю мух, увязавшихся за Уизли, словно какая-то свита.

– Ух, падлюки, – процедил он, одной рукой держась за штаны, а другой яростно отбиваясь от наседавших мух.

Подойдя к желобу, Уизли с гримасой отвращения посмотрел на мутную неподвижную воду, отдающей серо-зеленоватым оттенком, и, начал раздеваться. Отбиваясь от мух, он сначала разулся, а затем сбросил с себя пояс – нож, выпав из-за пояса, стукнулся о ножку желоба и отскочил в сторону – и штаны, оставшись в одной рубашке, еле прикрывающей божий дар. Замочив штаны и башмаки, он повесил их сушиться на веревку, проходившую через весь двор, и воротился в дом.

– Ух-х-х, – выдохнул Уизли, ощутив на пороге вонь.

Зайдя в дом, он проследовал в кладовку, обходя серый шлейф собственных испражнений. При виде его, одни мухи взлетали с недовольным жужжанием, другие же прижимались к дерьму, точно боясь лишиться пищи. Протиснувшись в закуток, Уизли занес ногу над люком и тут же отпрянул, почувствовав головокружение и слабость в ногах. Запах гниения, источаемый черным нутром кладовки, был невыносим, перебивая собой запах дерьма. Сползая по стенке, Уизли судорожно глотал воздух, все больше и больше впадая в беспамятство, пока не рухнул без чувств.

ВСТРЕЧА

Пробудившись от заливистого пения птиц, Тармиса обнаружила себя под сенью раскидистого дуба. Мерно и величаво покачиваясь на ветру, он походил на многорукого великана, защищающего родное дитя. Солнечные лучи, прорывающиеся сквозь темно-серую листву, уподоблялись воинам, попавшим в самую гущу врагов: мечась из стороны в сторону, они тратили остатки сил в бесплодных попытках продвинуться вперед. Подняв голову, Тармиса узрела в трех шагах от себя потухший костер, дорожный мешок и тетушку Мэй, лежавшую к ней спиной. В сторонке гулял конь, черный, как смоль, с притороченным к седлу мечом. Встряхивая гривой, он поедая траву и озирался по сторонам, точно стражник, пребывающий в дозоре. Подобрала ноги, Тармиса поправила на себе синее парчовое платье и попыталась подняться, но из этого ничего не вышло. Ноги, будто налитые свинцом, ее не слушались. Вздохнув, она перевалилась на грудь и поползла к спутнице.

– Тетушка, вставай, нам пора в дорогу, – сказала Тармиса, толкнув старуху в спину. – Тетушка, ты меня слышишь?

Не услышав ответа, она схватила старуху за плечо и дернула ее на себя.

– О, Боги! – вскрикнула Тармиса, отпрянув от старухи.

И без того суровое лицо тетушки Мэй, выглядывающее из белого чепца, казалось ей ужасным: пустой взгляд, острые черты лица, на котором проступали темно-синие пятна, и тонкая полоска бледных губ свидетельствовали о том, что старуха отошла в мир Богов не иначе, как несколько часов тому назад. Прослезившись, Тармиса заревела, тихо и нутно, словно боясь нарушить покой старухи. Конь, стоявший поодаль, прекратил жевать и посматривал на нее умным взглядом, будто разделял ее безграничную горе. Впрочем, это продолжалось недолго.

– Эй, не голоси! – небрежно бросил Калум, вынырнув с младенцем из-за дуба. – Иначе последуешь следом за старухой.

От неожиданности Тармиса подпрыгнула на месте и вскочила на ноги, будто никакой немощи в них не было и в помине.

– Это вы... вы ее убили? – спросила Тармиса дрожащим от негодования голосом.

– Нет.

– А кто же!?

– Ты.

– Я... не может быть?!

– С лошади падала?

Услышав про лошадь, Тармиса на миг задумалась, ощутив в теле ломоту.

– Да... падала, но я не убивала тетушку Мэй! Помню, как лошадь нас скинула, помню, как мы упали, как...

– Да так неловко упали, что ты ее и придавила.

– Я... я не убивала тетушку Мэй!

– Не начинай снова, – сказал Калум, заведя в глазах Тармисы слезы. – У ползучих гадов хороший слух.

– Они-то здесь причем!?

– Очень даже причем... ваша лошадь, поди, взбрыкнула не просто так.

Посмотрев на вороного коня, мирно пощипывающего траву, Тармиса вспомнила и про шелест в высокой траве, и про холод на тракте, и, конечно же, голоса, от которых не было никакого спасу.

– А вы, господин, откуда все это знаете? – спросила она, вытерев слезы рукавом платья.

– Когда с вами приключилась беда, я у дуба находился. А когда подоспел, так старуха была уже мертва.

– Стало быть, вы змею прогнали?

– Да, – ответил Калум, не упомянув, что змея, оказавшаяся гадюкой, готовилась впиться в ее шею в тот самый момент, как он подоспел.

– Я, наверное, должна вас поблагодарить?

– Не стоит, всякий на моем месте поступил бы так.

– И, все же, я вас...

Поняв, что не знает имени спасителя, Тармиса покраснела по самые уши и опустила взгляд в землю, усыпанную желудями.

– Калум Круил, – представился Калум, наградив Тармису белоснежной улыбкой. – Можно просто Калум, и без всяких там господинов!

– Я благодарна вам... тебе, Калум, что не прошел мимо, – улыбнулась в ответ Тармиса.

– Да брось ты! – махнул Калум. – Ты лучше вот что скажи, как тебя звать и куда путь держишь?

– Тармиса, а путь держали на юг.

– Юг большой, Тармиса.

– Южное побережье, там мой дом.

– Не близкий путь, особенно для двух женщин, путешествующих без сопровождения.

– Не в первой, Калум, – соврала Тармиса. – Мы с тетушкой навещали дядю, и вот теперь возвращаемся...

Не договорив, Тармиса глянула на спутницу и издала тяжкий вздох, тут же унесенный ветром.

– Если у тебя в столице дядя, то лучше воротиться.

– В эту дыру, никогда?!

– Дыра, не дыра, а все же безопаснее, чем по тракту в одиночку.

– А если я попрошу тебя составить мне компанию?

– Не могу, – ответил Калум, кивнув на королевское дитя. – У меня и без того полно забот, вон, сын-кроха, да и конь троих не потянет.

– А где твоя жена? Ребенку нельзя путешествовать без матери.

– Жену Боги прибрали, а я вот за отца, и за мать, – соврал Калум.

– Боги порой жестоки, – взгрустнула Тармиса.

– Не больше чем люди, – улыбнулся Калум.

– Ты прав, – согласилась Тармиса.

Осмотревшись, она шагнула в сторону и подобрала толстую корягу, один конец которой был заострен.

– И чего это, позволь спросить, ты собралась делать?

– Как чего, хочу предать тело тетушки земле?!

– Вот удумала еще! Брось ее, о ней звери позаботятся.

– Это не по-людски, – заметила Тармиса и с размаху вонзила корягу в землю.

– А я говорю – брось это дело, если хочешь воротиться до сумерек!

– Я не могу ее оставить, вот так, посреди поля.

– Мертвые уже мертвы, а живым надо думать о живых.

– Вот и думай, у тебя сын, и в добрый путь! – вспыхнула Тармиса.

– Ох, женщины-женщины, – пробурчал Калум, но Тармиса и бровью не повела, продолжая долбить почву с таким упорством, которому мог бы позавидовать и осел. Впрочем, как она не старалась, земля никак не желала поддаваться. Понаблюдав за Тармисой с некоторое время, Калум хмыкнул и снял с пояса кинжал.

– На вот, поддержи, – сказал Калум и протянул Тармисе младенца.

Узрев незнакомое лицо, тот собрался было всплакнуть, как тут же переменялся в лице, завидев смешную гримасу.

– Спасибо, Калум.

– На здоровье.

Сбросив плащ, Калум преклонил колено и продолжил дело, умело орудуя кинжалом.

– Калум, а давно ли ты потерял жену? – спросила Тармиса немного погодя.

– Давно.

– В столице или в дороге?

– В столице.

– А как сына звать?

Воткнув кинжал в землю, Калум на мгновение задумался, а затем снова принялся за работу.

– Много вопросов, – ответил он, только сейчас поняв, что так и не придумал королевскому отпрыску имя.

– Прости.

– Это ты меня прости, просто не люблю, когда лишние вопросы задают.

– Понимаю, мой отец то же не из говорливых.

Подняв голову, Калум посмотрел на Тармису долгим взглядом и, вытерев пот со лба, возобновил работу, с которой управился довольно быстро.

– Ну, вроде все, – сказал Калум, вытерев кинжал о землю.

Поднявшись с колена, он подошел к старухе, наклонился и подхватил ее так, точно она была гусиным перышком – легким и невесомым. Могила два на шесть футов стала последним пристанищем для тетюшки Мэй, отделяемой от мира живых футом земли.

– Спасибо, – снова поблагодарила Тармиса, глядя, как ее спаситель закапывает могилу, орудуя руками.

Пропустив благодарность мимо ушей, Калум спрятал кинжал за пояс, накинул плащ на плечи и взял из рук Тармисы младенца, не выказавшего особого желания с ней расставаться.

– Ну, Тармиса, прощай.

– И тебе прощай, Калум Круил.

Обойдя дуб, Калум подобрал дорожный мешок и направился в сторону коня. Бросив последний взгляд на Тармису, он взобрался на коня и погнал его в сторону Королевского тракта. Что до Тармисы, то проводив взглядом спасителя, она подобрала мешок с провизией и побрела вслед за ним.

– Ну, чего скис? – буркнул Калум, завидев на лице младенца гримасу недовольства. – Вот сейчас выйдем на тракт, будет тебе дорога.

Но, королевское дитя эта весть не особо порадовала. Хмыкнув, младенец всплакнул и разверзся слезами, чего прежде с ним не случалось.

– Вот дурашка! – усмехнулся Калум, стрелой выскочив на тракт. – А я, было, думал, что ты из Бланчестеров.

Но, и это не особо порадовало младенца, ни сном, ни духом не ведавшего, про каких таких Бланчестеров говорит Калум. Пытаясь успокоить младенца, он корчил всевозможные рожицы, а когда это не помогло, не в шутку рассердился.

– Вот же напасть! – вскричал Калум, в сердцах встряхнув младенца.

– Калум, не тряс ребенка, это тебе не кукла, – проговорила Тармиса, появившись за спиной Калума.

– А, это ты, – отозвался Калум, обернувшись на голос. – Миддланд на севере, а не на юге.

– Я знаю.

– А если знаешь, то куда тебя демоны понесли!?

– В родные края, – с достоинством ответила Тармиса, не обратив внимания на неучтивый тон спасителя.

Улыбнувшись, она похлопала коня по крупу и последовала дальше, всем видом показывая, что от своего не отступит.

– Эй, Тармиса, стой! – крикнул Калум, подстегнув коня.

– Не говори ничего, я так решила, и сделаю так, как мне нужно! – выпалила Тармиса на одном дыхании.

– Да подожди ты! – вскричал Калум, преградив Тармисе дорогу. – Если уж решилась, то позволь проводить тебя до ближайшей таверны.

– Только до ближайшей?

– Это малое, что я могу сделать для тебя, а там, глядишь, найдешь попутчиков или еще кого.

– Хорошо, – поспешила согласиться Тармиса.

– Вот и славно, – заулыбался Калум, спешиваясь с коня.

АНРИ

– Вставай брат, уже утро, – раздался голос в голове Анри.

Открыв глаза, он узрел небо и стройные стебли пшеницы, покачивающиеся не то от ветра, не то от тяжелых колосьев.

– Это ты, братец? – спросил он.

Внезапный порыв ветра всколыхнул пшеницу, принесся с собой отдаленное пение петухов.

– Да.

Тряхнув головой, Анри несколько раз ударил себя кулаком по лбу, пытаясь прийти в себя. Ощувив боль, он приподнялся, опершись на локти, и посмотрел по сторонам.

– Нет, этого не может быть, и я все еще сплю.

– Вставай брат, путь не близкий.

– Кем бы ты ни был, ты не брат мне, ибо своими глазами видел, как мой брат сгинул в тумане, – сказал Анри, выговаривая каждое слово, будто проставлял печать на бумаге.

– Вставай, путь не..., – раздался голос брата, оборванный резким порывом ветра.

– Арьен?

Не получив ответа, Анри уселся, ощутив жжение в правой ноге и еле уловимый запах мочи.

– Чтоб тебя! – вскричал он и скинул сапог с поврежденной ноги.

Опухшая ступня, с проступившими на пальцах синими пятнами, ввергла его в уныние. Стянув с себя куртку, Анри впопыхах снял рубаху и разорвал ее на два куска, после чего одним куском обмотал ступню и завязал узел, а другой кусок запихал за пояс. Потерев ступню, он облегченно вздохнул и поднял взор к небу, по которому плыли редкие облака, подобные кораблям, плывущим по спокойной глади реки.

– Ну, долго будешь сидеть!? – раздался голос брата, от которого он подпрыгнул на месте.

– Ах, же ты дерьмо собачье! – выругался Анри, схватив палку, лежавшую подле него.

Опершись на палку, он поднялся и окинул взглядом поле, походившее на море в погожий день. Тяжело вздохнув, Анри поплелся

в сторону тракта, идя по самую грудь в пшенице. С каждым шагом его сердце билось все сильнее и сильнее, а голова сжималась так, словно она пребывала в плену железных тисков.

– Пошли прочь! – крикнул Анри, взмахнув палкой на ворон, клевавших тело Арьена.

Каркнув в ответ, одна из ворон взвилась в небо и полетела к труп, лежащему позади в сотне шагов в окружении пяти ворон. Что до второй вороны, то она отскочила в сторону, держа в клюве кусочек мяса. Взобравшись на тракт, Анри огляделся и подошел к безжизненному телу брата. Согнувшись в две погибели, тот лежал на левом боку в луже засохшей крови. Его руки неестественным образом были вывернуты, будто перед смертью Арьен подвергся пытке на дыбе. В его правом боку зияла черная дыра с застывшей по краям кровью, напоминающая рану от копья. На лице, изодранном в клочья, отсутствовали нос, оба глаза и правое ухо, а из приоткрытого рта

тянулась загустевшая слизь черно-бурого цвета.

– Эх, братец-братец, – проговорил Анри с горечью в голосе, укладываясь рядом. – И как же я тебя не уберег.

Посмотрев в небо, он вспомнил то самое умиротворение, которое испытал этой ночью. Вот только не было полноты ощущений, ибо ветер продолжал гулять, а рядом раздавалось карканье вороны. Вышагивая вперевалячку и прыгая бочком, она выписывала круги, не желая бросать добычу.

– Долго будешь лежать? – раздался голос брата у самого уха, от которого Анри вскрикнул и рванул в сторону от тракта, совершенно позабыв о боли в ноге.

Нырнув в траву, он выглянул и посмотрел на брата: как и прежде, Арьен лежал на своем месте, не подавая ни единого признака жизни.

– Ты же... умер.

– Часа четыре, как покойник, брат.

– Хорошо, пусть будет так, – согласился Анри, не веря тому, что разговаривает с покойником. – От меня-то тебе чего надо?

– Чтоб ты стал и выполнил приказ.

– Какой приказ?

– Приказ королевы.

– О, Боги! – вскричал Анри, посмотрев на перевязанную ступню. – Какой приказ, дойти бы живым обратно?!

– Выполни приказ, иначе...

– Иначе что? – Иначе, я тебя не оставлю в покое.

Как только прозвучали эти слова, потянуло могильным холодом, от которого Анри бросило в озноб, а зубы застучали так, что не попадали друг на друга.

– Ладно, как скажешь, – пробормотал Анри, и холод в мгновение ока отступил, уступив место жарким лучам солнца.

Сплюнув, он выбрался на тракт, подковылял к брату и схватил его за плечи, как тут его снова обдало холодом.

– Опять за свое!? – возмутился Анри, отпрянув от тела брата, но тот не ответил.

Подобрав палку, он бросил последний взгляд на того, о ком заботился всю жизнь, и побрел дальше, в сторону таверны «Два пескаря», до которой оставалось десять-двенадцать миль ходу. Что до вороны, то дождавшись его ухода, она ринулась к трупу, принявшись довершать то, что начала двумя часами ранее.

МАНТОЙЯ

– О, Боги! – воскликнул старик, наткнувшись на юношу с пробитой головой.

Содрогаясь в конвульсиях, тот лежал на спине, держась руками за голову, а из-под его растопыренных пальцев сочилась кровь, растекаясь под головой несчастного бурым пятном. Влажные, слипшиеся черные волосы казались еще чернее, а пустой взгляд юноши, на лицо которого уже легла печать смерти, говорил о его скором конце. Люди, проходившие мимо, взирали на несчастного с каким-то безразличием, а кое-кто и с явным отвращением, будто перед ними был вовсе не человек, а какой-то кусок разложившейся плоти. Озираясь по сторонам, старик не смел прикоснуться к юноше, ибо тот был явно не из простолюдинов. Белая рубаша с пурпурной каймой, пояс из красного шелка, сандалии с позолоченными шнурками и заколка в виде сойки, лежащая в луже крови, выдавали в нем человека состоятельного.

– Эй, старик! – крикнул толстяк, остановившись у тела несчастного. – Хочешь жить, не стой на месте!

– Что? – растерялся старик, не уразумев смысла в предупреждении толстяка.

– Я говорю – не стой на месте! – повторился тот, указав рукой на одну из Башен-близнецов, возвышающихся над Торговой площадью Соутхиллса. – Иначе, того, рядом ляжешь.

– Не понимаю.

– Вот глупый человек, – пробормотал бородач, возникший за спиной толстяка. – Он говорит – не зевай! Близнецы не выбирают, кого отправить в мир Богов, а кого помиловать.

– Мир Богов... Башни-близнецы... о чем вы толкуете?

– Точно глупый!

– Не глупый, брат, – заметил толстяк, оглядев старика с головы до ног. – Он из чужаков, а чужаков близнецы ой как не любят.

Сказав это, он покачал головой, а бородач только хмыкнул и почесал подбородок.

– Твоя, правда, мил человек, – сказал старик и кивнул на заплечный мешок, из которого торчал смычок от виолы. – Я менестрель, и в вашем славном городе впервые.

Для придачи веса собственным словам, он распахнул плащ и продемонстрировал рубаху, будто на потеху, сотканную из разноцветных лоскутков ткани.

– Вот я и говорю, что из чужаков.

Переглянувшись, незнакомцы рассмеялись в голос, выказав полное пренебрежение к несчастному юноше.

– Ты, вот что, иди подобра-поздорову, покуда на твою голову не прилетел камень, а то, того...

Ухмыльнувшись, толстяк кивнул на юношу, после чего развернулся и растворился в толпе.

– И что, ему никто не поможет? – обратился старик к бородачу.

– Ему уже никто не поможет, – ответил бородач и пнул тело юноши так, будто перед ним был бездомный пес, путающийся под ногами.

Пошевелив губами, словно желая что-то сказать, юноша содрогнулся и замер. Его руки, прежде закрывавшие кровоточащую рану на лбу, одна за другой упали на мостовую.

– Надо бы предать тело земле.

– Оставь, старик, если зрители к вечеру не приберут, то приберут собаки.

Сказав это, бородач сплюнул, будто ему претила сама мысль, что труп могут пожрать собаки, и зашагал прочь. Старик же, бросив взгляд на загадочные Башни-близнецы, о которых так усердно толковали незнакомцы, пожал плечами и пошел своим путем.

Соутхиллс был уже не тем, что прежде, ибо над городом, опоясанным сорокафутовой стеной, нависал смрад, стоявший денно и нощно. Каждый, кто бывал в столице королевства, отмечал, что оба города, и Миддланд, и Соутхиллс, воняют одинаково, с той лишь разницей, что в Соутхиллсе вонь стоит круглый год. Причину столь неприятного запаха никто не знал. Одни говорили, что это запах чужаков, наводнивших город с тех самых пор, как лорд Мантойя снизил пошлины на въезд в Соутхиллс. Другие говорили, что это запах от Мертвой земли, как называли большое поле, растянувшееся на две мили от Соутхиллса до Гритривера. На этом поле свой покой нашли последние защитники Соутланда, павшие в битве при Соутхиллсе.

Как гласила легенда о небесном воине, король Аргус, достигнув Гритривера, от дальнейшего завоевания Соутланда отказался, ибо потери были столь невероятны, что он боялся остаться без войска. В первую же ночь ему приснился сон, в котором Боги повелели идти

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.